

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Красноярск 2001

ББК 67.0 + 67.3(0)
П 781

Рецензенты: кафедра теории и истории государства и права Красноярского государственного аграрного университета; кафедра государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД РФ.

П 781 **Проблемы теории и истории государства и права:**
Сб. науч. статей / Отв. ред.: д-р юрид. наук, проф.
С.А. Дробышевский, канд. юрид. наук, доц. О.П. Подосенов; Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2001. — 276 с.

В книге рассмотрены проблемные вопросы теории и истории государства и права, а также политико-юридической идеологии, недостаточно освещенные в отечественной юридической и политологической учебной литературе.

Издание адресовано студентам, аспирантам и преподавателям юридических вузов и факультетов университетов, научным работникам в сферах юриспруденции и политологии, равно как и всем тем, кто интересуется указанными областями общественной практики и научного познания.

ББК 67.0 + 67.3(0)

ISBN 5-7638-0280-2

© Красноярский
государственный
университет, 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работы, включенные в сборник научных статей, неоднородны по своей тематике. Книга открывается статьей доктора юридических наук, профессора С.А. Дробышевского "О содержании теоретических моделей наилучшего государства и планов их реализации". Автор этой работы исходил из известной идеи, что разнообразные факторы внутренней и внешней политики государств побуждают их правящие круги к выработке различных моделей политико-юридического развития. В статье предпринята попытка показать, как отдельные из указанных факторов вызывают к жизни конкретные программы совершенствования государства и права.

В статье кандидата юридических наук, доцента В.Д. Ардашкина "Сравнительное правоведение: понятие, проблемы типологии правовых систем, тенденции развития" обоснована авторская позиция о предмете сравнительного правоведения и проанализированы существующие в науке классификации национальных правовых систем. Кроме того, автор статьи сформулировал ряд идей о закономерностях правового прогресса в современном мире.

В работе кандидата юридических наук, доцента И.Д. Мишиной "К обоснованию аксиолого-этического подхода к изучению права" приведена аргументация в пользу коррекции бытующих среди отечественных юристов позитивистских правовых воззрений, исходя из требований подхода к праву, определенного автором в названии ее статьи. С точки зрения И.Д. Мишиной, без такой коррекции невозможна выработка эффективных юридических норм.

В работе аспиранта Красноярского госуниверситета С.С. Митина "К вопросу о разделении властей" рас-

смотрен имеющийся в науке спектр теоретических позиций по этой проблеме. Размышления над такими идеями привели С.С. Митина к мысли о необходимости совершенствования российского законодательства в реализации принципа разделения властей.

В статье кандидата философских наук, доцента Т.В. Будилиной и Ю.Б. Запятого “Либерализм как идейное течение и политическая сила” сделан вывод, что концепция либерализма, сложившаяся на Западе, не во всем приемлема для России в силу специфики отечественного экономического, политического и социального развития. По их мнению, перспективы прогресса государственности в нашей стране следует связывать с либерализмом как политической идеологией лишь в том объеме, в каком эта идеология является согласованной с уровнем развития российского общества вообще и его демократических институтов в частности.

Анализу правовой системы Византии в эпоху после преобразований Юстиниана посвящено сочинение кандидата исторических наук, доцента С.А. Бердниковой “Особенности развития византийского права в VIII в.”. Особое внимание в этой статье уделено юридическому документу, получившему название “Эклога”. Охарактеризовав его содержание, С.А. Бердникова проследила связи Эклоги с остальными источниками византийского права и выделила основные черты юридической системы Византии в исследованный ею период.

В статье кандидата юридических наук, доцента О.П. Подосенова “Уголовное право России XVI-XVII вв.: понятие и виды преступлений” подробно рассмотрена соответствующая проблематика отечественной юридической системы. При этом в работе определено содержание многочисленных юридических терминов и установлено их соотношение.

Особенности же, цели и виды наказаний за преступления по праву России в условиях сословно-представительной монархии – предмет статьи О.П. Подосенова “Наказание по русскому уголовному праву XVI-XVII вв.”, которая также вошла в книгу. Здесь дано системное описание основных правовых форм

карательной политики российского государства и охарактеризованы относящиеся к ней правовые понятия.

В работе В.А. Бабкина “Бсероссийское учредительное собрание – последний этап развития идеи и опыта российского парламентаризма начала XX вв.” показано, как зародилась сама идея созыва такого форума. Затем автор раскрыл весь спектр организационно-правовых мероприятий, связанных с проведением выборов в собрание и его функционированием.

Завершает сборник научных статей работа кандидата исторических наук, доцента О.Ф. Гордеева “Земельная политика автономной Сибири и механизм ее реализации (август 1917 – октябрь 1918 гг.)”. В ней впервые в историко-правовой литературе проанализированы идеи преобразования земельных отношений в Сибири, выдвинутые рядом видных деятелей сибирского областничества. Кроме того, О.Ф. Гордеев исследовал законодательство Сибирского правительства по земельному вопросу и деятельность правительственных органов по реализации этих законодательных актов.

В целом статьи научного сборника, несомненно, позволят его читателям лучше понять поднятые в нем теоретические и исторические проблемы юриспруденции и государствоведения. Именно такую цель и ставили авторы этой книги.

*С.А. Дробышевский,
О.П. Подосенов*

О СОДЕРЖАНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ НАИЛУЧШЕГО ГОСУДАРСТВА И ПЛАНОВ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Важнейшей задачей государствоведения и юриспруденции является научное решение вопроса о том, каким образом сделать государственную организацию приносящей максимальную пользу входящим в нее людям в различных условиях и ситуациях политического владения. В рамках теории государства и права указанная задача реализуется путем создания концептуальных моделей политического идеала, то есть наилучшего государственного строя, а также посредством разработки целесообразных способов претворения построенных моделей в действительность. Причем эти способы закрепляются в планах осуществления политических идеалов. В результате каждая теоретическая модель политического идеала предполагает своеобразный план совершенствования государства для достижения параметров идеала.

Базируясь на подобной модели и созданном для ее реализации плане, специалисты в области отдельных отраслей права - государственного, гражданского, уголовного и остальных - призваны выполнять свойственные им задачи. Первая из них включает конструирование проектов конституции государства и отраслевых юридических норм, которые в своей системе конкретизируют общую теоретическую модель политического идеала, предложенную в работах по теории государства и права. Вторая же сводится к разработке путей и методов претворения в жизнь подготовленных проектов юридических установлений в русле способов совершенствования политического тела, определенных в теории государства и права.

В течение истории человечества было сделано множество попыток создания моделей наилучшего государ-

* © С.А. Дробышевский, 2001.

ственного строя и планов их осуществления. При этом политологами и юристами разных стран и народов выдвинуты противоречащие друг другу по содержанию воззрения и о том, какой государственный строй может быть признан лучшим, и о том, как теоретическую модель наилучшего государства сделать реальностью [1].

Чтобы верно оценить весь спектр таких воззрений, по-видимому, нужно исходить из следующего. Любой политический идеал и план его достижения рождаются при анализе существующего положения дел в государстве с целью совершенствования этого политического тела. Отсюда вытекает, что по самой своей природе всякий политический идеал есть более совершенное состояние государственной жизни, чем тот фон, на котором идеал возник. Поэтому и план достижения политического идеала призван быть программой именно развития, а не стагнации или упадка политического тела. Если политический идеал и план его осуществления при реализации приведут к застою либо деградации государственной жизни, то они не выполняют присущих им функций и должны оцениваться негодными.

Изложенные теоретические положения, по-видимому, стали почвой, на которой возникла знаменитая мысль Платона о том, что государственная политика правильна лишь тогда, когда она делает граждан государства из худших лучшими [2]. Вместе с тем, вероятно, из той же самой почвы выросли и не менее знаменитые выводы о содержании политического идеала, сделанные Д.С. Миллем.

Как известно, по мнению Д.С. Милля, сформулированные в политическом идеале теоретические положения при их осуществлении, согласно созданному для этого плану, прежде всего должны развивать народ "в умственном, нравственном, волевом и практическом отношении" [3]. Такой прогресс, считал Д.С. Милль, означает увеличение "дозы хороших качеств" [4] во всех гражданах государства вместе и в каждом из них в отдельности, по сравнению с реально существующей организацией государства. Кроме того, политический идеал призван моделировать, а его претворение в жизнь должно обеспечивать наличие у государственного аппара-

рата очень важного свойства. Оно заключается в большей способности использовать положительные личные качества граждан государства для достижения целей этого политического сообщества, чем та, которой обладает имеющийся государственный аппарат [5].

Отмеченные классические идеи дают возможность политологам и практикам политической деятельности разделить совокупность построенных теоретических моделей наилучшего государства и планов их осуществления на способные принести пользу при реализации и не обладающие такой потенцией. Однако можно предложить ещё один критерий отсеивания негодных политических идеалов и программ из всей их массы, который целесообразно применять вместе с критериями, установленными Д.С. Миллем.

Речь идет о том, что политический идеал как образ более совершенного государства, чем имеющееся в действительности, должен воплощать цели, реализация которых совместима с самим существованием государственной организации. Иными словами, теоретические положения, являющиеся содержанием политического идеала, а также плана его претворения в жизнь, не могут вступать в противоречие с основными закономерностями функционирования государства как целостности. В противном случае достижение политического идеала будет означать разрушение государства.

Для установления безусловно необходимых для самого существования всякого политического тела закономерностей его функционирования, которые непременно должны быть учтены в моделях наилучшего государства и политических планах, нужно осмыслить следующее обстоятельство. Государство всегда представляет собой человеческое общество на определенной территории, независимое от подобных ему социальных образований, расположенных по соседству с ним или на некотором отдалении. Поэтому закономерности, обязательно присущие любому государству, есть те принципы жизни человеческого общества, при отступлении от которых общество погибает.

К таковым относится прежде всего выполнение людьми трудовой деятельности. Если члены государ-

ственно организованного общества прекратят вырабатывать продукты, нужные для их жизнеобеспечения, то очень скоро существование этих человеческих индивидов и образованного ими государства прекратится. Вот почему Л. Дюги отмечал: “На государстве лежит долг издавать законы, делающие для всех труд обязательным, — не труд в какой-нибудь определенной форме, а как таковой. Недопустимо, чтобы член общественного целого ничего не делал, и недопустимо, чтобы государство не обязало его делать что-либо” [6].

Отсюда вытекает, что государству необходимо поставить его трудоспособных граждан в такие условия, чтобы они не могли существовать без труда. Например, по свидетельству Ш. Монтескье, подобным образом поступил английский король Генрих VIII. Этот монарх, желая преобразовать церковь в своей стране, “разогнал монахов, которые, будучи сами ленивы, поддерживали лень и в других: благодаря соблюдаемому ими гостеприимству бесчисленное множество праздных людей, дворян и горожан, проводило жизнь в скитаниях из одного монастыря в другой. Он уничтожил также и богадельни, где простой народ находил средства к существованию, подобно тому, как дворяне находили их в монастырях. После этого преобразования в Англии водворился дух торговли и промышленности” [7].

Немедленный регресс и гибель в ближайшей перспективе ждет политическое тело и при отказе составляющих его лиц от совместной деятельности друг с другом. Такое заключение логически неизбежно, ибо при указанном положении дел прекратит существование система разделения и кооперации человеческого труда и, в частности, прервутся общественные усилия по воспитанию и образованию подрастающего поколения, по лечению больных и материальной поддержке нетрудоспособных. Кроме того, человеческое общество в границах государства не сможет воспроизводить себя физически, обеспечивая рождение людей, восполняющих естественные потери населения политического тела из-за смерти от старости, болезней и по другим причинам. Не случайно Р. Иеринг писал относительно отказа некоторых человеческих индивидов от вступления в брак,

что “безбрачные ... нарушают основные законы человеческого общества не менее убийц, разбойников и воров. Для того чтобы убедиться в этом, стоит только подвергнуть их испытанию посредством применения к ним кантовского понятия о “возможном в правовом отношении” (обобщение собственного образа действия), то есть представить себе образ действия их всеобщим. Общество при таком предположении должно бы было погибнуть в настоящем поколении” [8].

Для воспроизводства себе подобных, а также для выработки материальных и духовных благ человеческим индивидам обязательно нужен мир в рамках сферы, где они интенсивно общаются, то есть в пределах территории государства. Единственным же путем достижения этой цели является выделение из составляющих государство лиц некоторой части, образующей систему государственных органов. Она призвана обеспечивать мирное взаимодействие членов государственного сообщества посредством общеобязательного нормативного регулирования их поведения, что включает формулирование государственным аппаратом системы правовых норм и гарантирование им реализации юридических установлений, в том числе принудительной [9]. Причем право на физическое принуждение в границах политического тела должно принадлежать только системе государственных органов, а не каким-либо иным внутригосударственным объединениям, которым неизменно следует находиться под властью государственного аппарата [10]. Лишь при этом условии государство оказывается тем, чем оно призвано быть по самой своей сути, а именно замиренным пространством, где только и может нормально протекать человеческая жизнь [11].

Политические идеи, которые несовместимы со всем тем, что необходимо для существования человеческого общества, вслед за Т. Гоббсом могут быть названы “мятежными” [12] или подрывными. Любой политический идеал либо план, включающий эти идеи, навредит или, в лучшем случае, не принесет пользы государству, где будет сделана попытка его реализовать.

К подрывным политическим идеям в указанном смысле слова прежде всего относятся анархистские кон-

цепции, которые предполагают распад современных высокоразвитых государств. Вред от такой дезорганизации очевиден, поскольку в ее результате будут утрачены выгоды, извлекаемые людьми из сложной системы разделения и кооперации труда. В силу этого неизбежно сузится сама система удовлетворяемых человеческих нужд и понизится степень их удовлетворения по сравнению с положением, которое характерно для государств, разлагаемых анархистскими теориями [13]. Крайний пример проповеди анархизма присутствует, в частности, в работе Ф. Ницше “Так говорил Заратустра”. Как известно, в этом сочинении пропагандируется идея о самороспуске людьми государственной организации и ставится цель расселить бывших граждан государства поодиночке либо парами как отшельников, не имеющих отношений с человеческими индивидами за пределами их мест отшельничества [14].

Подобным образом к числу вредящих государству идей принадлежит теоретическое положение, согласно которому часть профессиональных групп членов государственной организации (так называемый господствующий эксплуататорский класс) паразитирует, потребляя продукты труда, произведенные остальными профессиональными группами граждан государства (так называемым подчиненным эксплуатируемым классом) [15]. Указанная идея вредоносна потому, что неизменно подрывает мирное человеческое сотрудничество в рамках государственной территории. При этом она грубо искажает действительное положение вещей в государстве, которое прекрасно отразил в своей работе “Правящий класс” Г. Моска.

В соответствии с представлениями Г. Моски, “смотреть на правящий класс как на эксплуататорский, а на управляемый как на эксплуатируемый означает стать жертвой абсурдного предрассудка” [16], ибо реальная ситуация в государстве совсем иная. Она характеризуется тем, что, “обеспечивая порядок и поддерживая сплоченность социальной структуры, господствующие общественные слои создают условия, при которых управляемый класс может трудиться наиболее эффективно” [17]. Кроме того, правящий класс из своей среды

“обеспечивает производство техническим и административным персоналом” [18].

Как отмечал Г. Моска, паразиты и эксплуататоры “существуют во всех слоях общества, точно так же, как и эксплуатируемые имеются на всех ступенях экономической и социальной лестницы” [19]. Примеров этого более чем достаточно. В частности, “человек является эксплуататором, когда расточает унаследованный им капитал в роскоши, играх и бесчинствах. Эксплуатируемым же оказывается его родственник, тяжело и честно накапливавший это состояние, работая много, потребляя мало и, возможно, не наслаждаясь совсем” [20]. Вместе с тем эксплуататор - это также “ленивый и нечестный чернорабочий, живущий за счет своего нанимателя и иных рабочих и выманивающий у хозяина заработную плату за плохую работу или за ее отсутствие вообще” [21]. Эксплуатируемый же - работник физического труда, “добросовестно исполняющий свои обязанности, а также работу окружающих его лодырей, но довольствующийся таким же вознаграждением за труд, как и они” [22].

Существование государства как области замиренного пространства, окруженной политическими границами, подрывают проповеди не только классовой, но и любой иной вражды между лицами, заселяющими государственную территорию. Это объясняется тем, что такая вражда заставляет живущих в государстве людей направлять часть своих сил не на совершенствование самих себя и в конечном счете государственного общежития, а на причинение вреда друг другу. Вот почему система органов государства, отстаивая идею общего блага всех человеческих индивидов в политическом теле, которая предполагает их плодотворное сотрудничество в условиях разделения труда, призвана предпринимать все усилия с целью искоренения в умах членов государственного общежития идей, порождающих вражду между ними.

Однако такая государственная политика, с точки зрения некоторых классиков политической мысли, является ошибочной. В политологии присутствует теоретическое представление о том, что система государственных органов не должна проводить в жизнь какой-либо идеологии [23]. Например, Л. Дюги некогда отмечал, что государ-

ство не должно иметь своей собственной доктрины, ему следует все идеологии уважать и охранять [24].

С таким заявлением согласиться нельзя. Государство, действуя через свои политические учреждения, в целях самосохранения и обеспечения собственного прогресса должно бороться со всеми теми теоретическими представлениями, которые ранее были определены как подрывные. Так, в условиях многонационального государства оказываются безусловно подрывными идеи, объявляющие неполноценными одну или несколько этнических групп его населения по сравнению с основной нацией.

Теоретическое положение о необходимости борьбы государства с подрывными политическими идеями, особенно порождающими вражду среди членов государственного общежития, весьма актуально в условиях российской политической действительности. В частности, для того, чтобы быть мощным и процветающим государством, Россия в лице ее системы государственных органов не должна делить своих граждан на людей первого и второго сорта по любому критерию и, между прочим, на полноправных коренных жителей и нежеланных пришельцев, поддерживая либо относясь безразлично к политическим лозунгам типа “Россия для русских”, “Сибирь для сибиряков” и т.п. Вместо этого Россия призвана сплачивать весь человеческий материал, волею судеб оказавшийся на ее территории, в единый коллектив, гармоничное содружество всех членов которого и обеспечит ее прогресс.

Сказанное позволяет понять закономерности существования всех государственно организованных обществ, непременно подлежащие учету в каждой концептуальной модели наилучшего государства и во всяком плане претворения в жизнь такой модели. Однако отсюда не следует, что ранее отмеченные противоречия в определении различными учеными содержания политического идеала и программы его осуществления неизменно являются результатом научных ошибок. Напротив, наиболее знающие и проницательные мыслители разных стран с древнейших времен обоснованно указывают на необходимость дифференциации политических идеалов и планов их достижения по содержанию, исходя из

иерархии целей, стоящих перед конкретным государством, а также условий, в которых оно формулирует политическую линию. Так, еще Аврелий Августин утверждал, что в зависимости от личных качеств жителей государства для последнего наилучшей политической формой может быть как демократия, так и аристократия. Буквально он писал: “Если люди имеют чувство умеренности и ответственности и являются самыми внимательными стражами общего блага, то представляется правильным принятие нормы права, позволяющей им избирать своих собственных магистратов для управления государством. Но если с течением времени те же самые люди становятся настолько испорченными, что продают свои голоса и доверяют политическое управление подлым и преступникам, то в этом случае необходимо лишить таких людей права выбора должностных лиц и передать его немногим добродетельным гражданам” [25].

Идея о необходимости дифференциации политических идеалов и планов их реализации, исходя из специфики государств, где эти идеалы и планы должны осуществляться, получила более развернутое выражение и обобщенный вид в трудах мыслителей последующих эпох. Так, в трактовке Ж.Ж. Руссо ее суть сводится к следующему: “Когда спрашивают в общей форме, которое из правлений наилучшее, то задают вопрос неразрешимый, ибо сие есть вопрос неопределенный, или, если угодно, он имеет столько же верных решений, сколько есть возможных комбинаций в абсолютных и относительных положениях народов ... Во все времена много спорили о том, которая из форм правления наилучшая, - того не принимая во внимание, что каждая из них наилучшая в одних случаях и худшая в прочих” [26]. Это и неудивительно. Например, “как пища людей здоровых не годится для больных, так же не следует желать управлять испорченным народом посредством тех же законов, которые подходят для народа здорового” [27].

И Ж.Ж. Руссо, и многие другие приверженцы анализируемой идеи отдавали себе отчет, что политические идеалы и планы для претворения в жизнь должны принимать юридическую форму. Понимали они и логически вытекающую из этого факта необходимость диффе-

ренциации содержания права в различных государствах в зависимости от их целей и условий существования. Естественно, что этими учеными были сделаны соответствующие выводы о содержании права. В частности, Р. Иеринг отмечал: "Как врач не может прописывать всем больным одно и то же средство, а сообразует избираемые им лекарства с состоянием больного" [28], так и право, воплощая политические идеалы и программы, "не может всюду создавать одни и те же определения, а должно, напротив, сообразоваться с состоянием народа, степенью его культуры, потребностями времени и, правильное говоря, даже и не должно, а это само собою делается, это - сам собою слагающийся исторический факт. Идея о том, что право в сущности должно бы быть всюду одно и то же, ничуть не лучше идеи о том, что лечение всех больных должно бы быть одинаково. Универсальное право для всех народов - то же самое, что универсальное лекарство от всех болезней и для всех больных. Такое воззрение - ложное в самом основании своем" [29], как и представление, что формула наилучшего государственного устройства - одна и та же для всех государств, независимо от исторической обстановки, в которой они существуют [30].

И "сколько мало врач противоречит себе, когда, смотря по состоянию больного, ныне прописывает ему то, что воспретил вчера, столь же мало" [31], поступая аналогичным образом, противоречит себе и законодатель, ибо "жизненные условия общества варьируются точно так же, как и жизненные условия индивида" [32]. То, "что в одном месте излишне, в ином может быть необходимо, полезное в данном случае может оказаться вредным в другом" [33]. Причем "врач может ошибиться в выборе средств, точно так же и законодатель; им могут руководить различного рода предрассудки" [34]. В частности, хотя "уголовное право начинается там, где интересы общества требуют наказания" [35] и последнее "должно иметь место всюду, где общество не может обойтись без него" [36], "здесь все зависит от индивидуального опыта, от склада жизни и нравственности различных народов и времен" [37]. Поэтому "отношение сферы применения наказания к сфере гражданской

кривды, или, - что то же самое, - сфера преступления в обширном смысле, исторически изменчивы, точно так же; как непостоянно и отношение области права к области нравственности” [38].

Чтобы правильно определить содержание политического идеала, плана его осуществления и правовые формы всего этого в том или ином государстве, необходимо знать, при каких обстоятельствах государственной жизни конкретные политические учреждения и юридические установления возможно ввести и будут ли они в случае введения полезными либо вредными. Необходимость получения такого знания всегда и везде представляется очевидной для политологов и правоведов. Поэтому ими были предприняты немалые усилия приобрести его, которые принесли определенные результаты. Например, в работах Д.С. Милля и Г. Спенсера сделано несколько выводов по рассматриваемой проблеме.

Во-первых, “если народ расположен скорее покрыть преступника, чем задержать его ...; ... если ... обыватель переходит на другую сторону улицы, видя, что среди белого дня один человек убивает другого, так как дело полиции заняться этим ...; если народ возмущается казнью, но не негодует на убийство, - то этому народу необходимо обуздывающее его правительство с более широкими полномочиями, чем где бы то ни было, так как иначе у него не обеспечены самые основные и необходимые условия цивилизованной жизни” [39]. Несомненно, что столь плачевное состояние народа “является обыкновенным результатом предыдущего дурного управления им. Оно-то и приучило смотреть на закон как на нечто, созданное для других целей” [40], но не для народного блага, “и на представителей этого закона как на более страшных врагов, чем все, открыто его нарушающие. Но как ни мало заслуживают осуждения те, среди которых сложились такие понятия, какова бы ни была уверенность, что в конце концов эти понятия будут вырваны с корнем другим, лучшим, правительством, тем не менее, пока эти понятия существуют, настроенный таким образом народ не может управляться со столь же небольшими ограничениями, как народ, все симпатии которого находятся на стороне закона и ко-

торый всегда готов предложить свое деятельное содействие, чтобы заставить исполнять этот закон” [41].

Во-вторых, “различные материальные трудности служат непреодолимой преградой к установлению известных форм правления” [42]. Так, в древности народное правление “не могло существовать вне городских стен, вне городской общины” [43], поскольку “физические условия, необходимые для образования и распространения общественного мнения, встречались только среди тех, кто мог соединяться для совещаний об общественных делах в одной и той же агоре” [44]. Чтобы это препятствие “всцело устранить, нужна печать вообще и особенно газеты, действительно заменяющие, хотя и не во всех отношениях, иници и форум” [45].

В-третьих, “если какое-нибудь установление или целая совокупность установлений имеет под собой почву, подготовленную мнениями, вкусами и обычаями народа, то последний не только охотно принимает их, но с самого начала ... осваивается с ними и ... расположен делать все, что от него требуют, как для охраны этих установлений, так и для наилучшего их развития” [46]. Поэтому “со стороны законодателя было бы большой ошибкой, если бы он по возможности не воспользовался уже существующими в народе обычаями и чувствами” [47].

Однако “было бы преувеличением считать необходимым условием то, что является только поддержкой и облегчением. Народ легче можно заставить делать и он будет делать более охотно то, к чему привык” [48]. Но ведь людей можно научить осуществлять и то, что для них совершенно ново. Привычка к известным вещам, конечно, большая помощь. Вместе с тем, “часто встречаясь с известной идеей, можно и с ней освоиться, даже если вначале она ... казалась странной” [49]. Вот почему “предлагать и защищать ... известную форму правления, выставить в ярком свете ее преимущества” [50] - один из способов, а иногда и единственный способ воспитать национальный дух и научить народ не только принять это политическое установление, но и приспособить его к жизни [51]. Таким образом, не надо думать, что бесполезно искать влияния на государственное управление, воздействуя на общественное мнение. Это значило бы

забыть, что последнее есть одна из самых деятельных социальных сил. “Человек с убеждениями представляет собой общественную силу, равную силе девяти средних людей, имеющих только интересы” [52]. Те, кто смогут убедить общество, что определенная форма правления достойна предпочтения, “совершат шаг, почти, можно сказать, наиболее важный, какой только можно сделать, чтобы привлечь общественные силы на сторону данной формы правления” [53]. Ведь “то, что люди думают, ограничивает их действия. И хотя убеждения и верования людей средних определяются скорее их личным положением, чем разумом” [54], это еще не значит, чтобы на них не имела влияния сила убеждений и верований других классов общества и совокупный авторитет просвещенных людей. В результате, когда удастся убедить большинство образованных членов общества, что такой-то политический строй хорош, а “такой-то плох, что первый желателен, а второй достоин осуждения, этим уже много сделано, чтобы упрочить один и отнять у другого тот перевес социальных сил, который делает его живучим” [55].

В-четвертых, недостатки, преобладающие в народе, встретятся в его представительных собраниях. “И во всех случаях, когда исполнительная власть и непосредственное руководство делами попадут в руки людей, сравнительно свободных от этих недостатков” [56], такие “лица часто могли бы сделать больше добра, если бы не были принуждены необходимостью действовать с одобрения представительных учреждений. Но в этом случае ... положение правителей не служит достаточным ручательством того, что они прониклись интересами и стремлениями благотворного направления. Редко один правитель и его советники или небольшое количество правителей будут свободны от общих слабостей народа или будут стоять на высшей ступени цивилизации, - если, по меньшей мере, они не будут иностранцами, принадлежащими к более передовому народу или более цивилизованному обществу. Тогда, без сомнения, правители стоят в отношении цивилизации выше тех, кем они управляют” [57]. Поэтому “подчинение иностранному правительству такого рода, несмотря на неизбежно связанное

с ним зло, является часто ... выгодным для народа, так как заставляет его быстро проходить многие фазисы прогресса и устраняет многие препятствия, могущие неопределенно долго существовать, если подчиненный народ был бы предоставлен своей собственной участи и своим природным стремлениям” [58].

Следует также заметить, что “в стране, не находящейся под иностранным господством, единственной причиной, способной произвести подобное благодеяние, является редкий случай гения на троне. Примеров таких гениальных монархов, царствовавших достаточно долго, чтобы сделать кое-какие из своих улучшений прочными, и оставивших их под охраной поколения, выросшего под их влиянием, в истории немного: Карл Великий ..., Петр Великий” [59]. Их надо отнести к счастливым случайностям, часто решавшим в критические моменты вопрос, “сделают ли некоторые из передовых народов внезапный скачок вперед или вернутся в варварское состояние” [60].

В-пятых, отличительная черта людей, рожденных рабами, - выполнение только того, “что им приказывают, и только тогда, когда им приказывают” [61]. Поэтому для обеспечения быстрого социального прогресса “народа рабов нужен патриархальный деспотизм или аристократия, вроде сен-симоновского социализма” [62]. Речь идет о власти, управляющей с высоты всеми действиями общества таким образом, чтобы каждый человек “чувствовал присутствие силы, способной заставить его подчиниться законам” [63]. Причем указанная власть ввиду невозможности уследить за каждой мелочью жизни и труда должна предоставлять отдельным лицам свободу многое делать лично самим. “Это правительство можно назвать ... ведущим народ на помочах” [64].

В-шестых, когда государство объединяет разные этнические группы людей, то возможно, что они либо вовсе не смешиваются между собой, либо смешиваются лишь отчасти, либо совершенно сливаются. В первых двух случаях образуется гибридное общество. Оно отличается внутренней неустойчивостью и поэтому “может быть организовано только на основании принципа принудительной кооперации, так как составляющие его

единицы, слишком отличные одни от других по своей природе” [65], не в состоянии “действовать вместе по собственному побуждению” [66]. Наоборот, общество, характеризующееся сходством составляющих его единиц в этническом отношении, относительно устойчиво и может без труда развить связи добровольной кооперации. Такой социальный организм способен длительное время существовать, базируясь на этих связях, в особенности если указанное общее сходство сосуществует в нем со слабыми этническими различиями [67].

Относительно соотношения выделенных Г. Спенсером противоположных режимов добровольной и принудительной кооперации [68] человеческих усилий в ходе реализации юридически закрепленных политических идеалов и программ нужно заметить, что добровольная кооперация деятельности людей в этом процессе обычно имеет место при одном условии. А именно когда каждый человек, действия которого требуются для претворения в жизнь политического идеала и вытекающей из него программы, видит в этом для себя личную выгоду.

Однако так случается далеко не всегда. Дж. Остин некогда отмечал, что цели всякого государства достигаются не только предоставлением сувереном подданным прав, которые непосредственно полезны каждому из них, и возложением на этих лиц обязанностей, необходимых для наслаждения указанными правами. Суверен, кроме того, всегда вынужден навязывать своим подданным обязанности “иного рода, которые способствуют благу политического сообщества в целом, хотя и специально не благоприятствуют интересам какой-либо части индивидов и групп” [69] государственно организованного общества. Причем последнего рода обязанности являются неизбежной формой воплощения в государстве общих программ его совершенствования, на базе претворения в жизнь которых только и возможно осуществлять дела, очевидно выгодные каждому отдельному человеку.

Так вот ощущаемые многими жителями государства лично невыгодными для себя общие программы совершенствования этого политического тела обыкновенно возможно выполнять не иначе, - как хотя бы частично посредством принудительной кооперации поведения

его населения, несмотря на предпринимаемые сувереном усилия убедить подданных в благотельном характере этих программ для всех них. Поскольку же без реализации подобных общих программ, предполагающих государственное принуждение, равно как и без добровольного исполнения подданными приказов суверена, воспринимаемых ими в качестве лично выгодных, не только прогресс, но и само существование государственной жизни немыслимы, то отсюда неизбежен вывод. Во всяком государстве при построении политического идеала и плана его осуществления нужно использовать в виде строительного материала элементы разработанных рядом политологов прошлого и современности во многом противоположных идеальных конструкций политического тела, одна из которых лучше всего отвечает нуждам принудительной кооперации усилий людей, а другая является самой подходящей для поддержания добровольной кооперации человеческой деятельности [70]. В частности, в концепции Г. Спенсера первая из них названа военным типом общества, а вторая - промышленным социальным типом [71]. Причем из его работ явствует, что наиболее типичным примером общегосударственной программы, обычно реализуемой хотя бы отчасти путем принудительной кооперации усилий населения государства, выступает мобилизация сил страны для отпора внешнему врагу.

Потребность в осуществлении общих программ совершенствования государства для блага его населения неодинакова в различных странах. В некоторых государствах по разным причинам ради общего блага населяющих их людей эти программы и предполагаемое ими государственное принуждение должны реализовываться в больших масштабах, чем в остальных. Так, в роли одной из упомянутых причин иногда выступает специфическое положение конкретного политического тела в системе международных отношений.

Как известно, отдельное государство может отставать по уровню совершенства личных качеств составляющих его человеческих индивидов и поэтому по экономическому могуществу и военной силе от иных государств, быть наравне с ними или опережать их. При

этом в межгосударственном общении хотя и присутствует единство коренных и долговременных интересов всех его субъектов [72], но тем не менее обыкновенно реализуются на практике и алчные стремления мощных политических тел подчинить своему влиянию и эксплуатировать слабые в военном и экономическом отношениях государства, если последние оказываются не в состоянии противостоять давлению на них извне [73].

В этой ситуации в случае нежелания отсталого государства быть объектом эксплуатации со стороны более сильных политических тел у него нет иного выбора, кроме как расходовать максимально возможную долю произведенных им материальных и духовных благ на совершенствование своего населения в целях достижения необходимой для отпора внешнему давлению экономической и военной мощи и не позволять своим гражданам тратить сколько-нибудь значительные средства на потребление, не предполагающее улучшение личных качеств их самих или иных жителей страны. Такая политика, с одной стороны, неизбежно вступит в противоречие с либеральным пониманием объема личных прав человека и функций государства в обществе и, с другой стороны, не понравится людям, привыкшим тратить деньги на цели, несовместимые с их личным развитием и совершенствованием государства в целом. И оно в лице системы государственных органов окажется перед необходимостью принуждать таких лиц, если не сможет убедить их добровольно следовать его предписаниям. Вместе с тем, несмотря на отмеченные обстоятельства, очерченная политика, несомненно, воплощает в себе идею общего блага населения отсталого государства по очевидной причине. Лишь при реализации указанной политической линии это государство может со временем надеяться по уровню своего развития догнать и даже перегнать современные ему передовые страны и в результате не дать им себя эксплуатировать.

Однако идея общего блага, которую призвано реализовывать правительство государства, опередившего остальные политические тела по степени своего развития, должна быть иной. Ее содержание, по-видимому, определяется тем, что население передового государ-

ства может себе позволить образ жизни, представляющийся только мечтой в стремящемся догнать развитые страны отсталом политическом теле, и к которому жители последнего в конечном счете стремятся, сосредоточивая собственные усилия на самосовершенствовании. Он состоит в свободе отдельных лиц во многом жить так, как они хотят, когда одни люди могут, следуя советам Аристотеля, Эпикура и Экклезиаста, работать, чтобы потреблять, а не наоборот, и не откладывать на завтра то удовольствие от потребления, какое можно иметь сегодня [74]. Причем для них задача стать лучше сама по себе не является главной в жизни. Другие же лица, напротив, свободны находить высшее наслаждение в труде по самосовершенствованию и потреблять материальные и духовные блага именно для приобретения возможности работать и становиться совершеннее.

В передовом политическом теле в противоположность отсталому, которое стремится догнать развитые страны, имеется прочная почва для отмеченного образа жизни людей, предполагающего либеральное понимание объема личных прав человека и функций государства в обществе. Ее наличие объясняется способностью передового государства пресечь попытки эксплуатации его населения из-за рубежа мобилизацией на общие программы социального развития гораздо меньшей доли производимых в нем материальных и духовных благ, чем часть всей вырабатываемой продукции отсталого политического тела, расходуемая им на подобные цели в стремлении достичь уровня совершенства социальной жизни развитых стран. В результате в передовой стране у суверена имеется возможность позволить подданным самим решать вопрос, как поступать с немалыми материальными и духовными ресурсами, какие не требуются у них изымать для нужд государства в целом. И эту самостоятельность суверен передового государства, как правило, предоставляет подчиненным ему лицам, исходя из того, что производители материальных и духовных благ лучше, чем государственные чиновники, знают собственные потребности и специфические условия, в которых принимаются решения о расходовании средств, а также по той причине,

что люди высоко ценят саму свободу своих действий и негативно относятся к ее ограничениям.

К сожалению, у суверена отсталого государства, стремящегося посредством совершенствования подданных избавиться от эксплуатации со стороны более развитых политических тел, нет указанной прочной почвы, которая позволяет предоставить этим индивидам широкие рамки свободы. Другое дело, что он, как суверен, разумеется, в состоянии наделить их такой свободой и вместе с ней всеми остальными ценностями либеральной политической идеологии. Однако подобное решение неизбежно поставит крест на его честолюбивых планах догнать передовые страны из-за отсутствия в распоряжении этого суверена той суммы материальных и интеллектуальных ресурсов, которая необходима для совершенствования населения отсталой страны в соответствии с упомянутыми планами.

Приведенные теоретические положения, бесспорно, дают пищу для размышлений людям, думающим о путях развития российского государства. Вместе с тем они являются только частью той интеллектуальной базы, которая достаточна для принятия общеобязательных решений по этому вопросу.

Список литературы

1. См., напр.: Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. Т. 1. СПб., 1889. С. 418-419; The Good Polity. Normative Analysis of the State. Ed. by A. Hamlin and P. Pettit. N.Y.: Basil Blackwell, 1989. P. VII; Dahl R.A. After the Revolution? Authority in a Good Society. New Haven; L.: Yale U.P., 1990. P. 1; Дробышевский С.А. Классические теоретические представления о государстве, праве и политике. Красноярск, 1999. С. 36, 55-56, 84, 100-102, 127-128, 143, 216-221, 271-275, 290-293, 350-355.
2. См.: Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 134.
3. Милль Д.С. Представительное правление. СПб., 1907. С. 36.
4. Там же. С. 33.
5. См.: Там же. С. 34-36.
6. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908. С. 675.
7. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 529.
8. Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. СПб., 1881. С. 329.
9. См.: Гоббс Т. Избранные произведения. Т. 2. М., 1964. С. 152-170; Ehrlich E. Fundamental Principles of the Sociology of Law. Cambridge: Harvard University Press, 1936. P. 378.

10. См.: Иеринг Р. Указ. соч. С. 236-237.
11. См.: Гоббс Т. Указ. соч. С. 192-197; Ehrlich E. Op. cit. P. 378.
12. Гоббс Т. Указ. соч. С. 336; См. также: С. 202-203, 255, 347.
13. См.: Бакунин М. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 297-396; Кропоткин П. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990. С. 153-369.
14. См.: Ницше Ф. Так говорил Заратустра. СПб., 1913. С. 67-70.
15. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 298-493.
16. Mosca G. The Ruling Class. N.Y., 1939. P. 426.
17. Ibidem.
18. Ibidem.
19. Ibidem. P. 302.
20. Ibidem. P. 302-303.
21. Ibidem. P. 303.
22. Ibidem.
23. See: Sargent L.T. Contemporary Political Ideologies: A Comparative Analysis. Chicago, 1987. P. 6-7.
24. См.: Дюги Л. Указ. соч. С. 799-800.
25. Дробышевский С.А. Указ. соч. С. 56.
26. Руссо Ж.Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 213, 199.
27. Там же. С. 241.
28. Иеринг Р. Указ. соч. С. 319.
29. Там же.
30. См.: Там же. С. 198.
31. Там же. С. 324.
32. Там же.
33. Там же.
34. Там же. С. 326.
35. Там же. С. 355.
36. Там же. С. 356.
37. Там же. С. 357.
38. Там же.
39. Милль Д.С. Указ. соч. С. 11.
40. Там же.
41. Там же. С. 11-12.
42. Там же. С. 12.
43. Там же.
44. Там же.
45. Там же. С. 12-13.
46. Там же. С. 14.
47. Там же.
48. Там же.
49. Там же.
50. Там же. С. 15.
51. См.: Там же.
52. Там же. С. 18.
53. Там же.
54. Там же. С. 19.
55. Там же.
56. Там же. С. 78.
57. Там же.

58. Там же.
59. Там же: С. 78-79.
60. Там же. С. 79.
61. Там же. С. 41.
62. Там же. С. 42.
63. Там же.
64. Там же.
65. Спенсер Г. Основания социологии. Т. 1. СПб., 1898. С. 360.
66. Там же.
67. См.: Там же.
68. См.: Там же.
69. Austin J. Lectures on Jurisprudence or the Philosophy of Positive Law. L., 1869. P. 282.
70. См.: Спенсер Г. Указ. соч. С. 348-372; Oakeshott M. On Human Conduct. Oxford: Clarendon Press, 1975. P. 311-326; Чиркин В.Е. Глобальные модели политической системы современного общества: индикаторы эффективности // Государство и право. 1992. N 5. С.83-89.
71. См.: Спенсер Г. Указ. соч. С. 348, 373.
72. See: Austin J. Op. cit. P. 298-299.
73. См.: Дробышевский С.А. Указ. соч. С. 147-148, 161-165, 242-243, 272-273, 305, 361-362.
74. См.: Там же. С. 31, 43-44, 54.

В.Д. Ардашкин*

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ: ПОНЯТИЕ, ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Сравнительное право (правоведение, юридическая компаративистика) - это комплексное изучение современной правовой карты мира (юридической географии). Это отрасль знаний, объектом которой являются правовые системы, отрасли права, институты, отдельные нормы права, законы, практика их применения, юридические теории. Ныне сравнительное право выступает как метод социально-правового познания и научная дисциплина, как учебное (педагогическое) сравнительное правоведение и практическая компаративистика. Все уровни и аспекты исследования: научное и эмпирическое, дидактическое и прикладное приобрели особую значимость и актуальность на нынешнем этапе раз-

* © В.Д. Ардашкин, 2001.

вития мировой культуры, в том числе государственно-правовой цивилизации.

В сжатом виде Р. Давид выделил три основные позиции, раскрывающие, в чем ныне значение и выгоды сравнительного права. Оно чрезвычайно полезно для изучения истории права и его философского осмысления; оно очень нужно для лучшего понимания и совершенствования собственного национального права (в русле поиска наиболее удачных форм государственно-правового общежития); оно весьма значимо для взаимопонимания народов и создания лучших правовых форм международного общения [1].

Центральное место в теории сравнительного права занимают вопросы: понятие правовой системы, классификация (типология) национальных правовых систем, в особенности их группировка по семьям, закономерности развития правовых систем в современном мире.

Категория правовой системы в советской юридической науке была сформулирована в процессе и в результате очередной дискуссии об общем понятии права. Ныне это официальный термин и легальное понятие (см. ст. 15 Конституции РФ).

Правовая система, по мнению С.С. Алексеева, понятие более широкое и объемное, чем просто понятие "право". А "просто" право - это система обязательных норм, выраженных в законе, иных признаваемых государством источниках. С точки зрения внутреннего строения право, взятое в единстве и согласованности действующих правовых норм и их логическом распределении по отраслям и институтам, есть система права. Форма внешнего выражения правовых норм (нормативные акты, обычаи и другие источники права) - это система законодательства. Но жизнь права воплощается и в других элементах правовой действительности. И все это охватывается собирательным понятием "правовая система". Думается, что С.С. Алексеев предложил удачное определение: правовая система - это право, рассматриваемое в единстве с другими активными элементами правовой действительности - правовой идеологией и судебной (юридической) практикой [2].

Под несколько иным углом зрения в правовой системе различаем:

а) нормативную сторону (юридические нормы, принципы, формы их выражения);

б) организационную сторону (совокупность правовых учреждений, в первую очередь судебных, в т.ч. международных, в частности Европейский суд по правам человека в Страсбурге);

в) духовную сторону (правовые взгляды, идеи, представления). Не вполне точно относить правовую культуру всецело к духовной стороне, ибо культура включает в себя элементы всех сторон правовой действительности.

Правовая система данного общества (страны), отражающая закономерности его развития, исторические, национальные, культурные особенности, именуется национальной правовой системой.

До недавнего времени в советском государствоведении преобладала типология, основанная на формационном подходе: каждой классовой общественно-экономической формации свойствен свой исторический тип права - рабовладельческий, феодальный, буржуазный, социалистический. Понятие "исторический тип права" стало ключевым в марксистской классификации, а все другие типологии права рассматривались как вторичные, вспомогательные. В настоящее время по мере преодоления упрощенного классового, партийно-политического подхода признаются и используются различные типологии правовых систем. И наиболее популярной с позиций нового мировоззренческого мышления классификацией правовых систем является их группировка на базе понятия "семья правовых систем".

Основания и критерии указанной группировки обобщены в понятии правовой семьи: это совокупность национальных правовых систем, объединенных общностью исторического формирования, структуры источников, ведущих отраслей и правовых институтов, юридической культуры и мышления, а также правоприменения. Внутри правовой семьи можно выделить более дробные классификации, т.е. разделить ее на

несколько групп. К примеру, в романо-германской правовой семье выделяется группа французского (романского) и германского права. С.С. Алексеев говорит, напротив, о возможности обособления на более высоком уровне теоретических абстракций некоторых укрупненных систем юридического регулирования: нормативно-законодательной и нормативно-судебной. Первая система представлена романо-германским правом, вторая англосаксонским общим правом [3].

Многообразие классификаций правовых систем свидетельствует об относительной самостоятельности правовой формы, особенностях технико-юридического содержания права. Этим объясняется и дискуссионность ряда вопросов типологии правовых систем. Так, некоторые авторы выделяют в особые семьи право латиноамериканское, скандинавское, славянское и т.д. Из-за динамизма политической действительности (распад СССР, крах социалистической системы стран Европы, создание Союза Беларуси и России, формирование европейского правового пространства и т.д.) ряду правовых систем предстоит еще определить их адекватные ниши и место в юридической географии мира. Как метко и едко выразился американский профессор Л. Фридман: “Маркс и русский медведь наложили тяжелую лапу на законы стран “народной демократии” в Восточной Европе. Они подверглись глубокому влиянию русского права и функциональных требований социалистической экономики” [4]. Отсюда проистекает множество нерешенных вопросов теории национальных правовых систем, их классификаций.

Что касается закономерностей развития правовых систем в современном мире, то они видятся в нескольких плоскостях. Прежде всего тенденции правового прогресса выражаются в наиболее полном использовании достоинств, ценностей как нормативно-законодательной, так и судебно-нормативной систем юридического регулирования. Вместе с тем очевидны тенденции сближения и даже “переплетения” правовых систем, их отдельных ячеек при общем сохранении и некотором усилении специфики.

В целом же можно констатировать движение большинства стран к правовому гражданскому обществу, основой которого являются права и свободы человека, общецивилизационные юридические начала.

В заключение о специфике мусульманского права, которая противоречиво и неоднозначно раскрывается в литературе.

Здесь следует уяснить, в чем разница исламского права и права мусульманских стран. Во многих из них действует и светское право. Мусульманское право - разновидность религиозного права - распространяется только на лиц, исповедующих ислам. Понятно, что в странах, где ислам объявлен государственной идеологией, роль мусульманского права более значительна.

Арабское слово “аш-шария”, ставшее в русском произношении шариатом, - одно из ключевых понятий в исламе. Дословно оно означает “правильный путь”, а понимается мусульманами как исламский образ жизни в целом, установленный Аллахом и изложенный Мухаммедом в Коране. В шариате воедино слиты религиозные установления, нормы нравственности и права. Отсюда в шариате условно выделяется теология (акид, принципы веры) и фикх (право). По мнению С.С. Алексеева, мусульманское право проявляет себя как юридический феномен (собственно право) в той мере, в какой нормы шариата реально, фактически функционируют как общеобязательные правила, обеспеченные государством.

Не представляет сложности охарактеризовать источники мусульманского права - Коран, Сунну, Иджму, Кийяс.

В исламе надо различать два основных течения (толка) - суннитского и шиитского, подразделяющиеся на различные школы (от 12 до 40).

В качестве материала как информации к размышлению приведем ряд положений шариата, относящихся к браку и семье. Коран действительно позволяет мусульманину иметь до четырех жен одновременно, но лишь в том случае, если он в состоянии обеспечить справедливое и равное отношение ко всем женам. “А если бо-

итесь, что не будете справедливы, - сказано в Коране, - то женитесь на одной”.

Нёмало стихов Корана резко осуждает грех прелюбодеяния. “И не приближайтесь к прелюбодеянию, ведь это - мерзость и плохая дорога”. Санкция: “Прелюбодея и прелюбодейку - побивайте каждого из них сотней ударов... И пусть присутствует при их наказании группа верующих”.

По словам Пророка, “самый лучший из вас тот, кто с большей добротой, чем другие, относится к своей жене”.

В приведенных положениях отчетливо проявляется специфика мусульманского права как единство и религиозно-духовного, и собственно правового начала.

Кроме того, специфика шариата по-разному проявляется в различных мусульманских государствах и в зависимости от соответствующей социально-политической обстановки. К примеру, на президентских выборах в Иране в феврале текущего года победил Мохаммад Хатами, который выступает за либерализацию, укрепление индивидуальных свобод, свободы печати, ослабление вмешательства духовенства в жизнь общества. И перемены уже происходят. Если раньше женщинам строго воспрещалось появляться на стадионах, то сегодня они “болеют” на футбольных матчах и даже занимаются карате. Решающая роль в победе реформаторов принадлежит молодежи и женщинам [5].

Список литературы

1. См.: Очерки сравнительного права: Сборник. М.: Прогресс, 1981. С. 21.
2. Алексеев С.С. Государство и право. Начальный курс. М.: Юрид. лит., 1993. С. 72.
3. Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1994. С. 202.
4. Фридмэн Л. Введение в американское право. М.: Прогресс, 1993. С.19.
- 5: Российская газета. 2000. 22 февр.

К ОБОСНОВАНИЮ АКСИОЛОГО-ЭТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ПРАВА

Право – грандиозный, неисчерпаемый для осознания феномен. Это порядок бытия, который, по утверждению античных и некоторых современных мыслителей права, устраивается мировыми силами прежде, чем к нему прикасаются человеческие руки и осмысливает разум. С.С. Алексеев в своей книге “Самое святое, что есть у Бога на земле” предполагает необходимость наступления новой эпохи в понимании права, в которой право освещалось бы с мировоззренческих позиций как особое “мирозданческое явление”, как “феномен разума и высоких истинно человеческих начал” – духовных, идеальных, “даже – Божественных”, таких, что предполагают саму возможность оценки права как “святыни в жизни человека” [1]. Аксиолого-этический подход предполагает именно такие позиции, и это позволяет приблизиться к решению актуальной задачи правоведения – философскому возвышению теории.

Указанный подход позволяет рассмотреть место, роль, функции, содержание и соотношение воплощенных в праве вечных духовных общечеловеческих ценностей – Свободы, Справедливости, Равенства в сравнении с воплощением этих же ценностей в нравственности. Рассмотрение права из координат нравственных ценностей дает возможность установить аксиологическое содержание права, предполагает ценностную модель соотношения нравственности и права в человеческом бытии. Таким образом, исследованию подвергаются фундаментальные ценности в праве, которые затем органически перетекают, воплощаются в ценности самого права.

Право и нравственность связаны с основами мироздания и с мировоззрением каждой отдельной личности. Поэтому потребность в аксиологическом осмыслении

проблем права коренится в смыслополагающих вопросах человеческого бытия. Осмысление права в его взаимосвязи с моралью – одна из самых давних традиций истории общественной мысли, развиваемой в рамках естественно-правового подхода.

В современной теории права вопрос о взаимоотношениях нравственности и права дискутируется вновь и вновь, российская правовая мысль до сих пор ищет способы оптимального сочетания правовых и моральных ценностей, по-разному рассматривая проблему в координатах гуманистической концепции [2], либертарной концепции [3] права. Одновременно этическая модель права весьма критикуема современными авторами, особенно юристами [4]. Более последовательными апологетами этической концепции права выступают современные философы [5]. На наш взгляд, отстаивание этической модели права не должно вызывать удивления, негодования или снисходительного отношения у сторонников изучения “строгого права” [6], напротив, такая модель остается (и всегда будет) актуальной по следующим соображениям.

Мораль и право – важнейшие ценностные формы человеческого бытия, генетически и исторически связаны между собой, но в настоящее время все больше отдаляются друг от друга в мировоззрении людей. “Автономная мораль” и “строгое право” – полное разведение этих ценностных регуляторов есть следствие юридического позитивизма, который долгие годы господствовал в юриспруденции. Юридический позитивизм индифферентен к духовному, аксиологическому измерению права, уходящему к истокам Вселенной ценностному единству нравственности и права. Он обуславливает рассмотрение права как замкнутой самодостаточной системы, препятствует изучению правового феномена в координатах смысла, сущности, ценности человеческой жизни. Тем самым юридико-позитивистский подход делает невозможным формирование целостного (ценностного) мировоззрения, объективно отражающего правовое бытие *Homo juridicus* и творчески, активно формирующего и преобразующего правовое пространство на началах правового разума.

В результате полного разрыва нравственности и права мировоззрение как таковое распадается, действительность представляется личности как множество раздробленных частей, не имеющих смыслового ядра, объединяющего начала. Право и мораль не воспринимаются больше как содержащие жизненные смыслы формы человеческой духовности, перестают объединять эклектичные представления человека о мире и самом себе. Поэтому оба духовно-социальных института воспринимаются исключительно как внешние, а следовательно, неэффективные силы, навязанные личности обществом и государством для того, чтобы выжить, а не как ценностные регуляторы, имеющие целью достижение блага и состояния гармонии в жизни людей.

Весьма важная грань проблемы взаимоотношений нравственности и права – это определение самой нравственности как феномена вечного, универсального по своему содержанию, воплощающего ценностные абсолюты, общечеловеческое, а не групповое, корпоративное или эгоцентрическое. Релятивизм в понимании нравственности несколько не продвигает исследователя в познании нравственно-правовой действительности.

Россия в истории в силу различных причин часто пренебрегала правовыми ценностями, а сейчас стоит перед задачей так скорректировать правовую систему, чтобы содержащиеся в ней ценности были востребованы гражданским обществом, не пересекались (в негативном плане) с его нравственными приоритетами, а наоборот, взаимно поддерживались, взаимно дополнялись, получали обоснование друг в друге. Сделать это непросто, поскольку в обществе сосуществуют и конкурируют различные ценностные системы, а также наличествует жесточайший ценностный кризис.

Глобальные политические, экономические, социально-культурные реформы, проводимые в России, имеют своей стратегической целью развитие содержания и расширение объема индивидуальной и социальной свободы, преодоление крайних форм социальной несправедливости и неравенства. Закрепленные в Конституции РФ идеи правового, социального государства, религиозного, идеологического, политического

плюрализма, высшей ценности прав и свобод личности оформляют и опосредуют вечные человеческие ценности – Свободу, Справедливость, Равенство. В рамках аксиологического подхода право выступает не просто как идея, принцип, форма, но как действительная цель и движущий мотив поведения человека, т.е. как ценность, благо. В этом смысле в теории права крайне важно дать определение права по существу, с содержательной, а не с функциональной или инструментальной точки зрения, обосновать с ценностных позиций человеческой жизни.

Аксиологический анализ и критика в конечном счете показывают ценность права, его, по выражению И. Ильина, “духовную самоочевидность для отдельного индивида” [7]. Когда люди усматривают в нравственно-правовых ценностях конкретное, нерасплывчатое содержание, свой личностный жизнеутверждающий смысл, обращение к нравственным и правовым абсолютам становится потребностью всех участников правовой жизни, творящих и реализующих право. Вместе с тем свобода, справедливость, равенство воплощаются в правовую реальность, а общество находится на пути нравственного и правового прогресса.

Аксиологическое обоснование права актуально также потому, что в обществе (в науке и практике) фактически продолжает господствовать юридико-позитивистская доктрина (это одно из проявлений ценностного кризиса). Позитивистская юриспруденция подтверждает слова Д. Дидро о том, что “мир есть жилище сильного”, хотя прикрывается формальным равноправием, формальным равенством сторон в суде, равной доступностью квалифицированной юридической помощи и т.д. При формальном равенстве юридических возможностей выгода и успех всегда на стороне сильного и богатого, но не бедного и слабого. Жестокость позитивистской юриспруденции – в ее ориентации на ценности эмпирического характера, признание любого успеха, даже несправедливого, если нет формального конфликта с юридическими нормами. Такая прагматическая, ценностно-нейтральная юриспруденция представляет право как особую юридическую технику, обслуживающую

социальные отношения, ориентированную главным образом на обслуживание бизнеса, предпринимательства. Однако она перечеркивает право как высокий духовный феномен, несущий в себе вневременные, универсальные начала.

Установление ценностного ядра права, исследование такого ядра – актуальная проблема правоведения. В современной юриспруденции изучение этой и связанной с ней проблематики осуществляется, как правило, на уровне онтологическом (т.е. фиксируется что, где, когда и как существует), социально-нормативном. Это происходит потому, что общество понимается как конечная реальность, поэтому вся правовая (да и вся человеческая) проблематика уместается в социальной – вне общества человека нет. Но есть более глубокое измерение – духовное, метафизическое, экзистенциальное, аксиологическое. Целый ряд ученых считает, что ценности не только нужно принимать во внимание, но и отдавать им приоритет при выявлении динамики социальной жизни [8].

Понятие правовых (нравственно-правовых) ценностей связывается в современной теории права с потребностями и интересами, утилитарно понимаемой пользой, что в определенном смысле правильно. Однако при объяснении природы ценностей высший духовно-ценностный уровень сводится к низшему (более низкому в иерархической системе ценностей) – социально-экономическому, психологическому, рациональному, волевому, даже физиологическому, сексуальному. В науке такой прием объяснения более высокого менее высоким называется профанацией, спекуляцией на понижение, редукционизмом. Редукционистская интерпретация природы высших общечеловеческих ценностей – Свободы, Справедливости, Равенства – приводит к тому, что правовые (нравственно-правовые) ценности утрачивают духовный смысл, не могут выполнять функцию смысловых центров, вокруг которых формируется юридическое (нравственно-правовое) мировоззрение человека. Смысл существования личности в правовом пространстве начинают задавать потребности и интересы: безграничный эгоизм, обогащение всеми способа-

ми, включая криминальные, власть над людьми, успех любой ценой. В таком правовом (а вернее - антиправовом) пространстве речь может идти лишь о выживании, но не о гармоничном существовании личности и общества, осуществлении и защите прав и свобод человека, правовом прогрессе. Поэтому необходимо установить важнейшую функцию, выполняемую абсолютными нравственно-правовыми ценностями, способы (формы) ее осуществления. Такой функцией является сублимирующая (от лат. *sublimare* – возносить, возвышать, возводить к высшему, валоризировать) – возвышающая, возводящая к ценностям.

Сам термин “сублимирующая функция” и обозначаемое им понятие отсутствуют в современной теории права. Это означает недостаточность научного инструментария при изучении аксиологических проблем права. Не поставлен и не разработан вопрос о других функциях ценностей в праве.

В теории права широко известно высказанное Г. Еллинеком и В.С. Соловьевым и восходящее к И. Канту положение о праве как минимуме нравственности. Многие авторы воспроизводят это суждение, соглашаясь с ним или отвергая. Однако рациональной аргументации либо не приводится, либо она не выглядит достаточно убедительной. Представляется, что данное положение заслуживает подробного рассмотрения и дополнительной аргументации.

Для современной теории права принципиален отход от старых позиций, с которых право рассматривалось как замкнутая самодостаточная система норм. С утверждением плюрализма мнений в теории права представители разных школ определяют право многообразно: как меру свободы, как меру справедливости и равенства, как систему норм, исходящих от государства, как воплощение консенсуса в обществе, как определенный порядок, фактическая реализация норм и т.д. Расширение смыслового поля правоведения следует оценивать позитивно. Однако представителям отраслевых правовых наук теперь неясно, что понимать под правом, что является объектом исследования в отраслевых науках. В результате страдает методологическая функция тео-

рии права. В такой ситуации насущно необходимо найти ключевой аспект в праве, позволяющий объединить разрозненные представления, рассматривать его как единый феномен, имеющий сложную архитектуру и своеобразно проявляющийся на различных уровнях действительности. Представляется, что изучение аксиологической природы права перспективно в плане обоснования права как феномена, имеющего единый аксиологический центр, как системы не замкнутой, но открытой к восприятию, воплощению, претворению высших смысложизненных ценностей – Свободы, Справедливости, Равенства.

Актуально также рассмотрение свободы как субстанциональной ценности права, поскольку это влечет принципиальные для теории права и реального функционирования правовой системы концепты: о кредите правового доверия, о правах и свободах человека как содержании права, о право- и дееспособности субъектов права, об общедозволительном режиме правового регулирования в гражданском обществе и другие.

Для теоретика права весьма важно определиться с пониманием содержания свободы, справедливости, равенства в качестве нравственных ценностей, а затем установить содержательные модальности указанных ценностей, воплощенных в правовую форму. Такой подход позволяет установить генетическое родство нравственности и права, “неотмыслимость” [9] нравственных абсолютов при оценке аксиологического содержания права, нравственную ценность самого права, одновременно показать их (нравственности и права) самостоятельность, несводимость друг к другу в социально-нормативном пространстве, незаменимость каждого ценностно-нормативного регулятора.

Решение указанных выше теоретических вопросов поможет ответить на запросы времени. Например, возможна ли эффективная правовая система и правовое государство в обществе, потерявшем нравственно-ценностные ориентиры; каковы возможные пути преодоления коллизий в праве и законодательстве, какие ориентиры нужны системе правового образования и воспитания и многие другие. По сути, исследование нравствен-

но-аксиологических проблем права является научным направлением и имеет особую значимость, не вполне осознанную в теории права.

Аксиолого-правовая проблематика активно исследовалась в отечественной науке с начала 1960-х гг. Однако во второй половине 1980 - первой половине 1990-х гг. внимание к проблемам аксиологии права истощилось. Такая ситуация обусловлена целым комплексом причин: во-первых, обновлением социально-правовой проблематики в целом в связи с глобальным реформированием общества. Во-вторых, отрывом теории права от общей философии и философии права, разрабатывающим мировоззренческие и методологические вопросы (в том числе для теории права). В-третьих, слабыми междисциплинарными связями с этикой, социологией, психологией – науками, которые имеют немалый арсенал аксиологических знаний и разработали соответствующий понятийно-категориальный аппарат. В-четвертых, господством юридического позитивизма, исследующего явление, а не сущности; функции, а не значение; инструментальное и относительное, а не абсолютное и вечное. В-пятых, методологическими запретами, деформировавшими научное сознание так, что до сих пор категории трансцендентального, метафизического, иррационального, идеального, духовного, интуитивного выглядят как конкретизация полуправильного и ненаучного. В-шестых, представлением о самодостаточности гносеологического подхода к действительности и надуманности аксиологического способа мышления и т.д.

В последние годы интерес правоведов в этом направлении несколько оживился. В октябре 1995 г. в Институте государства и права АН РАН состоялось заседание “круглого стола”, по материалам которого издан сборник “Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление”. В 1997 г. в Институте государства и права АН РФ состоялся симпозиум “Политико-правовые ценности: история и современность” [10].

Наиболее активно разрабатывается ценностно-правовая проблематика в трудах С.С. Алексеева, В.С. Нерсисянца. Предлагаемое первым из них гуманистическое видение права, предусматривающее “приватизацию”,

“очеловечивание” права, имеет в своей основе рассмотрение права как ценности, социального блага [11]. В основе либертарной концепции, проводимой В.С. Нерсисянцем, лежит триединство свободы, справедливости, равенства, понимаемых как специфически правовые ценности [12].

Однако в целом состояние исследования и особенно преподавания аксиологических проблем права можно оценить как недостаточное и неудовлетворительное. Нет монографий, систематических публикаций, отсутствуют учебные пособия и разделы учебников, где бы в систематизированном виде преподносился современный материал по аксиологии права. Одной из важнейших причин отсутствия фундаментальных работ в этой области является позиция, связанная с недооценкой роли и значения ценностного подхода в установлении истины, боязнь того, что аксиологический подход мог бы “привести к преувеличению его значения и тем самым нанести ущерб как науке права, так и практике... правосудия” [13]. Однако для установления объективной истины необходимо не только гносеологический, но и аксиологический подход [14].

В последние годы российские философы активно осмысливают аксиологические аспекты права (В.И. Букреев, А. Валицкий, Ю.Г. Ершов, И.П. Малинова, В.О. Лобовиков, Ю. Пермяков, И.Н. Римская, Э.Ю. Соловьев, Ю.В. Тихонравов). Это открывает перспективы взаимобогащающего сотрудничества представителей теоретического и философского “крыла” в правоведении. Желаемый результат такого сотрудничества, указывает С.С. Алексеев, - осмысление аксиологических проблем права по линии научного синтеза высокого уровня, не размывающее при этом границ соответствующих предметных областей [15].

Рассмотрение сущности права с точки зрения воплощения в нем единых мирозданческих ценностей, их иерархии, сравнительный анализ свободы, справедливости, равенства как субстанционально-структурных ценностей нравственности и права, предложением на этой основе модели ценностной природы права, а так-

же модели ценностных взаимоотношений морали и права - такова проблематика аксиологии права.

Вообще в науке существуют многочисленные подходы к рассмотрению природы ценностей, их роли и функций. Аксиология как самостоятельная область философских исследований возникает, когда понятие бытия расчленяется на два элемента: реальность и ценность как объект разнообразных человеческих желаний и устремлений. Соответственно этому принято различать познавательный и ценностный подходы к действительности. Первый связан с желанием понять действительность в ее предельных основаниях, означает построение объективно-истинной картины действительности, выявление причинно-следственных, временных, исторических и тому подобных зависимостей. Второй связан со стремлением найти высшее оправдание человеческой жизни, нравственности, праву, связан с выбором целей, когда ценность выступает как некоторый идеал, конечное основание для выбора.

Некоторые современные авторы полагают, что в прошлом – от Аристотеля до идеологов Просвещения – высшим кредо постижения мира выступал эпистемологический принцип, когда главным провозглашалось получение знания как цели, истина, отъединенная от аксиологической материи. Теперь же наступил “неонеклассический период” [16] в обществоведении, принесший радикальное изменение в духовном освоении социума. Здесь, согласно взглядам В.В. Ильина и А.С. Панарина, эпистемологический принцип уступает место принципу антропному: “в неонеклассике” бытие вообще видится “сгустком ценностно-целевых инкарнаций” и “мир взвешивается ценностями”. Причем авторы призывают воздать должное “аксиологической антропоцентризации бытия”. Представляется, что данный призыв своевременен и отражает насущную потребность бытия на рубеже второго и третьего тысячелетий.

Проблемы, связанные с человеческими (моральными, политическими, правовыми и др.) ценностями, относятся к числу важнейших прежде всего в силу того, что ценности выступают интегративной основой как отдельно взятого индивида, так и любой малой или

большой социальной группы, культуры, нации, человечества в целом. Важную роль ценностей в интеграции общества подчеркивали многие социологи – Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс и другие [17].

П. Сорокин усматривал в наличии ценностей важнейшее условие как внутрисоциального социального мира, так и мира международного. “Когда их единство, усвоение и гармония ослабевают, .. увеличиваются шансы международной и гражданской войны” [18]. Очевидно, это тесно связано с сегодняшней ситуацией в российском обществе. Разрушение ценностных ориентиров ведет к социальным проблемам, с которыми мы столкнулись сегодня: кризис нравственности и правосознания, социальная нестабильность, рост преступности, падение ценности человеческой жизни.

Ценности теснейшим образом связаны с понятиями смысла человеческой жизни, нравственности и права. Об особом значении для человека смысложизненных проблем писали Ф.М. Достоевский, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Э. Фромм, В. Франкл и другие мыслители. Смысл, как считает Е. Трубецкой, - это безусловное значение чего-либо, т.е. такое мысленное значение, которое не зависит от чьего-либо субъективного усмотрения, от произвола какой-либо индивидуальной мысли [19]. Искание смысла оборачивается для человека жесточайшими страданиями от бессмыслицы, осознание которой особенно остро, когда дух отдается в рабство биологическим потребностям.

Ученые и философы утверждают, что понятие смысла характеризуется неразрывным единством двух уровней: рационального и аксиологического. Аксиологический уровень связан со стремлением человека осознать и оправдать *предельные основания* активности. Такими основаниями являются вечные общечеловеческие ценности. Когда речь идет о смысле и ценностях, на глубинно-сознательных, архаических пластах мышления возникает архетип “мифа”, смыслом оказывается миф жизни, т.е. весть, которая приходит к людям свыше, связанная с идеальным образом жизни, в котором находят наивысшие воплощения и чаяния ищущего и страждущего духа [20]. Это означает, что ценности не-

сут в себе момент, не расщепляемый рационально. Следовательно, восприятие ценностей предполагает не только (и не столько!) рациональное постижение, но до и сверхрациональное, интуитивное (речь идет не об интеллектуальной интуиции Декарта, а о реальной интуиции, о таком постижении внешнего, когда оно сливается с внутренним, психическим; об одномоментном постижении истины без логических доказательств).

Возможно ли правоведению воспринять такую позицию? Скорее всего, следует ответить на вопрос утвердительно. Даже известные всему миру представители естественных наук А. Эйнштейн и М. Борн считали, что “человеческие и этические ценности не могут целиком основываться на научном мышлении”, хотя обоим этим мыслителям открывался прежде всего мир опытного, эмпирического знания. Эйнштейн писал: “Когда же кто-либо спросит, зачем нам нужно поддерживать друг друга, облегчать друг другу жизнь, писать чудесную музыку, стремиться к созданию прекрасных творений ума, то ответить ему следует так: “Если ты сам этого не чувствуешь, то и объяснить тебе никто уже не сможет”. Без этого первичного мы - ничто, и лучше бы уж тогда нам и не жить. Если кто-либо к тому же захочет попытаться обосновать эти принципы, стремясь доказать, что подобные вещи способствуют сохранению человеческой природы и помогают стимулировать ее развитие, то тогда-то и возникнет вопрос “зачем?” А научно обоснованный ответ окажется здесь еще более безнадежным” [21]. К аналогичным выводам приходят и другие философы, а также ученые, мыслящие гуманистически: А. Швейцер, Ф.А. Хаек, Н.А. Бердяев, Н.Н. Алексеев, Э.В. Кузнецов, Н.О. Лосский, Т. де Шарден, В.В. Зеньковский, И.П. Малинова, в том числе известные российские юристы Б.П. Вышеславцев, Ю. Пермяков, Г.В. Мальцев [22]. Последний предсказывает, что начнется сотрудничество рационального и иррационального знаний о мире и праве, и это не вместо положительного знания о праве, а вместе с ним [23].

Ценностные ориентации, предпочтения бывают более значимыми, чем “объективный”, научный подход. В планетарном масштабе технико-рациональные начала

разошлись с гуманитарными ценностями, отделились от них и обратились против человека в виде хорошо известных глобальных кризисов, явившихся результатом однобокой, деформированной и негуманной рационализации. Правопонимание, игнорирующее так называемые метафизические проблемы права, ущербно.

Как известно, А. Швейцер писал: “Юристы допустили упадок права и правосознания. Но они здесь ни при чем. Просто в мышлении их времени отсутствовало представление о том, на чем должно базироваться живое понятие права. Право стало жертвой отсутствия *мировоззрения*, и лишь на почве *нового мировоззрения* оно сможет возродиться (выделено мною. – И.М.)” [24]. Представляется, что современная система юридического образования не нацелена на формирование общего и юридического мировоззрения студентов-юристов. Скорее в их сознание закладываются знания, блоки информации о действующем позитивном праве. Но этот факт лишь следствие того, что и сами ученые и преподаватели правовых дисциплин “допустили упадок правосознания” [25].

Каким же образом связаны мировоззрение и ценности? Последние составляют ядро мировоззрения. По определению мировоззрение есть не что иное как общественное самосознание, воплотившееся в индивиду в форме единства его нравственных, правовых, философских, политических и иных ценностных представлений [26]. Затрагивая глубинные основы человеческого существования, мировоззрение как бы стягивает все духовное многообразие к разуму, чувствам, воле человека.

По словам В.С. Соловьева, “...духовные силы: воля, разум, чувство – имеют значение лишь как способы или средства осуществления определенного содержания, а не сами составляют это содержание” [27]. Содержание (смысл) составляют общечеловеческие ценности, которые, будучи опосредованы формой нравственности, приобретают соответствующий (нравственный, моральный, этический) характер.

Наше концептуальное видение нравственных ценностей в праве базируется на следующей мировоззренческой модели. Мироздание имеет свое аксиологическое ядро, смысловой центр; нравственная, правовая, поли-

тическая, государственная формы воплощают с присущими этим формам особенностями вечные общечеловеческие ценности. Юридическое мировоззрение нельзя свести к знаниям о праве, оно (мировоззрение) с необходимостью предполагает и оценку знаний. Оценка же осуществляется по отношению к идеалам, ценностям, целям и осуществляется из координат более высоко организованной системы, чем та, что подвергается оценке. Причем первичной и более высоко организованной в духовном смысле системой по отношению к праву выступает нравственность; оценка правовых явлений невозможна вне вечных нравственных ценностей, идеалов.

Такая точка зрения подтверждается также положением И. Канта о том, что мировоззрение человека составляют знания, нравственность, вера. Разум, рациональность, знания о праве приближают нас к истине, без которой целесообразная деятельность человека невозможна. Вера есть непосредственное принятие сознанием тех или иных норм и ценностей жизни как безусловно истинных, например вера в объективное значение высших, абсолютных ценностей. Сердцевина этих начал - нравственность, предполагающая способность и потребность человека выйти за пределы своего эгоистического "я" и деятельно утверждать добро. Нравственность и вера относятся к духовному миру человека, связывают его со смыслом бытия. Таким образом, юридические знания, знание права, знание о праве в мировоззрении всегда соединены с нравственностью, а также с верой в то, что фундаментальные недоказуемые утверждения нравственности являются инвариантными основами человеческой жизни. Юридическое мировоззрение должно апеллировать к нравственным абсолютам – ценностям. На наш взгляд, даже если юридический позитивизм отрицает позицию соотнесения нравственных и правовых ценностей, таковое соотнесение всегда присутствует в скрытом, снятом, неосознанном виде, в силу вечных нравственных ценностей.

Подобная этическая модель права не заслуживает распространенного на сегодняшний день в юриспруденции удивленно-снисходительного отношения как полу,

а то и вовсе ненаучная. Напротив, она наиболее актуальна в период духовного кризиса, характеризующегося утратой личностью и обществом духовных, нравственно-ценностных ориентиров.

Утрата аксиологического, нравственного ядра мировоззрения - это духовный ценностный кризис, охвативший мировую техногенную цивилизацию и современную Россию. Релятивизм и нигилизм [28] ценностного сознания ведут к вымыванию из понятия права аксиологических аспектов, выхолащиванию из правовой системы ценностного фундамента, к ее неспособности утверждать свободу, справедливость, равенство, благо людей. Наконец, они приводят к тому, что право зачастую демонстрирует крайние проявления его отчуждения от человека, несправедливость и антигуманность.

При этом правосознание людей деформируется, в нездоровом правосознании нравственность и право обесмысливаются, субъективно перестают представлять для людей духовные целерациональные ценности. Место абсолютных ценностей - Свободы, Справедливости, Равенства – занимают ценности относительные – индивидуализм, эгоистический расчет, успех любой ценой, выгода, власть над другими людьми. Абсолютизация относительного, подмена целей средствами означает, что в сознании людей место истинных правовых ценностей и смыслов занимают псевдоценности и псевдосмыслы. При этом жизнь превращается в “нетворческое псевдобытие”, целерациональная деятельность человека подменяется нетворческой функциональной активностью, личность деградирует, а общество ставится на грань выживания.

Представляется, что заблуждение позитивистски настроенных исследователей состоит в том, что истина безотносительна к ценности, что гносеологические аспекты процесса познания можно отделить от аксиологических. Напротив, “истина, - писал русский профессор права К.А. Кузнецов, - сливается до неразличимости с добром. ... Утверждая ту или иную истину, борясь за нее, мы переживаем эту истину не “чисто”, как бы со стороны ее наблюдаем, как бы вне нас ее полагая, а, наоборот, делаем ее частью своего существа, срastaем-

ся с нею незримыми, но тем не менее крепкими узами” [29]. О неправомерности попытки абсолютно отграничить указанные аспекты высказываются В. Брожик, Д. Дубровский. “Нередко при этом познавательное отношение берется как сугубо истинностное, без учета того, что оно является также ценностным”, - пишет последний [30].

Обращение к некоторым философским положениям неизбежно для формирования последовательного юридического, теоретического мировоззрения, для выработки методологической позиции в конкретных теоретико-правовых исследованиях. Однако современная юриспруденция чуждается философии, не использует накопленного ею потенциала знаний, обособляется, искусственно возводит непроходимые границы в предметах изучения. В результате юриспруденция непрерывно решает философские вопросы, в том числе теории познания и аксиологии, причем решает, как писал еще Е.В. Спекторский, “бессознательно и далеко не всегда удачно, и... поэтому ясная и определенная теория познания ... является насущной потребностью (для юриспруденции. – И.М.)” [31].

Однако и российская философия зачастую обходит вниманием аксиологический срез бытия, в том числе бытия права. Симптоматично, что философское энциклопедическое издание 1994 г., раскрывая предмет философии права, не фиксирует аксиологический аспект права, вероятно, включая его в гносеологический [32]. Аналогичный подход прослеживается и в работах Д.А. Керимова [33]. То же демонстрируется в учебном пособии по философии под редакцией Д.И. Грядовского, изданном в 1998 г., в нем уделяется большое внимание философии права [34].

Все это весьма наглядно иллюстрирует уровень осознания важности ценностного измерения, а также общее состояние аксиологических исследований права в российской науке. Поэтому нужно согласиться с В.С. Нерсесянцем в том, что “нельзя признать удовлетворительным нынешнее состояние исследования и преподавания аксиологических проблем юриспруденции, ценностной трактовки права и государства” [35]. Право и нравственность

- всеобщие универсальные формы воплощения в человеческом бытии вечных общечеловеческих ценностей, важнейшие из которых, на наш взгляд, Свобода, Справедливость, Равенство. Последние составляют духовно-ценностное, смысловое ядро мироздания, а значит, и нравственности и права. Будучи воплощенными в нравственной и правовой формах, названные ценности получают соответственно нравственный и правовой характер.

Поскольку нравственность и право - генетически и исторически последовательные формы осуществления единых ценностей, можно утверждать, что аксиологическое ядро права имеет нравственно-правовой характер. Употребление категории "нравственно-правового" – это выражение принципиальной позиции, существенной для доктрины естественного права.

Сливаясь в некоторых базовых высших абсолютных ценностях, мораль и право имеют собственные наборы ценностей-средств, инструментальных ценностей. Нравственность и право имеют единое духовное аксиологическое ядро, они не сливаются и не совпадают на онтологическом уровне и в социально-нормативном своем бытии являют себя независимыми, нередко вступают в противоречия. Однако мораль выступает одним из атрибутов обоснования права, выступает системой, из координат которой возможна оценка права, а также дополняет его, способствуя реализации и защите базовых ценностей цивилизации – Свободы, Справедливости, Равенства. Только при условии учета нравственных ценностей возможна выработка эффективных юридических норм.

Список литературы и примечания

1. Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. М., 1998. С. 398-400. Симптоматично, что известнейший российский ученый, юрист, внесший неопределимый вклад в развитие догматической юриспруденции, считает, что необходимо сокращать дистанцию между практической юриспруденцией (юридическим позитивизмом) и философией права, иначе научная правовая мысль не сможет существенно продвинуться вперед в разрешении основных проблем эпохи.
2. Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 133 и далее.
3. Нерсесянц В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 1998. С. 26 и далее.

4. Четвернин В.А. Понятие права и государства. Введение в курс теории права и государства. М., 1997. С. 60; Синха С.П. Юриспруденция. Философия права. М., 1996. С. 79-93; 105-112.
5. Лобовиков В.О. Математическое правоведение. Ч. 1. Естественное право. Екатеринбург, 1998. С. 59; Букреев В.И., Римская И.Н. Этика права. М., 1998. С. 4 и далее.
6. Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. С. 283.
7. Ильин И. О сущности правосознания. М., 1993. С. 35.
8. Швейцер А. Культура и этика. М., 1973. С. 98.
9. Известный русский юрист Б.П. Вышеславцев настаивает на том, что "человек живет, существует, мыслит и действует лишь в реляции к Абсолютному, лишь предполагая Абсолютное", автор называет это "неотмыслимостью Абсолютного". См.: Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М., 1994. С. 133.
10. Традиции и обновление в праве: проблемы ценностного подхода // Государство и право. 1996. N 3. С. 105 и далее; Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М., 1996; Политико-правовые ценности: история и современность (Симпозиум) // Государство и право. 1997. N 7. С. 84-86.
11. Алексеев С.С. Теория права. М., 1994. С. 219-221; Он же. Теория права. М., 1995. С. 160-168.
12. Нерсисянц В.С. Указ. работа. С. 26-50; Он же. Философия права. М., 1997. С. 17-31; Он же. Ценность права как триединства свободы, равенства и справедливости // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М., 1996. С. 4-11.
13. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 4-5.
14. См.: Баранов В.М. Истинность норм советского права. Саратов, 1989. С. 272; Кузнецов К.А. История философии права. Одесса, 1917. С. 6; Кузнецов Э.В. Философия права в России. М., 1989. С. 55; Лукашова Е.А. Право. Мораль. Личность. М., 1986. С. 34; Неновски Н. Право и ценности. М., 1987. С. 43; Сенякин И.Н. Ценностная характеристика специальных норм советского права // Актуальные проблемы советской юридической науки и практики. Саратов, 1982. С. 79; Сабо И. Основы теории права. Москва, 1974. С. 214; Фаткуллин Ф.Н., Чулюкин Л.Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. Казань, 1977. С. 12; Пашинский А.И. Особенности аксиологического и деонтологического подходов к изучению права // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М., 1996. С. 16.
15. Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. С. 17.
16. См.: Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М., 1994. С. 1082-1086.
17. Т. Парсонс рассматривал ценности как высшие принципы, на которых обеспечивается согласие как в малых общественных группах, так и в обществе в целом. Система ценностей неразрывно связана с нормативной системой. См.: Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. М., 1961. С. 133.
18. Сорокин П. Причины войны и условия мира / Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 491-501.
19. См.: Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 5, 15, 46.

20. Варава В.В. Социально-философские решения проблемы смысла жизни: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Воронеж, 1997. С. 6.
21. Борн М. Моя жизнь и взгляды. М., 1973. С. 128; Эйнштейновский сборник. М., 1972. С. 10-11.
22. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992. С. 89; Хаек Ф.А. Происхождение и действие нашей морали // Экономика и организация промышленного производства. 1991. № 12. С. 178; Бердяев Н.А. Смысл творчества / Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 276; Кузнецов Э.В. Кризис современного правосознания // Правоведение. 1994. № 3. С. 7; Мальцев Г.В. Познание права: от юридического позитивизма к новому пониманию права // Теория права и государства. М., 1995. С. 85; Малинова И.П. Философия права. Екатеринбург, 1995. С. 108.
23. Поясним, что под иррациональным понимают психические феномены, находящиеся за пределами разума, вне логических опосредований. Это область бессознательного, влечения, эмоции, чувства, аффекты, страсти, вожделения, немотивированные побуждения воли, интуиция и т.д.; Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. С. 398. Автор предсказывает наступление новой эпохи в понимании права. Представляется, что, осмысливая грани бытия права, разные исследователи приходят к состыкующимся друг с другом выводам. Новая эпоха в понимании права предусматривает и новые методологические приемы и подходы.
24. Швейцер А. Указ. работа. С. 89.
25. Показательно, что, изучая ценностный мир современного студента, исследователи сами не предлагают иерархии ценностей, которая соответствовала бы пропагандируемой ими гуманизации знаний, и оценивают как дезориентацию и утрату смысла жизни то обстоятельство, что из 2425 студентов старших курсов 25 вузов страны 31,3 % верит в Бога, а 29,8 % «ищут пути к Богу». Действительность открывается своей ценностной стороной лишь для того, кто способен ее субъективно интерпретировать, воспринимать именно так. См.: Лисовский В.Т. Ценностный мир современного студента // Вестн. СПбГУ. Сер. 6. 1992. № 3. С. 118.
26. Современная философия: Словарь и хрестоматия. Ростов н/Д., 1995. С. 44.
27. Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве: Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 30.
28. «Нигилизм предполагает преодоление традиционного отношения к ценностям как безусловным и вечным», - подчеркивает В.Н. Шердаков. См.: Шердаков В.Н. Иллюзия добра: моральные ценности и религиозная вера. М., 1982. С. 250.
29. Кузнецов К.А. Теория права. Вып. 1. Одесса, 1918. С. 16-17.
30. Дубровский Д.И. Проблемы идеального. М., 1983. С. 32; Брожик В. Марксистская теория оценки. М., 1982. С. 71.
31. Спекторский Е.В. Философия и юриспруденция // Юрид. вестн. М., 1913. Книга II. С. 87.
32. Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 484. «Философия права».
33. Керимов Д.А. Предмет философии права // Государство и право. 1994. № 7. С. 10; Он же. Основы философии права. М., 1992. С. 5-26.
34. Философия: Учеб. пособие / Под ред. Д.И. Грядогова. М., 1998. Схемы 4, 38.
35. Нерсисянц В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. С. 1.

К ВОПРОСУ О РАЗДЕЛЕНИИ ВЛАСТЕЙ

Большинство исследователей правового, демократического государства среди его прочих признаков выделяют принцип разделения властей [3, с. 94; 12, с. 46]. Он находит свое отражение в построении механизма осуществления власти, что наряду с упоминанием о нем в тексте Основного Закона государства означает его конституционность [31, с. 23].

В то же время разделение властей - это и политико-правовая доктрина, основатели и исследователи которой, стремясь к определению наилучшей политической организации общества и способов (механизмов) ее достижения, неоднозначно подходят к вопросу о том, какое содержание она в себе несет.

Некоторые авторы считают теорию разделения властей реально действующим конституционным механизмом, обеспечивающим защиту прав и свобод человека от произвола власти, демократический характер государства и наиболее эффективное функционирование государственной власти. По мнению других юристов, политологов и правоведов, в связи с неделимостью суверенитета, а следовательно, и власти, нельзя говорить о разделении властей, существует лишь разделение функций государственных органов. Возникновение этого противоречия относится ко времени зарождения теории разделения властей в умах европейских ученых, политиков и философов.

Д. Локк писал: "В хорошо устроенных государствах, где благо целого принимается во внимание так, как это должно быть, законодательная власть передается в руки различных лиц, которые, собравшись должным образом, обладают сами или совместно с другой властью правом создавать законы... Но так как законы, которые создаются один раз и в короткий срок, обладают постоянной и устойчивой силой и нуждаются в непре-

* © С.С. Митин, 2001.

рывном исполнении или наблюдении за этим исполнением, то необходимо, чтобы все время существовала власть, которая следила бы за исполнением тех законов, которые созданы и остаются в силе. И таким образом законодательную и исполнительную власть... надо разделить" [16, с. 317].

Не раскрывая дальнейших выводов автора "Двух трактатов о правлении" о наличии федеративной власти в государстве, следует обратить внимание на противопоставление по данной концепции принципа разделения властей абсолютной монархии, которая несовместима с гражданским правлением. "Ведь предполагается, что он, и только он (абсолютный монарх, государь. - С.М.), обладает всей и законодательной, и исполнительной властью, и нельзя найти никакого судьи, не к кому обратиться, кто бы мог справедливо и беспристрастно решить дело, обладая необходимыми полномочиями, и от чьего решения можно было бы ожидать помощи и возмещения любого ущерба или неудобства, которые можно претерпеть от самого государя или по его приказу" [16, с. 312-313]. Именно так описывает Д. Локк наличие власти в руках у одного лица.

Следует отметить, что, по мнению некоторых современных историков политико-правовой науки, в работе Д. Локка речь идет не о разделении властей, а о государственных органах и их функциях, о распределении полномочий между специальными учреждениями по использованию власти [14, с. 146]. В свете анализа вышесказанного с этим утверждением, пожалуй, трудно согласиться.

Великий французский политолог и юрист Ш. Монтескье, характеризуя республиканское правление через наличие верховной власти в руках всего народа или его части, сделал следующий вывод. Соединение власти создавать законы, власти приводить в исполнение постановления общегосударственного характера и власти судить преступления и тяжбы частных лиц в одном и том же лице или учреждении ведет к гибели государства [17, с. 169-170, 290-291].

Описывая власть как умение, способность творить, разработчики Конституции США А. Гамиль-

тон, Дж. Мэдисон и Дж. Джей определяли сосредоточение всей власти - законодательной, исполнительной и судебной - в одних руках словом "тирания", независимо от того, предоставлена ли она одному лицу или многим, по наследству, назначению или избранию. Они видели в этом полное нарушение основных принципов свободного государственного устройства [29, с. 214, 323, 325].

Известный американский государственный деятель Т. Джефферсон писал Дж. Адамсу: "Мы бились за такую форму правления, которая должна не только основываться на принципах свободы, но при которой правящая власть должна быть так разделена и уравновешена между несколькими институтами власти, чтобы ни один из них не смог бы выйти за пределы своих законных полномочий, не встретив эффективного сдерживания и противодействия со стороны остальных. По этой причине Конвент, который принял постановление об организации нашей формы правления, положил в ее основу принцип жесткого разделения законодательной, исполнительной и судебной властей, с тем чтобы ни один человек не становился одновременно носителем более чем одной формы власти" [6, с. 83-84].

Естественно, что мнения американских политиков, включая отмеченные, нашли свое закрепление в статьях 1, 2 и 3 Конституции США, говорящих соответственно о законодательной, исполнительной и судебной властях в государстве.

Особого внимания заслуживает точка зрения Р. Иеринга, разделяющего юстицию (юрисдикционную власть) и администрацию (исполнительную власть), что необходимо в целях более качественной реализации государственной власти. "На чем основано такое разделение? На законе разделения труда? Но ведь то же самое можно сказать и о различных отраслях администрации. Строительная часть требует иных лиц, нежели монетная, лесное ведомство иных, чем горное, - и государство учреждает для столь различных целей особые власти, однако все эти власти относятся к администрации, и одна только юстиция выделяется. Выделяя юстицию, государственная власть тем самым принципиально признает задачу права особенной, такой, для которой

имеют значение иные соображения, нежели те, которыми она руководствуется при разрешении задач, представляемых ею за собой... Предоставляя судье отправление правосудия, государственная власть фактически заявляет перед всем народом, что она сама желает отказаться от такого отправления [11, с. 283-284].

Не менее разработана и другая точка зрения, согласно которой разделения властей не существует, а можно говорить о разделении различных функций государственных органов единой государственной власти.

Так, по мнению Т. Гоббса, образуя государство, люди заключают друг с другом соглашение о том, что “в целях водворения мира среди них и защиты от других каждый из них будет признавать как свои собственные все действия и суждения того человека или собрания людей, которому большинство дает право представлять лицо всех”, сосредоточивая общую власть и силы в одном человеке или собрании людей, которое большинством голосов сводит все воли граждан в общую волю [5, с. 132, 134]. Учение же о разделении властей ясно и прямо направлено против сущности такого государства, “ибо делить власть государства - значит разрушать ее, так как разделенные власти взаимно уничтожают друг друга” [5, с. 254].

Равным образом с пониманием суверенитета как общей воли народа связаны и утверждения Ж.-Ж. Руссо о том, что суверенитет неотчуждаем и неделим, так как он есть осуществление общей воли, воли народа как целого [22, с. 216-217]. Тем самым Руссо, по существу, отрицал принцип и идеи разделения верховной, суверенной власти на законодательную, исполнительную и судебную.

Неделимость суверенитета, а следовательно и властей, ясно прослеживается в работах французского ученого Л. Дюги. По его мнению, разделение властей логически несовместимо с понятием неделимого суверенитета. Власти являются элементами неделимого суверенитета. Отсюда следует, что “каждый орган, наделенный представительством одного элемента суверенитета, суверенен в своей области, что парламент должен иметь всю законодательную власть и только ее, король - всю испол-

нительную власть и только ее, наконец, каждый из этих органов должен оставаться изолированным и независимым, замкнутым в той сфере, где он представляет национальную волю, не будучи в состоянии осуществлять какого-либо действия на другие органы” [8, с. 440]. Однако парламент и правительство по необходимости в различных формах участвуют в реализации функций государства, постоянно взаимодействуют и сотрудничают, контролируют друг друга. Правительство вовлекается в законодательный процесс, внося законопроекты в парламент и участвуя в их обсуждении. Парламент же, принимая бюджет и контролируя его исполнение, а также выражая неодобрение политической линии правительства, что должно повлечь его отставку, вовлекается в исполнительную государственную деятельность. Таким образом, “под именем разделения властей... существует сотрудничество органов представительства и распределение функций на законодательную, административную и юрисдикционную” [8, с. 191, 442].

Российская политико-правовая наука конца XIX - начала XX вв. при решении данной проблемы придерживалась аналогичных взглядов. “Совершенно очевидно, что эти проявления власти (законодательная, исполнительная и судебная. - С.М.) выражают работу одной и той же силы. Если бы мы представили себе государство, в котором существуют три независимых власти, из которых одна постановляет законы, но бессильна заставить суд и администрацию придерживаться их, а другая судит, как ей вздумается, но бессильна отражать свой опыт на законодательстве, а также бессильна заставить администрацию привести в исполнение свои постановления, - то мы получили бы картину сумасшедшего дома. Ясно поэтому, что законодательная, судебная и исполнительная власти имеют смысл только как проявления одной и той же силы, которая в законодательстве устанавливает некоторую общую норму, а в суде и администрации применяет ее к частным случаям и приводит в исполнение”, - пишет идеолог российского неоконсерватизма Л. Тихомиров [27, с. 49]. А Б.Н. Чичерин считает, что совокупность прав, принадлежащих верховной власти, юридически ничем не ограниченной, а

саму верховную власть - распадающейся на отрасли с собственной компетенцией: учредительную, законодательную, исполнительную и судебную [10, с. 285-286].

По мнению автора, такая позиция российских правоведов того времени связана с особенностями формы правления российским государством. В учебной литературе отмечается, что с точки зрения конституционного строя положение и отношения законодательной и исполнительной властей даже по Основным Законам 1906 г. были недостаточно ясными, в то время как ст. 4 указанного акта устанавливала принадлежность императору Российской Империи верховной самодержавной власти [20, с. 109]. Поэтому представляется, что исторически сложившаяся единоличная форма управления российским государством наложила свой отпечаток на теорию и практику государственно-правового строительства России в двух первых десятилетиях XX в.

Вновь образовавшееся Советское государство также не приняло теорию разделения властей в качестве одного из принципов деятельности своего механизма. Моделью пролетарского государства стало государство-коммуна, совмещающее в одном органе функции законодательной и исполнительной властей: депутаты сами принимают законы, сами организуют и контролируют их исполнение, сами отвечают за них перед своими избирателями. Единство власти - вот основной конституционный принцип, которому было отдано предпочтение. В соответствии с ним государственная власть по своей сущности и форме едина и неделима. Этот принцип (его называли "полновластие Советов") был основой подчинения исполнительного аппарата представительным органам и означал верховенство Советов всех уровней, их право отменять решения, принятые подчиненными им исполнительными органами [13, с. 167].

Нормативное закрепление этот принцип получил в Конституциях СССР. Конституция СССР 1924 г. высшим органом власти в Союзе ССР определила съезды Советов, в период между созывами которых действовали Центральный Исполнительный Комитет СССР и его Президиум, являвшиеся высшим законодательным, исполнительным и распорядительным органом в стране.

Совет Народных Комиссаров (правительство), исполнительный и распорядительный орган ЦИК СССР, был в своей работе ответствен перед ним и его президиумом.

Высшим органом государственной власти в СССР по Конституции 1936 г. стал Верховный Совет СССР и действовавший в период между его сессиями Президиум Верховного Совета СССР. Совет Народных комиссаров был высшим исполнительным и распорядительным органом управления в стране. Данное обстоятельство позволило некоторым авторам сделать вывод о том, что в Конституции СССР 1936 г. впервые в советском конституционном законодательстве получила некоторое отражение идея разделения властей [15, с. 83].

В теории и практике государственного строительства Советского Союза основополагающим являлся принцип "разделения труда" в механизме государственного управления. В государственоведении того времени на основании положений Конституции СССР 1936 и 1977 гг. выделялись следующие виды государственных органов:

- 1) органы государственной власти (Советы народных депутатов);
- 2) органы государственного управления (Советы Министров и исполкомы);
- 3) суд и арбитраж;
- 4) прокуратура [4, с. 35; 24, с. 20-24].

Научное обоснование реальной полноты прав Советов народных депутатов сводилось к следующим постулатам:

1. Советы решают наиболее важные государственные дела;
2. Советы образуют государственные органы и осуществляют контроль за их деятельностью;
3. Советы имеют право принять к рассмотрению любой вопрос, отнесенный к ведению исполнительных органов;
4. Деятельность органов государственного управления носит подзаконный характер [18, с. 22-23].

Нетрудно заметить, что все властные полномочия в системе "государство-индивид" находились у такого

структурного элемента этой системы, как Советы народных депутатов. Это уменьшало роль органов государственного управления в деятельности государственного механизма. К тому же и терминологически, и практически единственным органом государственной власти становились Советы народных депутатов. Все же исполнительно-распорядительные органы государства являлись органами Советов, осуществляя лишь текущее управление обществом.

Под органом государственного управления в тот период времени понималась организация, которая, будучи частью государственного аппарата, имела определенную компетенцию, структуру, территориальный масштаб деятельности, образовывалась в порядке, установленном законом или другим правовым актом, обладала определенным методом в работе, была наделена полномочиями выступать по поручению государства и призвана в порядке исполнительной и распорядительной деятельности осуществлять руководство хозяйственным и культурно-политическим строительством [24, с. 167]. Особым, характерным свойством органов государственного управления считалось то, что они осуществляли исключительно исполнительно-распорядительные функции [1, с. 175]. Деятельность органов исполнительной власти, жестко очерченная рамками системы “разделения труда”, при всем их огромном потенциале заключалась в повседневной рутинной исполнительной работе, основанной на постоянном, непрерывающемся контроле Советов.

Таким образом, можно выделить ряд характерных моментов описанной теории “разделения труда”:

1) признание Советов народных депутатов единственным органом государственной власти;

2) конституционное закрепление влияния КПСС на государственную власть противоречило всем основополагающим принципам правового государства и низводило органы государственного управления до уровня простого безынициативного исполнителя.

Помимо этого следует отметить низведение на практике властвовавшей номенклатурой представляющих главную опасность законодательной и судебной отрас-

лей до уровня юридически исполняющих волю партии органов [13, с. 271].

Данные негативные черты государственного механизма настолько тормозили развитие российской государственности в условиях становления новой правовой системы, что возникла необходимость их существенного изменения.

Коренные преобразования, происходящие в российском обществе, позволили отечественным государствоведам пересмотреть свои взгляды на проблему организации государственной власти. В немалой степени изменениям теоретических положений способствовала Конституция Российской Федерации 1993 г. С изданием нашего Основного Закона принцип разделения властей получил нормативное закрепление на долговременной основе. Вместе с тем, нельзя не согласиться с В.Д. Ардашкиным и не отметить незначительную терминологическую неточность в ст.ст. 5 и 10 раздела I Конституции РФ, заключающуюся в том, что в первой из указанных статей говорится о единстве системы государственной власти, а в последней – о разделении государственной власти в Российской Федерации на законодательную, исполнительную и судебную [2, с. 57, 58].

В российской юридической науке конца XX в. разделение властей понимается как один из элементов конституционного механизма осуществления государственной власти в стране. При этом не подвергается сомнению важность идеи суверенитета народа. В научной литературе отмечается, что суверенитет народа пронизывает все власти, претворяется в жизнь через них, ибо воля суверена, выраженная в законе, реализуется в процессе административной деятельности и защищается, гарантируется судом [28, с. 13]. Народ непосредственно не может осуществлять власть в полном объеме, реализовывать все властные функции. Поэтому разделение властей в демократическом государстве объективно проистекает из невозможности осуществления власти из единого центра, единым властвующим субъектом [23, с. 62]. Разграничение функций государственной власти и закрепление их за отдельными государственными органами, наряду с постоянным взаимоконтролем и

сотрудничеством этих структур, наличием у них определенных властных полномочий, является лишь одним из факторов, определяющих плодотворность принципа разделения властей в стране [9, с. 8; 21, с. 32; 23, с. 63; 25, с. 141].

Современная политико-правовая мысль признает разделение властей в качестве основополагающего принципа правового государства и видит его проявления не только в осуществлении определенных направлений государственной деятельности (функций государства), но также и в институализации вышеуказанных процессов [19, с. 329], которая характеризуется зарубежными исследователями как один из признаков государства [32, с. 21].

В данном случае речь идет не только о единстве власти определенной социальной общности, даже если это компромисс различных классов, совместно осуществляющих политическое господство, политическое руководство обществом, но и об известной степени организационного единства: все органы государства проводят в конечном счете общую политическую линию, определяемую народом как носителем реальной власти. Поэтому некоторые авторы, например В.Е. Чиркин, считают возможным говорить о социальном единстве власти и организационно-правовом разделении властей [30, с. 18]. Причем разнообразие организационных форм власти позволяет максимально учитывать непосредственные и ближайшие интересы демократически руководимых лиц государственными управляющими структурами [7, с. 115].

На протяжении всей истории человечества былработан механизм демократической институализации власти, обеспечивающий разделение властей в государстве. Его отмечали, в частности, авторы статей “Федералист”: “Чтобы заложить прочный фундамент под институт раздельных и автономных ветвей власти... очевидно, требуется, чтобы каждая власть обладала собственной волей и, следовательно, строилась на такой основе, когда представляющие ее должностные лица имеют как можно меньше касательства к назначению должностных лиц на службе другой. При строгом со-

блюдении данного принципа необходимо, чтобы все назначения на высшие должности в исполнительных, законодательных и судебных органах исходили из первоисточника власти - от народа или по несообщающимся друг с другом каналам" [29, с. 346]. В максимуме своего проявления данное положение, закрепленное в Конституции США, дает основания С.А. Егорову говорить о том, что фактически разделение властей - это не совсем точное определение конституционной системы США в действии, более точной терминологической характеристикой была бы "система разделенных институтов, обладающих властью" [9, с. 57].

Российский законодатель выбрал аналогичный путь и разграничил порядок формирования законодательной, исполнительной и судебной властей, установив конституционную самостоятельность каждой из них. Следуя данному принципу, наши законодательные акты определили, что выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и Президента Российской Федерации осуществляются российскими гражданами на основе всеобщего равного избирательного права при тайном голосовании, а законные гарантии деятельности судебной власти позволяют говорить о независимости судей. Вместе с тем вызывает большие сомнения соответствие порядка формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации основам теории разделения властей и принципам правового государства.

Организация государственной власти на основе разделения полномочий ее органов, баланса их интересов лучше обеспечивает государственное управление, выполнение государственных функций [26, с. 114]. Например, положения ч. 3 ст. 104 Конституции РФ, устанавливающие возможность внесения в Государственную Думу Федерального Собрания РФ законопроектов, предусматривающих расходы, покрываемые за счет федерального бюджета, только при наличии заключения Правительства Российской Федерации, свидетельствуют о конституционном закреплении сотрудничества различных ветвей власти в целях эффективного расходования средств федерального бюджета.

Все сказанное позволяет сделать вывод о появлении в государственном механизме нашей страны принципа разделения властей, получившего нормативное закрепление в Конституции Российской Федерации. Применение теории разделения властей в практике государственно-правового строительства свидетельствует об очевидной демократизации нашего конституционного строя. В связи с этим автор выражает надежду, что дальнейшая реализация принципа разделения властей в деятельности государственного аппарата является одним из условий построения правового государства в Российской Федерации.

Список литературы

1. Аппарат управления социалистическим государством. Ч. 1. М.: Юрид. лит., 1976. 320 с.
2. Ардашкин В.Д. Конституционный строй Российской Федерации: основы, структура, проблемы развития // Теория государства и права: Сб. трудов / Отв. ред. В.Д. Ардашкин; Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1998. С. 57-64.
3. Будилина Т.В. Государственный режим Российской Федерации // Вопросы теории и истории государства и права: Сб. науч. статей / Отв. ред. д-р юрид. наук, проф. С.А. Дробышевский, канд. юрид. наук, доц. О.П. Подосенов; Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1999. С. 93-111.
4. Габричидзе Б.Н. Конституционный статус органов Советского государства. М.: Юрид. лит., 1982. 184 с.
5. Гоббс Т. Соч.: В 2 т. Т. 2 / Сост., ред., авт. примеч. В.В. Соколов: Пер. с лат. и англ. М.: Мысль, 1991. 731 с.
6. Джефферсон Т. О демократии. СПб.: Рес Гумана; Лениздат, 1992. 335 с.
7. Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1995. 296 с.
8. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М.: Типография Тов-ва И.Д. Сытина, 1908. 957 с.
9. Егоров С.А. Конституционализм в США: политико-правовые аспекты. М.: Наука, 1993. 198 с.
10. Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических и правовых учений России XI-XX века. М.: Юристъ, 1995. 378 с.
11. Иеринг Р. Цель в праве. СПб.: Издание Н.В. Муравьева, 1881. 412 с.
12. Княгинин В.Н. Правовое государство // Теория государства и права: Сб. трудов / Отв. ред. В.Д. Ардашкин; Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1998. С. 41-47.
13. Коржихина Т.П., Сенин А.С. История российской государственности. М.: Интерпракс, 1995. 350 с.
14. Кривушин Л.Т. Проблема государства и общества в домарксистской мысли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 216 с.

15. Курицын В.М. История государства и права России. 1929-1940 гг.: Учеб. пособие для высш. шк. М.: Междунар. отношения, 1998. 232 с.
16. Локк Дж.: Соч.; В 3 т. Т. 3 / Ред. и сост., авт. примеч. А.Л. Субботин: Пер. с англ. и лат. М.: Мысль, 1988. 668 с.
17. Монтескье Ш. Избр. произв. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. 800 с.
18. Научные основы государственного управления в СССР. М.: Наука, 1968. 39 с.
19. Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. М.: Изд-во Москов. коммерч. ун-та, 1993. 431 с.
20. Рогов В.А. История государства и права России IX - начала XX в. М.: Зерцало; ТЕИС, 1995. 265 с.
21. Ромашов Р.А. Конституционное государство (история, современность, перспективы развития) / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1997. 120 с.
22. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре: Трактаты / Пер. с фр. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1998. 416 с.
23. Скуратов Ю.И. Разделение властей или распределение функций // Разделение властей и парламентаризм. М.: Ин-т гос-ва и права РАН, 1992. С. 60-73.
24. Советское административное право. Государственное управление и административное право. М.: Юрид. лит., 1978. 358 с.
25. Теория государства и права: Учебник для юрид. вузов и факультетов / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М.: Инфра-М-Норма, 1997. 570 с.
26. Теория государства и права. Ч. 1. Теория государства. М.: Юристъ, 1995. 256 с.
27. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб.: Российский императорский союз - орден, АО "Комплект", 1992. 680 с.
28. Топорнин Б.Н. Разделение властей и государственная организация / Разделение властей и парламентаризм. М.: Ин-т гос-ва и права РАН, 1992. С. 3-49.
29. Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джей: Пер. с англ. М.: Прогресс - Литера, 1993. 568 с.
30. Чиркин В.Е. Элементы сравнительного государствоведения. М.: Ин-т гос-ва и права РАН, 1994. 152 с.
31. Энтин Л.М. Разделение властей: опыт современных государств. М.: Юрид. лит., 1995. 176 с.
32. R.P. Wolff. The conflict between authority and autonomy / Authority. New York University Press. WASHINGTON Square, N.Y., 1990. P. 20-31.

ЛИБЕРАЛИЗМ КАК ИДЕЙНОЕ ТЕЧЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИЛА

Считается, что в конце 80-х - начале 90-х гг. XX в. в России победил либерализм. Хотя корни либеральных идей уходят еще во времена античной Греции, как политическое течение и как идеология либерализм выступил на историческую арену лишь во второй половине XVIII в. Феодално-сословным привилегиям и религиозному обскурантизму либеральные философы и экономисты Джон Локк, Адам Смит, Давид Рикардо, Иеремия Бентам, Томас Джефферсон, Вильгельм Гумбольдт, Шарль Луи Монтескье противопоставляли идеалы свободы личности и частного предпринимательства, выступая за прогресс культуры и права. Прогрессивный характер либерализма и его влияние на буржуазные революции конца XVIII и начала XIX вв. несомненны. В первой половине XIX в. либерализм получил свое развитие в трудах Герберта Спенсера, Джона Стюарта Милля, Камилло Бенсо Кавура и др. С утверждением капиталистического общества либеральные политические течения породили в Европе влиятельные политические партии, выступавшие в защиту парламентского строя и буржуазно-демократических свобод и противостоявшие, с одной стороны, консервативным партиям, а с другой - социалистическим движениям и группам. Либералы теперь выступали за отмену всех ограничений предпринимательской деятельности, за свободу торговли и свободу печати. Именно в это время возникла концепция государства как "ночного сторожа": оно должно охранять частную собственность и нормы права, но не вмешиваться ни в частное предпринимательство, ни в частную жизнь. Свобода вероисповедания также являлась одним из главных требований либералов. Либеральные партии оказали очень большое влияние на европейское общество XIX в., однако только в

* © Т.В. Будилина, Ю.Б. Запятой, 2001.

Великобритании им удалось удержаться у власти в течение нескольких десятилетий. В России либерализм развивался как идейное течение еще со времен Александра I и получил наибольшее развитие во времена Александра II и Николая II. Однако сегодня уже почти забыты имена и наследие идеологов российского либерализма П. Струве, Б. Чичерина, П. Новгородцева, К. Кавелина, А. Дружинина и др.

Сложной и противоречивой оказалась судьба либеральных течений и партий в XX в. Политические и военные катаклизмы первой половины столетия нанесли сильный удар по идеям и идеалам либерализма в Европе и ослабили либеральные партии во всех европейских странах. Значительная часть их идеологических концепций и электората перешла к партиям социал-демократического спектра, опирающимся на рабочих, служащих, интеллигенцию. Либеральные партии, которые ориентировались главным образом на мелких и средних предпринимателей и чиновничество, сохранились во всех европейских странах, однако их политическое влияние невелико. К примеру, Свободная демократическая партия Германии (СвДП) провозгласила своей целью "прогрессивный социальный либерализм". Лидер СвДП Г. Райф отмечал: "Пока существует опасность злоупотребления властью и необходимость контроля над властью в государственной, экономической и социальной областях, либерализм как политическая сила и в дальнейшем будет и должен будет существовать" [7]. Другой ее лидер, К.-Г. Флах, заявил на партийном съезде: "Если между консервативной косностью и социалистической утопией мы не укажем третий путь либеральных социальных реформ, то страна вступит в опаснейший период политической поляризации со всеми непоправимыми последствиями для либерализма, гуманизма и демократии" [7].

В США развитие либерализма происходило иначе, чем в Европе. В Америке либералами считались в первую очередь сторонники государственного регулирования экономики и расширения государственных социальных программ. Идеологию либерализма связывали

главным образом с Демократической партией, а консервативные течения - с Республиканской.

На Западе сегодня идет оживленная дискуссия, посвященная кризису классического либерализма и формированию новых течений либеральной мысли. Чтобы лучше понять проблематику российского либерального проекта, необходимо представить некоторые точки зрения сторонников и противников либеральной идеологии (ссылки приведены по [21]).

Так, британский политолог Э. Арбластер в книге "Взлет и падение западного либерализма" [30], рассматривающий либерализм с радикальных позиций, утверждает, что мифом является представление о либерализме как о "мягкой идеологии"; при этом упускают из виду "темные и жестокие стороны либерализма". Это происходит потому, что "теория и история либерализма, как правило, создаются самими либералами, которые отнюдь не беспристрастны". В истории Запада представлено множество "жестких либералов" - от теоретиков и практиков капиталистической экономики до "рыскарей холодной войны". Существует и революционный либерализм, борющийся не только "против" (религиозной ортодоксии), но и "за" (свободу личности, национальную независимость) [21].

Трудно точно установить, что такое либерализм - идеология, движение, партия, политика, культура, специфический вид деятельности, способ и манера "жить в истории", личная и историческая судьба? В качестве определенной организованной политической тенденции либерализм практически не существует. Государственный либерализм также не очень распространен в современном мире, поскольку в большинстве стран за пределами Запада наличествуют авторитарные режимы и/или однопартийные системы. В обществах "третьего мира" проблема свободы личности вытеснена заботой о куске хлеба и национальной безопасности, и западные либералы признают, что "толковать о политических или индивидуальных правах людям, погибающим от нищеты и болезней, убогим и безграмотным, - это прямое издевательство". Но на деле "свобода личности" остается для либерала единственным критерием эволю-

ции общества, отсюда однозначно негативные оценки кубинской революции; абсолютное игнорирование того факта, что она поборола голодную смерть, массовые эпидемии и сплошную неграмотность.

Для миллионов людей либерализм - синоним лицемерия или наивности, фарисейства или легкомыслия. "Слово "либерал" стало ругательством, и прежде, чем решить, справедливо ли это, следует понять, почему так случилось". На самом Западе кризис потеснил либеральные ценности и привел многих либералов к принятию жесткой внутренней политики. Тем не менее сама сила агрессивной реакции на либерализм свидетельствует о его жизни, поскольку мертвые доктрины не вызывают такой ярости.

Либерализм на Западе существует не как организованная политическая сила: в таком качестве он больше не нужен, ибо на политическом уровне его цели уже достигнуты, но это этос, как рассеянная, часто полусознательная и тем более влиятельная идеология. Сегодня на Западе господствует либеральное мироощущение, либеральное мировоззрение, а не традиционно-консервативное или революционно-социалистическое. Оно скрыто под слоями различных социальных, политических или экономических формулировок; Запад, не сознавая этого, дышит воздухом либерализма вот уже четыре столетия. О жизнеспособности либерализма говорит динамика его политической экономики: на наших глазах экономический подъем позволил ему заменить свободное предпринимательство неокейнсианством, а затем вновь вернуться к принципу *laissez faire* в модернизированных формах монетаризма, "тэтчеризма" и "рейганомики"; когда наступил кризис. Отсутствие у современного либерализма открытой и последовательной программы не является доказательством свободного мышления либералов, но лишь отражает глубину и всеобщность либеральных установок, то есть силу их идеологии.

Определение либерализма должно быть скорее историческим, чем теоретически словарным: ведь речь идет о специфическом историческом движении идей в современную эпоху, начавшуюся с Ренессанса и Реформации.

Определение либерализма только через его ценности страдает двумя очевидными дефектами. Во-первых, оно не учитывает ни системы ценностей, ни их иерархии, в то время как нигде, кроме как в иерархии и в системе ценностей, идеология не существует. Политические позиции отличаются друг от друга относительным весом ценностей в каждой из них. И либералы, и социалисты, к примеру, хотят свободы и равенства. Но их разделяет характер выбора между свободой и равенством в конфликтной ситуации, а также их соотношение с другими ценностями: справедливостью, безопасностью, собственностью. Во-вторых, определение через ценности не заземлено на исторический контекст.

Либерализм - не только система ценностей, это метафизика и философия бытия, общее представление о человеке и обществе. Метафизическим и онтологическим ядром либерализма можно считать индивидуализм - при условии, что он заземлен на буржуазную индивидуалистическую концепцию человека. Онтологическое измерение либерального индивидуализма раскрывается в восприятии человека как *более реального*, чем общество, его структуры и институты. В теориях социального контракта Гоббса, Локка, Пейна человек выступает как существующий *до* общества, а его права и потребности - как более естественные. Для Гоббса, Юма, Бентама человеческие страсти и желания составляют первичное горючее жизни, они не нуждаются в моральном источнике, напротив, мораль и политика служат их обоснованию, а цивилизация - их регуляции и координации. Общество карает необузданные страсти, задевающие интересы других людей, но не считает их противоестественными или дурными по существу. Поздний отголосок теории потребностей XVII в. - созданная Фрейдом модель человека и общества, в котором подавление инстинктов признается необходимым злом для личности, сами же инстинкты освобождены от моральных оценок. На притии человеческих потребностей как данных, не обсуждаемых и не нуждающихся в оправдании, построена либеральная экономика, в которой рынок бесстрастно фиксирует и автоматически - внеморально - удовлетворяет любые потребности.

Первое серьезное противоречие философии либерализма - некритическое безусловное принятие потребностей, странное для "критической, сомневающейся, скептической мысли". Либерализм не спрашивает, почему формируются те или иные потребности, игнорирует проблему социализации индивида. Вместо реального изменяющегося человека, получившего воспитание, подверженного моде, зависимого от культуры и истории, обучаемого и пропагандируемого, он видит носителя вечных и неизменных желаний. Либерализм слепо верит, что реальные человеческие потребности и те, о которых человек хочет и имеет возможность открыто сказать, - одно и то же, тем более что человек всегда знает, что ему нужно. Еще "отец либерализма" Джон Стюарт Милль сформулировал аксиому: "Человек знает, что ему нужно, лучше любого правительства".

Второй узел противоречий либерального мировоззрения - уважение к человеку как самодостаточному индивиду, как к цели, а не чьему-то средству, не может онтологически совмещаться с эгоизмом потребностей, использованием людей как орудий удовлетворения этих потребностей. Индивидуализм, делающий выбор в пользу *своих* потребностей, как у Ницше и Штирнера, перестает быть либеральным. Гоббс остро осознавал это противоречие, но его пессимизм - исключение в истории либеральной философии с ее концепциями "природной социабельности" индивида; врожденных автору "тормозов эгоизма"; парадокса "личного греха - общего блага"; рыночной "невидимой руки", соединяющей эгоистические экономические импульсы в единый поток обогащения наций; неолиберальной пропаганды "невольного альтруизма" богатства, приносящего всем работу и пропитание.

Классический либерализм считал самого индивида *относительно рациональным*; человеком управляют страсти, но разум служит им, указывая наиболее эффективные способы достижения иррационально поставленных целей. Оптимистическое Просвещение превратило разум из раба в руководителя человеческих действий; Кант и Спиноза видели в нем освободителя от человеческих страстей. Разум - эмпирический факт - возводит-

ся в ценность, как и должно быть в нормальной политической и моральной теории, но недопустимо в методологии либерализма. Эта невозможность следовать собственной методологии - третье фундаментальное философское противоречие.

Из онтологического индивидуализма (индивид реален, общество - фикция) неизбежно следует моральный и политический индивидуализм: только интересы реальных людей имеют значение, интересы фикций - вроде общества, государства, партии, истории - фиктивны. Для большинства либералов теоретическая дихотомия "индивид - общество" равнозначна политической дихотомии "либерализм - тоталитаризм". Именно представление о первичности и реальности индивида и фиктивности общественных структур лежит в основе псевдоисторических сценариев развития жизни от природного состояния к социальному контракту. Для либерала история человека - это история обуздания искусственно созданной цивилизацией асоциальных по своей природе существ - агрессивных у Гоббса и Фрейда, бессознательно-альтруистичных у Локка и Милля. Отсюда приверженность либералов к личной свободе, собственности, приватной жизни и их скептицизм по поводу развития социальной активности, проектов "демократии участия".

Однозначная оценка отношений индивида и общества сопровождается враждебностью не только к политической структуре, но и к любой коллективности, массовости, анонимности. Процедура тайного голосования разработана либерализмом как гарантия против порабощения личности фикцией общей воли: человек, оставаясь наедине с избирательной урной, остается человеком, а не избирателем, не элементом электората. Но стремление соединить индивидуализм с верой в прогресс неизбежно приводит к элитизму.

Квазиисторический сценарий социального контракта в контексте элитизма превращается в биографическую историю великих людей. Кто же такой либеральный индивид? "Человеческая единица", "изолированный индивид" или "творческая личность"? И если человек "лучше всех знает, что ему делать", то почему, по-

пав в коллектив, он теряет знание и энергию? Если человек реален, как может группа людей быть фикцией? Кому могут принадлежать "неотчуждаемые права", кто способен их реализовать – всякий человек или "аристократ духа"? Милль в своем рассуждении о правах и свободах бессознательно и постоянно меняет субъекты: он говорит то о человеке рядовом, то о человеке исключительном. Современная версия научных открытий и социальных реформ нисколько не затронула либеральных представлений об истории.

Политический и моральный индивидуализм настаивает на защите индивида от общества, коллектива, государства в ситуации конфликта. Но конфликт с фикцией невозможен. Общество – это люди, конфликты в нем – людские конфликты, столкновение интересов. Слова Форстера: "Если нужно выбирать, кого предать – страну или друга, я предаю страну" – понятны как протест против бездушного патриотизма и национализма, но онтологически они абсурдны: страна – это тоже люди, и в каждом отдельном случае надо выбирать, кого из людей предать. Таким образом, мучительную проблему этического выбора либерализм подменяет примитивной и удобной этикой квазивыбора: человек или Мо-лох?

XX в. с его реальной государственной социальной политикой снял, по крайней мере у некоторых либералов, априорную враждебность к государству. Но страх перед государством существует как навязчивый кошмар тоталитаризма, как иррациональный страх перед активностью государства в сфере экономики и социального обеспечения. Государство и политика отождествляются в либеральном мировоззрении с антигуманными, фальшивыми ценностями – утопизмом, историзмом; индивид, его частная жизнь – с гуманным эмпирицизмом. Либеральная ненависть к утопии, к ориентации на идеал, к мышлению в терминах будущего и к деятельности ради будущего (неизбежно включающей жертву настоящим) питается неверным разведением утопического и неутопического: в жизни нет неутопических измерений. Политика, принимающая жертву благосостоянием, счастьем и даже жизнями ради будущего, – не монополия тотали-

тарных режимов. Либеральная эмпирическая Америка не остановилась перед принесением в жертву десятков тысяч своих граждан и огромного числа вьетнамцев и кампучийцев “ради будущей свободы Вьетнама и Кампучии” уже в XX в. А разве не абсурдно, с эмпирицистской точки зрения, поступает семья, жертвующая своими потребностями ради будущих детей и внуков, или человек, сажающий дерево для потомков?

Все черты индивидуализма - изоляция от природы и от другого человека, антисоциальный эгоизм потребностей, автономия воли и разума - в равной мере проявляются у либералов в социальном, экономическом и политическом мышлении, в объяснении человеческой жизни и физического мира. Везде индивид - единственная и неизменная рамка соотнесения, единственно реальное, конкретное, аутентичное, естественное, онтологически и морально первичное.

Ценности, традиционно ассоциируемые с либерализмом, сегодня стали просто обязательными для каждого “политически корректного” политического течения. Либеральный характер этих ценностей определяется исключительно их удельным весом в общей ценностной структуре и их местом в иерархии. Свобода - не либеральная, а универсальная ценность, но в либеральном кодексе она превалирует над всеми остальными. “Свобода, - писал лорд Актон вслед за Токвилем, - не средство достижения более высокой политической цели: она сама есть высшая политическая цель”. Либеральное содержание понятия “свобода” определяется ответом на три вопроса: свобода - от чего? зачем? для кого? Либерализм определяет свободу негативно (Гоббс - “отсутствие внешних ограничений”, Берлин - “Я свободен настолько, насколько в мою деятельность не вмешиваются”), игнорируя семантическое разведение *свободы* сделать что-то и *силы (способности)* сделать что-то. И хотя большинство либеральных философов признает, что свобода без силы бездействительна, смысл свободы остается именно в отсутствии внешних запретов.

Вопрос “От чего свобода?” в либерализме практически растворяет в себе и снимает вопрос “Для чего свобода?” По Кранстону, ответ на вопрос “Зачем сво-

бода?” всегда приводит к негативным формулировкам (чтобы не...) или подразумевает их; согласно Берлину, сама постановка такого вопроса есть покушение на свободу, попытка ограничить ее. Поэтому либеральное мышление всегда скорее политическое, чем социальное и экономическое. Либерала интересуют закон и аппарат, могущие закрепить и ограничить свободу, а не экономические силы, которые открывают возможности.

Вопрос “Для кого свобода?” решается либералом однозначно: для индивида. Вот почему классический либерализм был в лучшем случае равнодушен к правам профсоюзов и других коллективов. Современный интерес либералов к правам парламентов, прессы и прочих не имманентен либерализму и не безусловен. Инстинктивная приверженность либерализма свободе не снимала вопроса об оправдании этой приверженности. Последнее включает: утверждение ее необходимости для творчества (не всегда согласуемое, по мнению автора, с историческими фактами, например с расцветом искусства в деспотической царской России); позитивистскую концепцию свободы как условия научного поиска и, наконец, наиболее привлекательную для современного либерала идею свободы как гаранта от нетерпимости, от убеждения в возможности конечной истины вообще, как залог развития в либеральном направлении: “Меньше мессианского одушевления, больше просвещенного скептицизма” (Берлин). Так понимаемая свобода оправдывает право индивида на жизнь и на свою картину мира как на неотчуждаемую собственность.

Самым уязвимым в либеральной концепции свободы оказалось ее отождествление с другими человеческими ценностями. Как сказала Айрис Мэрдок: “...мы все живем по Миллю: свобода равна счастью, равна личности, но на деле мы живем не так. <...> Свобода не всегда равна счастью, за большую свободу надо платить большим одиночеством... люди готовы жертвовать свободой ради общения”. Достаточно сложны и отношения свободы с самореализацией. Совместность - условие самореализации даже исключительно одаренных личностей. “Слава Богу, я свободен не больше, чем дерево с корнями”, - писал Д. Лоуренс. Неолибералы кон-

ца XIX в. указывали, что свобода - лишь одно из условий жизни, что теория коллективного действия не менее важна, чем теория личной свободы. Но эта тенденция не изменила общего климата либерального свободо-мыслия.

Либеральная ценность терпимости, непосредственно следующая из установки на индивидуальную свободу, принадлежит к числу наиболее трудно реализуемых. Милль подчеркивал разницу между терпимостью к мнению и терпимостью к делам; последняя в либеральной идеологии и политике ограничена системой репрессий против инакодействующих.

Противоречие либеральной идеи свободы раскрывается в ценности приватности. Утверждение сферы собственности как ареала и условия личной свободы подрываются в новом либерализме проповедью неучастия, аполитичности, ретреатизма, приватности: уйдя от борьбы за свои права, каким образом может человек утвердить, защитить, укрепить или увеличить свою свободу? Свобода, приватность и терпимость выступают в либерализме как идеальные ценности, для реализации которых нужны ценности вспомогательные: законы и конституции. Эти ценности определяют главное политическое требование либерализма - контроль над исполнением законов. Причем субъектом контроля выступают - в полном противоречии с онтологией либерализма - "фиктивные" структуры: государство ответственно перед нацией, законы должны служить народу, конституция - определяться и контролироваться обществом.

Главная правовая идея либерализма - идея легальности, подчинения всех органов государства закону - ставит критический вопрос об *источниках закона*: ведь если нет ни природной, ни божественной, ни нравственной нормы, закон может быть лишь порождением эгоистической воли и субъективного мнения, равно как его интерпретация и применение. Принцип разделения власти в либерализме - это способ контролировать закон как неизбежное зло; противопоставление закона свободе так же свойственно либерализму, как и анархизму. Импульс к свободе, откровенно писали многие либера-

лы, от Бентама до Берлина, противозаконен, - но не многие из них отваживались признать, что "свобода сущностно важнее демократии", ибо стереотип "либеральная демократия" довлеет не только над массовым, но и самым критическим интеллектуальным сознанием. В глубине этого противоречия лежит недоверие и даже ненависть к демократии как к закону потерявшей индивидуальность толпы, безличного большинства ("Семьдесят три деспота не лучше одного", - писал Джефферсон, а лорд Аткинс считал критерием истинного либерализма "отвращение к невежеству и предрассудкам большинства"). Страх перед демократией усиливается заложенной в идее демократии концепцией "народной власти", самой идеей народа, чуждой и неприятной либералу.

Разница между реальностью либерализма и его официальным выражением наглядно выявляется в процессе анализа соотношения либерализма и капитализма. Суть этой связи недвусмысленно обнажается тем фактом, что либерально-демократические политические системы росли вместе с западным капитализмом, что они расцвели только в странах развитого капитализма и не прижились в "третьем мире". В истории либерализма термин "капитализм" в значительной мере скомпрометирован и заменен "свободным предпринимательством", "смешанной экономикой". Критическая для либерализма проблема - равенство. Социальное неравенство повсеместно ассоциируется с социальной несправедливостью, справедливость же - не менее престижное понятие, чем свобода и демократия. Из этого противоречия либерализм выходит с помощью компромиссного термина "равенство возможностей" - симбиоза представлений о статусе индивида, аналогичного симбиозу представлений о статусе общества - "либеральная демократия". Этот принцип находится в явном противоречии с практикой наследования капитала и всегда подчиняется ей, показывая, насколько значима в либеральной онтологии идея собственности. Либерализм, защищающий собственность как основу свободы, не может поставить ей пределов, ограничить ее руссоистским минимумом. Поэтому в истории либерализма

нет ни наладок на право наследования, ни попыток серьезно рассмотреть процесс аккумуляции и сохранения капитала. Из этого не следует, что либералы сознательно и открыто ориентированы на классовое общество. Просто они отгоняют от себя мысль о классах и классовых ценностях.

Таков либерализм в теоретической схеме, которая никогда не реализовалась в истории. В истории не было одного единого либерализма, но были разные и многие либерализмы. В русле общего для всех либералов XX в. ощущения поражения сложились два типа либеральной реакции на политические проблемы века: пессимистический скептицизм и агрессивная защита крайне консервативной “профилактики тоталитаризма”. И в первом, и во втором случае это была реакция прежде всего на круг явлений и событий, которые либералы восприняли как тоталитаризм, и соответственно ее политической формой стала “холодная война”. Либералам, “не верящим в веру” (Форстер), претил революционный и часто фанатический дух века, равно как и пафос планирования и контроля. Форстер утверждал, что “спасение - в апатии, пассивности и инерции”. Возник новый идеал и новый тип либерала, который приобрел черты, в прошлом характерные для секулярного консерватизма. Первая мировая война и последовавшие за ней события лишили поколение Форстера и Рассела надежды на общественный прогресс и обратили его к приватности как высшей ценности. Возрождением своего боевого духа либерализм обязан фашизму: “На фоне темных веков, абсолютных государств и идеологических войн потускневшие ценности либерализма засверкали во всем своем блеске и сиянии”, - писал в 1942 г. К. Конолли. Протест либералов, ранее бывших антифашистами, против мессианизма в 1945 г. обратился почти исключительно на коммунизм, третируемый как “вторая фаза тоталитаризма”. Идеология “холодной войны” захватила либералов с такой силой, что они жертвовали ей самими ценностями либерализма. Свобода слова и мнений, терпимость и плюрализм оказались неприменимыми к коммунистам и ко всем тем, кто симпатизирует им. Даже репрессивные режимы оправдывались, если они

были антикоммунистическими. Либерализм “холодной войны” логически и исторически закономерен, он не противоречит ни Локку, ни Монтескье, ни Токвилю, ни Миллю. Либерализм “холодной войны” дышал негативным либерализмом или либерализмом, в позитиве у которого было только одно - страх и ненависть к коммунизму. Альянс либералов с политическим и административным антикоммунизмом привел в США к трагической коллизии маккартизма: либералы были поставлены в условия, когда надо было или принимать участие в преследовании всех подозреваемых в инакомыслии (даже на основании отказа от ответов на вопросы маккартистов), или самим становиться жертвами репрессии. Маккартизм сыграл исключительную роль в эволюции американского либерализма. Атмосфера нетерпимости, страха и конформизма, созданная им, дискредитировала в глазах либералов уже не только политику, но и все политические ценности. Началась новая фаза, был провозглашен конец идеологии. Либерализм должен был освежить свои послышки эмпирического и плюралистического мировоззрения, что было сделано прежде всего в негативных терминах - в создании политико-философской концепции и художественно-публицистического образа тоталитаризма (Муссолини, первым употребивший этот термин в отношении государства, естественно, не вкладывал в него негативной оценки: он лишь искал адекватное слово для выражения природы и целей своего государства).

Термин “тоталитаризм” является трудноопределимым, но вполне определенным: симпозиум в США в 1952 г. выявил, что все политические теоретики и социологи, по существу, отмечают пять аспектов тоталитаризма: официальную идеологию, распространяющуюся на все жизненно важные моменты человеческого существования; провозглашение своего общества совершенной и конечной стадией развития человечества; единую массовую партию; почти полную монополию власти и средств массовой коммуникации; систему террористической полиции и контроля. Через 20 лет именно с этих характеристик начинается свою “Хрестоматию тоталитаризма” Л. Шапиро. Иногда к данным

пяти пунктам прибавляют шестой: централизованную экономику. Некоторые авторы связывают тоталитаризм с массовым воодушевлением и видят его корни в массовой демократии. Короче говоря, это общество, в котором, резюмировал Б. Мур, “всякое действие - от воспитания детей до производства и распределения товаров - контролируется и управляется из одного центра”. Большинство либеральных историков, отмечает автор, не могут выйти из противоречия между прокламируемой ими “железобетонностью” тоталитарного общества и постоянными конфликтами и оппозициями в нем, ими же пропагандируемыми. В “Энциклопедии социальных наук” тоталитаризм охарактеризован как “ненаучная концепция”. Возможно, в будущем этот термин полностью переведут из сферы политического анализа в сферу политической пропаганды. Однако в возрождении либеральной идеологии 1940-1960-х годов он сыграл центральную роль. С его помощью утверждалась либеральная по природе концепция, исходящая из аналогичности правых и левых режимов, коль скоро они нарушают принципы политической демократии. “Противоположность либерализма – тоталитаризм”, - писал Хайек. Благодаря этой концепции либералы так легко перешли от реальной войны с фашизмом к “холодной войне” с коммунизмом: отсутствие внимания к явным различиям между фашизмом и коммунизмом возможно только с либеральной точки зрения. Движение либеральной мысли 1950-х годов определялось в направлении от критики реального социализма к разоблачению всех политических и интеллектуальных традиций революционного социализма со времен Французской революции и дальше - к разоблачению мессианизма и утопизма, любых идеалов создания нового общества и нового человечества. Дух этого движения ярко выразила Х. Арендт: “Лаборатория изменений человеческой природы - это концлагерь”. И вот наследники Кондорсье и Шелли, защищавшие от консерватора Бёрка легенду о счастливом человеческом обществе, объявили утопию опаснейшим врагом человечества. В этой борьбе с утопией либералы стали неотличимы от консерваторов; до-

статочно сравнить высказывания ученика К. Поппера В. Маше (“Все идеалы - реакционные и утопические, ведут к тоталитаризму”) и консервативного мыслителя Дж. Талмона (“Рождаясь из благороднейших импульсов, утопизм всегда становится орудием тирании”). Берлин пишет о “тирании великих альтруистических систем”. Квазирелигиозный характер утопических концепций и движений рассматривается как доказательство их иррациональности, ненаучности, связанности с невозможными для эмпирической науки холистическим методом, монистическим мировоззрением и фанатизмом. В центре внимания либеральных теоретиков оказывается в качестве монистического мировоззрения марксизм, освобожденный от сложностей и интерпретаций и представленный как монолитное детерминистское учение.

К началу 1960-х годов либерализм возвестил *конец идеологии* и начало новой рациональной, реалистической, эмпирической политики. “Идеология” стала синонимом “тоталитаризма”. Либеральное толкование идеологии в 1960-х годах резко отличалось от современного: идеология полагалась осознанной и открыто выраженной системой убеждений, монолитно замкнутой, не имеющей связи с реальностью. Постепенно негативное значение стало приписываться характеристикам идеологии как таковым: последовательности, стройности, систематичности, четкости - как следствию примитивности и ограниченности. Конец идеологии осмыслялся как следствие фундаментальной реконструкции общества в ходе научно-технической революции, не оставляющей места политической борьбе внутри западных демократий. “Во всем западном мире существует существенное согласие интеллектуалов по политическим проблемам: принятие государства благосостояния, принцип децентрализации управления, смешанная экономика и политический плюрализм. Это и значит, что идеологический век кончился”, - писал Д. Белл. Однако впереди были расовые конфликты, открытие скрытой нищеты, Вьетнам, молодежный бунт, депрессия, безработица, инфляция, дискредитация “государства всеобщего благосостояния”, политические поражения либералов.

Следующим выражением *деерадикализации* либерализма и его растворения в консервативных установках стал пересмотр понятия “демократия” и самих демократических ценностей. Ревизия демократии, предпринятая Дж. Шумпетером, Р. Далем и С. Липсетом; была кульминацией того недоверия к демократии, которое органично классическому либерализму и особенно ярко выражено у Токвиля и Милля. Серьезную роль сыграли здесь социологические исследования, которые показали, что классическая демократическая модель электората как коллектива самостоятельных рациональных индивидов неадекватна: участие в голосовании часто бессознательно, зависимо и иррационально. Либеральная тенденция сегодня определяется как отношение к демократии только как к процедуре отбора лидеров и элит, но не как к форме управления обществом. Классической стала формула Липсета: “Главная особенность и ценность демократии - формирование политической элиты в конкурентной борьбе за голоса пассивного электората”. С этой точки зрения слишком большая масса электората опасна своей неконтролируемостью; всеобщее избирательное право не должно быть действительно всеобщим, следовательно - в противоречии с классической теорией демократии, - важная роль уделяется группам давления, лобби, группам интересов.

Конец либерализму “холодной войны” был положен не изнутри - новой формой либерализма, а извне - возрождением марксизма и оживлением консерватизма. Либерализм занял пассивно-оборонительную позицию, но теперь она стала более апологетической. Движение, которое стимулировало Французскую революцию и освободительные движения в других странах, которое боролось за демократию и озаряло деятельность культурных гениев, превратилось в доктрину столь узкую и консервативную, что это дискредитировало ее в глазах борющейся части человечества - “третьего мира”.

Оживление интереса к теории в либерализме связано с тремя интеллектуальными событиями: публикацией теоретического исследования Дж. Роулза “Теория справедливости” [34] и последующей теоретической дискуссией; выходом в свет книги Р. Нозика “Анархия,

государство и утопия" [33] и возрождением праволибертарных, антикейнсианских традиций в политэкономии, представленных Ф. Хайеком и М. Фридманом. Главное значение книги Роулза - в возвращении к этическому измерению либерализма, идущему скорее от Канта, чем от Бентама и Милля. Роулз сделал попытку соединить кантианскую этику с традиционным либеральным индивидуализмом и утилитаризмом. В центр общественной проблематики Роулз ставит проблему равенства, но равенство это не только политическое и юридическое, а и социальное. Его наличие дает человеку чувство самоуважения и удовлетворения, но именно этого чувства, замечает автор, нет у политически и юридически равных граждан западной демократии. Несмотря на социал-демократический характер некоторых положений Роулза, его установка прекрасно уживается и с политической несвободой, и с монетаризмом Чикагской школы. Возрождение влияния этой школы в форме теоретической политологии и практического тэтчеризма означает новый шаг либералов навстречу консерватизму. Бывший либеральный лидер Лейбористской партии Джо Гримонд заявил в 1980 г.: "Многое из того, что говорят г-жа Тэтчер и сэр Кейт Джозеф, соответствует основному направлению либеральной философии". А либерал Ли Брэдли определил политику Тэтчер как "возрождение ценностей либеральной Англии".

Однако заявление Р. Дарендорфа, что либералам не стоит стыдиться ничего из сделанного их именем, выглядит самообольщением. Либерализм - это не только Локк и Милль, свобода и открытое общество, но и мальтузианство, закон о бедных, маккартизм, жестокость экономики, слепая приверженность частной собственности, буржуазный страх перед массами. В XVIII в. и начале XIX в. либералы боролись с жестокостью, нетерпимостью и незаконностью. Однако их энергия и идеалы истощались в ходе истории, постепенно они превращались в трусливых консерваторов. Но в либерализме много такого, что слишком жалко оставлять либералам. Либералам наследуют радикалы и социалисты, и за многое, за что перестали бороться либералы, борются они, например за расовое и сексуальное равноправие. Маркс, кри-

тикуя либералов, говорил, что социализм должен воплотить их мечты. В диалектике истории социализм и отрицал, и усваивал либерализм. Как считает Э. Арбластер, сейчас либеральные ценности нужно защищать, как никогда, пытаясь найти этим ценностям другое ядро; у радикалов нет иного выхода, как плыть дальше либерализма, спасая с его тонущего корабля все лучшие сокровища.

Как отмечает германский исследователь Т. Шиллер в работе "Либерализм в Европе" [35], духовные корни либерализма находятся в XVII в., в идейных исканиях мыслителей Просвещения. Как активное и влиятельное политическое движение наиболее ярко либерализм проявил себя в XIX в. - первую половину этого столетия автор определяет как "эпоху либерализма", которая, в сущности, совпадает с периодом европейских революций (1789-1848 гг.). В это время либерализм был революционным движением, борьба за осуществление его принципов велась на баррикадах. Причем либеральные идеи проникли во все страны Европы, включая Россию. Авторы полагают, что в основе такого широкого распространения либерализма лежали общеевропейская культурная традиция, в русле которой с XVI в. развивались народы Старого Света, а также "конвергенция" социально-экономических структур европейских государств. Либеральная мысль всегда была тесно связана с идеей комплексной (то есть экономической, политической, культурной) интеграции Европы. Вместе с тем буржуазно-либеральное движение в различных странах имело национальные особенности и оттенки. Так, например, в Германии и Италии своей первоочередной целью либералы считали объединение страны. Нередко либералы (особенно немецкие и итальянские) от призывов к национальному единству и величию переходили к пропаганде национализма и шовинизма. Закономерным следствием и итогом эпохи либерализма были франко-прусская и две мировые войны. Противоречие между общеевропейскими идеалами, стремлением к интеграции и национализмом по сей день присуще либералам.

В западной политической науке отсутствует четкое, точное определение либерализма. Наиболее распространенное определение либерализма гласит, что это политическая идеология буржуазии. Главным элементом

этой идеологии является требование ограничения всевластия государства посредством конституции, которая обеспечивает гарантии основных прав в условиях либерального правового государства, предусматривает возложение законодательных функций на парламент, охраняет свободу мнений, печати и политических организаций. Наряду с конституционными принципами суверенитета народа, разделения властей, парламентаризма, правового государства и основных прав, в понятие либерализма входит также представление о таком общественном и экономическом порядке, при котором строго соблюдается свобода хозяйственной деятельности, частная собственность защищена от посягательств государства. Кроме того, для либерализма характерно позитивистско-рационалистическое мировоззрение. Однако такое определение больше соответствует так называемому классическому либерализму, сегодняшний либерализм в его рамки не вменяется. Необходима качественно иная интерпретация традиционных принципов либерализма и дополнение их вновь возникшими. Речь идет о все более влиятельных идеях “социал-либерализма”. Также в различных странах по-разному осуществляется конкретное применение, “расшифровка” универсальных либеральных принципов. Но даже если не касаться национальной специфики, трудности в толковании появляются уже на уровне всеобщих принципов. Так, казалось бы, все либералы испокон веку приемлют триаду Великой французской революции “Свобода, Равенство, Братство”. Однако вокруг требования равенства разгораются ожесточенные споры: оно весьма неодинаково трактовалось и трактуется ныне применительно к политической и социальной сферам.

В то же время стремление теоретиков дать как можно более точное и емкое определение либерализма с учетом национальных, временных и других особенностей привело к тому, что в науке по сути дела отсутствует “систематическое”, комплексное понятие либерализма. Вместо этого имеется множество описаний, характеристик (достаточно дифференцированных) либерализма в ту или иную эпоху в той или иной стране. Однако имеются сложности не только с вопросом

“Что есть либерализм?”, но и с вопросом “Кто является либералом?”. Некоторые исследователи утверждают, что наличие в идеологии какой-либо партии или группы нелиберальных и антилиберальных концепций еще не означает того, что эта партия (группа) нелиберальна. Следует осторожно подходить к проблеме применения понятия “либерализм”, к проблеме либеральной идентификации и самоидентификации. В истории не раз бывало, что радикально-демократические течения не включались в либеральное движение из-за своей “формальной”, “внешней” радикальности, хотя, в сущности, они были либеральными. Но происходило и обратное - либеральные требования выдвигались консервативными либо пролетарскими организациями и на основании этого их зачисляли в ряды либералов, хотя по своим главным установкам и общей направленности они могли быть и антилиберальными. Как правило, либерализм олицетворяется с интересами и требованиями буржуазии. Исторически это справедливо, поскольку именно либерализм явился политическим кредо европейской буржуазии. Но сегодня либерализм объединяет под своими знаменами и другие социальные слои, прежде всего представителей “нового среднего класса” - служащих, государственных чиновников, интеллигенцию и т.д.

В период 1870-1914 гг. в большинстве государств Европы произошло организационное оформление либеральных партий. Либерализм из элитарного, “клубного” превратился в партийный, имеющий четкие национальные, политические и структурные рамки. Этот период в целом был благоприятен для либерального движения. Либералам, которые в отдельных странах вошли в правительства или даже возглавили их, удалось осуществить программу довольно серьезных социально-политических и административных реформ. В то же время часть буржуазии, в первую очередь крупной, переориентировалась на консервативные и реакционные партии, что вело к заметному ослаблению либералов и сужению их электората. Возрастало также значение рабочих и социалистических партий - у либералов появился опасный конкурент слева.

Период между мировыми войнами - кризисный для либеральной системы западноевропейского общества. Имеется в виду кризис не либеральных партий и политических группировок - несмотря на ослабление позиций (в некоторых странах существенное), их положение было тогда прочнее, чем после Второй мировой войны, - а либерального конституционного правового государства. Историческая парадоксальность этой эпохи заключается в том, что возникновение данной кризисной ситуации совпало с завершением в большинстве европейских государств периода перехода от монархических и аристократически-олигархических форм правления к парламентаризму, демократии и республиканизму, то есть с реализацией главных идей классического либерализма. Именно межвоенные десятилетия наглядно показали силу и укорененность либерализма в политической культуре общества в одних странах (Англии, Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Люксембурге) и поверхностность, слабость либерализма в других (Германии, Италии). Именно то, что либерализм в этих странах не смог вести активную борьбу с тоталитаризмом, во многом предопределило его скромное будущее после войны.

После Второй мировой войны положение либеральных партий в политических системах государств Западной Европы ухудшилось. Между ситуацией 1920-1930-х годов и ситуацией послевоенной есть существенное различие. Если межвоенный период характеризовался поляризацией социалистических и консервативных партий, и это ставило под вопрос существование партий либеральных, то ныне происходит процесс деидеологизации, сближения социалистических и консервативных партий, превращения их в "народные партии", что, в свою очередь, ставит под вопрос настоящее либералов. Многие исследователи вообще полагают, что в современную эпоху либеральные партии есть пережиток прошлого, атавизм, поскольку все идеи либерализма включены в теоретические установки "народных партий". После Второй мировой войны либералы, всегда уделявшие большое внимание проблеме взаимоотношений государства и общества, государства и экономической системы,

признали необходимость и закономерность государственного вмешательства в экономику. Они стали гораздо более активными сторонниками системы социального страхования и соучастия. Важное место в их политическом курсе занимает решение проблем соотношения централизма и местного управления, а также федерализма.

Американский политолог Р. Исаак [31], рассматривая в сопоставлении либеральные течения в Западной Европе и США, утверждает, что в конце XX в. либерализм внешне выглядит реликтом эпохи Просвещения, более всего он привлекает к себе рационалистов, испытывающих ностальгию по упорядоченной и уравновешенной жизни наших предков. Эгалитарно ориентированные широкие массы стремятся к улучшению своей жизни, невзирая ни на какие последствия в виде усиления государственной власти и бюрократии, а также повышения налогов. Социализм, корпоративизм, синдикализм и социал-демократия как политические лозунги больше по душе людям, нежели либерализм. Сила политической идеологии либерализма уменьшается также по следующей причине. Известно, что Западная Европа и США имеют различный исторический опыт, но в то же время их многое объединяет. Однако недостаточное четкое понимание данного факта приводит к двум совершенно противоположным точкам зрения. Согласно одной из них, западноевропейский и американский либерализмы идентичны, согласно другой - полностью различны.

Вполне возможно, что основное различие западноевропейского и американского либерализмов заключается в том, что первый вырос из той же почвы, что и феодализм, социализм и фашизм, второй же не имеет подобных исторических связей и опыта. Оба варианта либерализма постулируют политический приоритет защиты свободы и частной собственности перед осуществлением социальной справедливости и равенства. Однако в США преимущественное распространение получили крупная собственность и активное понимание свободы, предполагающее риск во всех жизненных акциях; кроме того, очень высоко в американском обще-

стве ценится мобильность и заряженность на карьеру. Напротив, в Европе имеют глубокие традиции и преобладают собственность средних и малых размеров, пассивное понимание свободы, то есть стремление исключить из жизни риск, нестабильность и хаос. Американские либералы зачастую обсуждают вопросы, не имеющие для них реального значения, поскольку эти вопросы не были фактами истории США. Следовательно, и попытки теоретического осмысления этих вопросов, как правило, надуманны и догматичны. В то же время одним из движущих факторов европейского либерализма является чувство вины - и за то, что в свое время либералы оказались бессильными перед лицом фашизма, и за то, что в мире, где еще в огромных масштабах наличествуют голод, нищета и т.п., сами они пользуются всеми олагами высокоразвитой цивилизации.

Северная Америка “перепрыгнула” в своей истории ступеньки феодализма и революционной реакции на феодализм. Поэтому американцы никогда не понимали и не понимают ныне значения борьбы социалистических левых против абсолютизма, который есть результат феодализма, а также значения борьбы реакционных правых против социализма. Американцы знают лишь индивидуалистический либерализм. Политическую историю Северной Америки открывали люди, равноправные от рождения, перед которыми не стояла задача слома феодальных традиций, которые и понятия не имели, что такое быть революционером, а затем стать демократом. Американцы с самого начала были демократами. Либерализм для них не только политическое убеждение, но и “символ веры”. Недаром в США не приживаются политические идеологии, чуждые демократически-либеральному этосу. В Европе же либерализм не был изолирован от радикальных левых и правых идейно-теоретических течений, поэтому его самоопределение происходило в условиях “оппозиции” всем видам экстремизма. В той степени, в какой европейскому либерализму не удалось самоопределение, он оказался несостоятельным и как политическое движение. В целом слабость европейского либерализма объясняется его неумением найти дорогу к рабочему классу и к

группам из средних слоев, подвергающимся эксплуатации в условиях господства крупного капитала.

В США развились два ярко выраженных типа либерализма. В отличие от европейского либерализма, они не носят классового характера. Либерализм Республиканской партии направлен на достижение как можно большей свободы индивида от власти государства, бюрократии и налогов; либерализм Демократической партии ориентирован на усиление государственной власти и бюрократии, а также на увеличение налогов, с тем чтобы обеспечить свободу аутсайдерам и маргиналам американского общества. Обе эти версии нашли теоретическое воплощение в вышеуказанных работах Дж. Роулза и Р. Нозика. Будучи сторонником демократической интерпретации либерализма, Роулз выдвигает принцип множественности как основы теории перераспределения справедливости. Согласно этой теории, единственное оправдание всех неравенств заключается в том, что эти неравенства в конечном счете существенным образом улучшают социальные перспективы “униженных и оскорбленных”. Роулз защищает идею сотрудничества людей более обеспеченных и одаренных с людьми менее обеспеченными и одаренными. Именно в ходе такого сотрудничества происходит “перераспределение справедливости” - уравнивание социальных шансов. Роулз считает неморальным положение, при котором размер получаемых индивидом социальных благ во многом зависит от его природной одаренности и происхождения. Разумеется, большую роль в деле “перераспределения справедливости” гарвардский профессор отводит государству и его институтам.

Нозик - сторонник республиканского либерализма. Другими словами, он полностью за максимизацию свободы индивида и минимизацию власти государства. Его теория “уполномочения на справедливость” гласит, что государство необходимо лишь в той мере, в какой оно осуществляет требования, на которые индивиды имеют права. Это, по сути, есть либертариистское обоснование “минимального государства”. Нозик пишет, что “минимальное государство рассматривает нас как индивидов, права которых нельзя ни нарушать, ни ис-

пользовать в качестве средств или орудий других людей; оно видит в нас личности и защищает наше достоинство. Уважая наши права, оно позволяет нам, индивидуально или в сотрудничестве с теми, кого мы предпочитаем, выбирать образ жизни и достигать поставленные цели”.

Американцы, указывает Исаак, не знаящие эпохи абсолютизма, боятся наделять кого бы то ни было большими властными полномочиями. Поэтому Конституция США предполагает различные инструменты ограничения власти: систему сдержек и противовесов, систему взаимного контроля и т.д. С этой же целью административная власть распределена по трем уровням: общенациональному, штатному и местному. Автор приходит к выводу, что Конституция США больше соответствует духу республиканского либерализма, чем демократического. В иерархии ценностей Конституции стабильность выше свободы, а свобода - равенства. Поэтому не случайно, что такие либеральные демократы, как сенатор Э. Кеннеди, ощущают настоятельную необходимость “подвинуть” американское общество в сторону равенства, то есть привести его в большее соответствие с концепцией Роулза. А консервативные либералы всеми силами стремятся к стабилизации порядка и ограждению свободы индивида от посягательств государства - иначе говоря, действуют по рецептам Нозика.

Опыт фашизма и Второй мировой войны заставил европейских либералов особое внимание уделять разрешению социально-экономических проблем, а также сделал их политически более осторожными и недоверчивыми к различного рода экспериментам. Не в последнюю очередь под влиянием либеральных идей в Европе происходит “социализация” свобод и прав индивидов, на первый план выходят вопросы социальной справедливости и улучшения положения низших слоев. В связи с этим США по сравнению с Европой сегодня выглядят как “оплот капитализма”. В настоящее время по обе стороны Атлантики представители средних слоев - социальная база либерализма - разочаровались в экстремистских идеологиях и радикальной политике, в

которых эмоции преобладают над разумом. Это дает либерализму неплохие шансы, но лишь в форме социального либерализма.

С консервативных позиций критикует либерализм Р. Нисбет в работе “Либерализм и стремление к власти” [32]. Он считает, что “либерализму, как мы его понимаем в XX в., место на свалке истории”, и различает в современном либерализме две тенденции: одна связана с властью, другая - со свободой. Американские либералы - убежденные ревнители всякого рода власти, проявляющейся в национальном государстве. “Они безмерно счастливы, когда что-либо из сферы частноэкономической или социальной попадает в сферу действия вашингтонской бюрократии. Как только они видят что-либо крупное и частное, они начинают требовать его национализации. Одновременно они в качестве просвещенных дальновидных прогрессистов одержимы определенными видами свободы в сфере законов и морали. Нет ничего непристойного и порнографического, чего бы американские либералы не стали защищать, ссылаясь на гарантированное Конституцией свободное выражение мнений. Эмансипированные женщины, извращенцы, кокаинисты, члены террористических молодежных организаций и неоднократно осужденные за насилие преступники, умеющие писать трогательные письма из тюрьмы, - все пользуются симпатией и поддержкой либералов”, - пишет автор [32].

Либерализм XIX-XX вв. - детище, с одной стороны, индивидуализма Милля, с другой - французского Просвещения и Великой французской революции. Первый корень пророс в США в движениях начала XX в.: сексуальное освобождение, мятеж против деревни и провинциальности, защита прогрессивного воспитания, либеральной теологии, модернизма и футуризма в искусстве. Второй корень дал побеги в трудах Т. Веблена, Дж. Дьюи и многих других, требовавших интервенционистского государства. Г. Кроли ратовал за “новонационализм”, который должен занять место современного плюрализма, и за новый демократический коллективизм против ценностей индивидуализма, которые он считал в индустриальном обществе пережитком. В цен-

тре внимания “нового либерализма” стояло государство. При этом очень большое значение придавалось социальной справедливости, социальной ответственности, социальному контролю, социальным правам и социальному благосостоянию, но в конкретных случаях все постоянно сводилось к политике и оказывалось неразрывно связано с государством. При В. Вильсоне произошло необратимое изменение ориентации у либералов, прежде всего у интеллигенции: впервые их позиции стали близки социал-демократии. Старый либерализм кончился, но к концу 1920-х годов к руководству пришел новый либерализм, исходящий из принципа широкого государственного регулирования; он чрезвычайно укрепился в годы президентства Ф. Рузвельта.

Р. Нисбет считает, что престиж либерализма будет падать, так как его выступления в защиту бюрократического государства и идеал сознательного индивида противоречат друг другу. Безразличие к морали и социальный нигилизм остатков “новых левых” оттолкнул от них не только либералов, но и социал-демократов и социалистов. Кроме того, существует вызов со стороны консерватизма или политических правых, с которыми связано возрождение традиционных ценностных представлений, даже религиозного фундаментализма. Поэтому либерализму, каким Запад его знал на протяжении XX в., нет места в будущем.

Трансформация либеральной идеологии XIX в. в современную неолиберальную идеологию осуществляется интеллектуальными усилиями ведущих западных мыслителей XX в. - философов, социологов, экономистов, политологов, правоведов и т.д. Весьма основательно и последовательно работал в этом направлении Ф. Хайек, обосновывая главные тезисы неолиберализма - о наличии всеобщего благоденствия, политической демократии и индивидуальной свободы (прав человека в условиях господства права, правового государства) в современном западном - “свободном”, “открытом” (К. Поппер) или, по терминологии самого Хайека, “великом” - обществе и об отсутствии данных благ при социализме.

Современные западные исследователи делятся на две основные группы. Одни, сторонники концепции

демократического капитализма, считают, что вышеуказанные блага присущи только современному капиталистическому обществу и их в принципе не может быть при социализме, тогда как вторые, неоллиберальные неосоциалисты, идеологи современной социал-демократии, соглашаясь, что данные блага существуют при современном капитализме и что их не было в СССР и других странах реального социализма, полагают, что они в принципе могут существовать при социализме, то есть при полностью национализированной экономике.

Хайек является признанным идейным вождем сторонников первой концепции. Как экономист он обосновывает ее весьма профессионально, чем объясняется его высокий авторитет среди западных экономистов как неоллиберального, так и неосоциалистического, реформистского толка. Но как политолог и правовед он допускает логические сбои. Так, например, в "Основном законе свободы" он следующим образом проводит различие между демократией и либерализмом: "Различие между двумя идеалами выступит наиболее отчетливо, если назовем их противоположности: для демократии - авторитарное правление, для либерализма - тоталитаризм. Ни одна из двух систем не исключает с необходимостью противоположности другой: демократия вполне может обладать тоталитарной властью и допустимо, что авторитарное правительство будет действовать на либеральных принципах". Между тем со времен Платона и Аристотеля в политической философии известно деление политических режимов на демократические и недемократические (автократические, олигархические, аристократические), в зависимости от того, кто правит, то есть принимает основные решения по основным вопросам общественной жизни и распоряжается государственным аппаратом: народ, то есть все взрослое население, или, по крайней мере, значительная часть его - при демократии, одно лицо - при автократии, немногие лица или группы лиц - при олигархии, заведомо особым образом определенное меньшинство населения - при аристократии. По другому основанию, по характеру отношения государственной власти к индивидам (гражданам), политические режимы делятся на автори-

тарные, то есть жесткие, и либеральные - более мягкие, попустительствующие.

Хайек приводит в этой книге (в которой он, по его словам, вознамерился “полностью воспроизвести основные принципы философии свободы”) рассуждение Ортеги-и-Гассета о соотношении демократии и либерализма: “Демократия и либерализм - два ответа на два совершенно разных вопроса. Демократия отвечает на вопрос: кто должен осуществлять публичную власть? Ответ таков - осуществление публичной власти принадлежит всем гражданам. С другой стороны, либерализм отвечает на другой вопрос: какими должны быть границы публичной власти, независимо от того, кто ее осуществляет? Ответ таков - осуществляется ли публичная власть авторитарно или народом в целом, она не должна быть абсолютной, индивиды должны иметь права, которые вне и выше любого вмешательства государства”.

Примерно так же характеризует отношение между демократией и либерализмом американский политический философ Р. Хэнсон: “Демократия определяет, кто является сувереном в обществе, тогда как либерализм определяет границы власти, независимо от того, кто ее осуществляет. Поэтому нет ничего имманентно демократического в либерализме и ничего особо либерального в демократии. Мыслимы и широко распространены недемократические либеральные режимы, например, конституционные монархии, возможны также нелиберальные демократии”. Эта интерпретация позволяет Хэнсону раскрыть кризис современной либеральной демократии, прежде всего в США, в исторической ретроспективе и перспективе. При демократических президентах 1930-1960-х годов конфликт между капиталом и трудом в социальной и политической сфере нейтрализовался кейнсианским “демократическим потребительством”, государством всеобщего благоденствия. Пока экономический рост обеспечивал вовлечение в сферу демократического потребительства все новых и новых нижних социально-экономических групп и слоев, кризис либеральной демократии носил латентный характер. Замедление темпов экономического роста в 1970-1980-е годы вызвало обострение кризиса. Начиная с

конца 1960-х годов “новые левые” в США требовали так называемой демократии участия, то есть вовлечения в политическую жизнь низших социальных слоев. Однако возобладали правые, неоконсервативные силы, представляемые Республиканской партией и правым крылом Демократической партии. Хэнсон поэтому выступает за “демократизацию либерализма” в США ради нейтрализации слишком далеко зашедшей, по его мнению, “либерализации демократии”.

В “Основном законе свободы” Хайек различает два типа либерализма — “британский” и “французский”. К первому он относит Локка, Юма, Адама Смита и их английских последователей, а также французов Монтескье и Токвиля и немца Гумбольдта. Ко второму — французских просветителей XVIII в., опиравшихся на Декарта, и их последователей во Франции, Англии и США (Джефферсона после его пребывания во Франции). По словам Хайека, рационалистическая (“французская”) концепция основана на предположении о склонности индивида к рациональным действиям и о его врожденной разумности и доброте. Эволюционная же (“британская”) теория, напротив, показывает, как определенные институциональные устройства могут препятствовать сущностно плохим людям причинять вред другим. Антирационалистическая традиция в этом отношении близка к христианскому учению о греховности человека, рационалистический же оптимизм находится с ним в непримиримом противоречии.

Еще в “Дороге к рабству” Хайек сформулировал основное положение концепции “демократического капитализма”: “Часто говорят, что демократия не будет терпеть “капитализма”. Если “капитализм” означает здесь систему конкуренции, основанную на свободном распоряжении частной собственностью, то гораздо важнее признать, что только в рамках этой системы возможна демократия”. В “Основном законе свободы” Хайек развивает аргументацию об ошибочности догматического, или доктринерского, демократизма, главной концепцией которого является концепция народного суверенитета. Эта концепция означает, что правило принятия решений по принципу большинства неогра-

ниченно и не ограничиваемо. Тем самым демократия, первоначально призванная предотвращать всякую произвольную власть, становится оправданием новой произвольной власти. В свободном обществе власть большинства должна быть ограничиваема признаваемыми всеми принципами, указывает Хайек. Но “хотя демократия является, вероятно, лучшей формой ограниченного правления, она становится нелепостью, если оборачивается неограниченным правлением”.

Разработанная Хайеком концепция либеральной демократии стыкуется с аналогичными ей концепциями ряда других ведущих западных теоретиков. Так, в докладе известного американского политолога Р. Даля на XI Всемирном конгрессе Международной ассоциации политических наук (Москва, 12-18 августа 1979 г.) “Фундаментальные права при демократическом порядке” рассматривалась проблема высших прав, то есть, по терминологии Даля, прав, более ценных, чем права, необходимые для удовлетворения критериев демократического процесса. Согласно Далю, вопрос заключается в том, может ли полностью демократический процесс нарушать столь существенное право, что сфера процесса сама должна быть ограничена этим правом? Ради защиты таких высших прав, то есть “прав, превосходящих права человеческих существ на участие в управлении”, в определенных условиях возможна и допустима замена демократического процесса недемократическим.

Согласно взглядам представителей немецкой школы государственного права (Г. Лейбхольц, К. Шмидт и др.), свободный демократический порядок, установленный Конституцией ФРГ, основан на комбинации принципов демократии и индивидуальной свободы, причем сфера индивидуальной свободы мыслится в принципе неограниченной, а государственное вмешательство в эту сферу - в принципе ограниченным. Этим объясняется и чисто представительный характер демократии в ФРГ, и разделение властей, которое служит гарантией охраны принципа индивидуальной свободы. Никакое парламентское большинство, ни избирательный корпус в целом не вправе изменять соотношение данных прин-

ципов или распространять демократический принцип в ущерб принципу индивидуальной свободы. Иными словами, народ не вправе изменять основы существующего либерально-демократического устройства и существующей (капиталистической) системы хозяйства - тем более, что право частной собственности мыслится при этом как относящееся к принципиально неограниченной сфере индивидуальной свободы. Исходя из такой позиции, Г. Лейбхольц в бытность его членом Федерального конституционного суда ФРГ в книге "Структурные проблемы современной демократии" ставил вопрос о том, как в современных условиях, когда в ряде развитых западных стран "весьма значительная часть населения может быть настроена коммунистически", следует реагировать, если на выборах на основе "распространенного у нас всеобщего и равного избирательного права" коммунисты получают большинство голосов. Лейбхольц утверждал, что такой результат не должен быть признан, мотивируя это тем, что в современном цивилизованном обществе "существуют границы, которые не может нарушать и преступать никакой человеческий законодатель". Западногерманский юрист П. Хэберле также считает недопустимыми попытки замены современного западного общества с его социальным, духовным и политическим плюрализмом тоталитарным режимом.

Господствующая на Западе неолиберальная - в сущности, консервативная - теория современной политической демократии и политического представительства встречает критику со стороны некоторых западных мыслителей. Согласно австрийскому политологу Т. Бауманну, при современной западной демократии рядовой гражданин лишается своих демократических прав на парламентских выборах двояким образом. Во-первых, он голосует не непосредственно за своего представителя, а за партию, к которой принадлежит последний. Во-вторых, правительство формируется не избранными народом, а, как правило, за закрытыми дверями руководством правящей партии (или партий). "Хотя политическая система, в которой нет "выборов", сразу же представляется недемократической, мы не мо-

жем характеризовать как действительную демократию систему, в которой есть “выборы”, особенно если народ почти исключительно приглашается к участию в выборах и очень редко - к голосованию по конкретным вопросам”. Бауманн полагает, что современная теория политического представительства, основанная на принципе “свободного мандата”, то есть независимости депутатов парламента от их избирателей, и на идее “народной воли”, оторванной таким образом от реального народа, способствует периодической легитимизации на выборах сложившейся олигархической политической системы.

Интересны взгляды выдвинувшего концепцию “мир-системы” радикального теоретика И. Валлерстайна, представленные в его работе “Непреодолимые противоречия либерализма; права человека и права народов в геокультуре современной мир-системы” [36]. По мнению Валлерстайна, помимо геополитики и геостратегии существует геокультура. Культура здесь понимается в традиционном антропологическом смысле - как комплекс ценностей и основных правил, которые определяют (сознательно и подсознательно) поощрение и наказание в данной системе. Если это мир-система, то речь идет о геокультуре. Возникнув в XVI в., современная мир-система (СМС) в течение трех столетий не имела собственной геокультуры. Великая французская революция изменила эту ситуацию, выдвинув два новых принципа: 1) нормальность политических изменений; 2) суверенитет для народа. Оба принципа оказались революционной угрозой для СМС. Поначалу они не только не добавили легитимности капиталистической мировой экономике (КМЭ), но и угрожали делегитимизировать ее в долгосрочной перспективе. Именно с тем, чтобы сдержать и нейтрализовать эти идеи, вписав их в мир-системное целое и найдя им там место, господствующие группы КМЭ и их “интеллектуальный обслуживающий персонал” немедленно приступили к разработке комплексной геокультуры. Этот процесс принял форму споров об основных идеологиях - консерватизме, либерализме, социализме. Позиции консерваторов (правых) и социалистов (левых) по вопросу о полити-

ческой программе обеспечения хорошего общественного строя были ясными и четкими: максимально медленное и осторожное развитие против максимально быстрого, сохранение неравенства против рывка к равенству.

Либерализм заявил позицию, отличающуюся как от консервативной, так и от социалистической, не избежав, однако, если не двусмысленности, то двойственности: ни слишком быстро, ни слишком медленно, а - правильно. Но о том, что такое "правильно", либералы часто не могли договориться даже между собой. Сутью либерализма как идеологии была не столько ясность программы, сколько упор на сам процесс, процессоцентризм. Если консерваторов интересовало торможение, подморожение процесса в соответствии с некими идеалами прошлого, а для социалистов самым важным была конечная цель, то либералов больше всего заботил процесс развития как таковой. По мнению либералов, хорошее общество можно создать лишь в том случае, если процесс создания будет постепенным и рациональным; только совершенствование системы, но не ее изменение, ибо мир XIX в. уже виделся им кульминацией (и в этом смысле - концом) истории. Хотя все три идеологии были антигосударственническими (antistate), на практике реализация их идей способствовала усилению государственных структур. Со временем как консерваторы, так и социалисты приняли многое из программ либералов. Действуя не сговариваясь, но взаимно дополняя друг друга, консерваторы и социалисты выполнили значительно больше из либеральных программ, чем сами либералы. Поэтому не удивительно, что именно с триумфом либерализма либеральные партии сходят со сцены.

Что такое права человека с точки зрения либеральной идеологии как геокультуры СМС? Откуда они приходят в нее? Сами либералы считают, что права человека встроены в естественное право. Но и при таком ответе остаются открытыми вопросы: 1) кто имеет моральное и юридическое право составлять перечень этих прав; 2) являются ли эти права абсолютными или же они ограничены некой рациональной оценкой последствий их использования; 3) кто обладает правом осуществлять эти права.

Очевидность ответа на третий вопрос - “каждый” - иллюзорна. Никто и никогда не утверждал, что каждый имеет право осуществлять права человека. Например, дети до определенного возраста не могут сами решать, что хорошо и безопасно для них. На другом конце спектра - дементные пожилые люди. А что говорить о социопатах, невротиках, неграмотных, беженцах, попавших в чужую страну, преступниках и т.д. и т.п.? Где прочерчивается очевидная разграничительная линия? Ее нет, и, конечно же, она не выводится из естественного права. Это сугубо политический вопрос. И здесь на сцену выходит другое право - право народа, и другое понятие, порожденное Великой французской революцией, - гражданин. Именно граждане должны осуществлять суверенитет. Но кто такие граждане и по отношению к кому они его осуществляют? В средневековой Европе один и тот же человек мог быть подданным нескольких феодалов. Поэтому феодал не был бесспорным сувереном. В отличие от этого, современное государство обладает исключительной юрисдикцией в пределах своих границ. Чувство единства в рамках этих границ – национализм - воспитывается с помощью двух институтов: школы и армии. И именно эти институты никогда не отличались большими достижениями на ниве прав человека. Напротив, обе эти структуры, преследовавшие цель превращения простого человека в гражданина-избирателя и гражданина-солдата, были авторитарными.

Политический проект либерализма в государствах ядра СМС в XIX в. заключался в том, чтобы приручить “опасные классы” путем трехчленной реформы: всеобщего избирательного права, государства всеобщего благоденствия, национальной идентичности. Эти три блага должны были убедить массы не претендовать на реализацию своих прав в полном объеме. Незначительность социальных уступок господствующих классов могла бы стать очевидной, если бы не два фактора. Во-первых, повышение уровня жизни населения ядра за счет перекачивания прибыли из периферии. Во-вторых, местный национализм каждого из государств был дополнен коллективным национализмом “цивилизован-

ных” наций по отношению к “варварам”. Сегодня мы называем эту доктрину расизмом, который пронизал деятельность многих международных институтов и общественное сознание, по крайней мере, пока нацисты не довели его до логического конца и пока устыдившийся в результате этого западный мир не был вынужден частично отвергнуть расизм. Обратной стороной расизма был империализм, то есть политика цивилизованных государств, направленная на цивилизование варваров. Таким образом, права наций были зарезервированы для очень небольшой группы наций, что автоматически нарушало права человека. XIX в. столкнул лбами два эти универсальных принципа, каждый из которых ограничивал универсальность реализации другого.

Поскольку в XX в. колониализм/империализм был главной проблемой освободительной борьбы, именно права народов, а не права человека оказались в центре (“самоопределение наций”) либерального проекта. Из этого Валлерстайн заключает, что в 1945-1970 гг. либерализм пережил второй апофеоз, на этот раз охватив не Европу, а мир в целом. Поразительно, но именно в 1945-1970 гг., по сути, никто не вспоминал о правах человека. Судебные процессы в Восточной Европе, эксцессы диктатур в “третьем мире”, маккартизм в США, запрет на профессии в ФРГ - все это говорит о том, что период борьбы за права народов не был периодом борьбы за права человека. Более того, борцы за права человека везде рассматривались как элементы, подрывающие национальное единство.

“Мировая революция 1968 г.” бросила вызов либеральной геокультуре. Она продемонстрировала тот факт, что тощий запас уступок господствующим групп “опасным классам” мира исчерпан и обещания не выполнены. Стагнация экономики в кондратьевской Б-фазе, наступившей в 1968-1973 гг. и продолжающейся до сих пор, свела на нет почти все достижения периферии (за исключением Восточной Азии). В результате этих сдвигов либерализм перестал быть определяющей идеологией СМС. Как консерваторы, так и радикалы дистанцировались от либерального центра. Это имело два политических последствия. С одной стороны, мно-

гие перешли от борьбы за права “старых народов” (наций) к борьбе за права “новых народов” - различных меньшинств, от этнических до сексуальных. С другой стороны, усилилась борьба за права человека (от диссидентского движения в СССР до борьбы за “право на privacy” в США). Если в 1970-1980-е годы движения за права “новых народов” и за права человека имели тенденцию сливаться в один поток - часто одни и те же люди были активистами обоих движений, то к концу 1980-х права человека стали все более и более противопоставляться правам народов. Было провозглашено право на вмешательство во внутренние дела тех стран, где нарушаются права человека. Сегодня это Босния и Сомали, но завтра, считает Валлерстайн, это могут быть Китай и Иран, а послезавтра - муниципальные округа в самих США с черным большинством в местных органах власти.

“Либерализм ныне загнан в угол. В нем продолжает заявляться легитимность прав человека и - чуть тише - прав народов. Но на самом деле ни то ни другое не подразумевается по-настоящему. Эти права заявляются для того, чтобы не быть полностью реализованными. Но такая позиция становится все более и более трудной. И либералы... начинают демонстрировать свой настоящий цвет, превращаясь в консерваторов и, по случаю, - в радикалов”, - пишет Валлерстайн. Достаточно посмотреть на такую проблему, как миграция Юг-Север, чтобы увидеть это. Права человека со всей очевидностью включают право на свободное передвижение. По логике либерализма, паспорта и визы не должны существовать. На практике же многие на Севере (то есть Западе) выступают против идеи открытых границ, и именно в направлении закрытия границ развивается вся западная политика последних лет. В 1993 г. одновременно произошли важные сдвиги в этой области в Германии, Франции и США - от ограничения притока мигрантов в Германии до постановки вопроса губернатором Калифорнии об отмене права каждого рожденного на территории США получить американское гражданство.

Внутренние противоречия либерализма очевидны. Если у всех людей равные права, то мы не можем более

поддерживать и сохранять такую неэгалитарную структуру, как КМЭ. Но если открыто признать это, то КМЭ окончательно лишится легитимности в глазах “опасных” и “обездоленных классов”. Системы, не обладающие легитимностью, не выживают. Авторы полагают, что, хотя этот тотальный кризис в итоге будет разрешен, однако “какую бы новую историческую систему мы ни построили и независимо от того, будет она лучше или хуже, будет ли у нас больше или меньше прав человека, одно можно сказать точно: ее основой не будет либеральная идеология”.

Особое внимание в свете исследуемого направления возможно обратить на формирование и развитие либерализма в современной России. Возвращаясь к нашим вопросам, следует отметить, что все эти сложнейшие проблемы западной политической мысли, касающиеся “классического”, “социального”, “нового” либерализма, его инверсии в консервативные и социалистические направления, и даже имена современных теоретиков, разрабатывающих данные проблемы, в сегодняшней России почти никому не известны. Первая попытка дискуссии по вопросам либерализма, предпринятая политологическим изданием “Политические исследования” в 1994 г., не привлекла внимания общественности [22]. В 1997 г. новая попытка разобраться в данных проблемах, теперь уже со стороны журнала “Новое время”, породила только “чудовищное нагромождение вопросов” и не смогла прояснить, “что же происходит в российской экономике, на какой теоретической основе поднялось нынешнее крутое тесто и есть ли смысл ждать чего-то более качественного” [17]. Указывая, что только в последние годы в Москве в продаже появились работы по истории западного и российского либерализма, Р. Медведев саркастически пишет: “Тиражи этих книг ничтожны, но и спрос невелик” [12].

Когда на выборах 1995 г. партия Гайдара потерпела поражение, теоретик движения “Наш дом - Россия” Г. Шепилов заявил: “В своей реальной политике наши “либералы” исключили как раз те ценности, которые давно и прочно вошли в его <либерализма> плоть и кровь на Западе. Сведение российскими реформаторами

основополагающих принципов либерализма к главенству права на частную собственность и рыночному детерминизму превратило политику российских либералов в пародию на современные образцы главной идейно-политической традиции западной цивилизации. Сейчас совершенно очевидно, что либеральные идеалы в том виде, в каком они были преподнесены и внедрены реформаторами-“западниками”, нежизнеспособны” [9].

Дело в том, что, на наш взгляд, российские либерал-радикалы из всего многообразия либеральных течений усвоили лишь одно, а именно то, которое известно на Западе под названием “либертаризм”. Либертаристское течение заявляет о себе как о наследнике классической либеральной традиции, как о единственно подлинном либерализме современности, совершенно незаслуженно расцениваемом как консерватизм.

Действительно, на уровне лозунгов и деклараций, требующих защиты принципов *laissez faire* и свободы экономического индивидуализма, существует видимость тождества либертаризма и классического либерализма. И это не случайно. Либертаристское сознание - как форма апологии капитализма свободного предпринимательства и свободного от государственного вмешательства рынка - складывается на основе исторически развивавшейся либеральной идеологии, точнее, ее окостеневшего и потому деформированного фрагмента, который в силу несоответствия его идеологических установок изменившейся реальности западной экономической системы приобретает ранее не свойственную ему консервативную функцию. Однако по существу либертаризм и классический либерализм озабочены разными проблемами и выдвигают разные задачи. Либертаристское сознание воспроизводит лишь внешнюю форму свойственного классическому либерализму противопоставления свободного рынка государственному вмешательству, однако в сегодняшних условиях Запада ориентация на свободный рынок как механизм регулирования социально-экономических отношений приобретает консервативный характер. Либертарист ощущает себя как бы находящимся “по ту сторону” социальных перемен, сохраняя надежду, что еще не поздно

вернуться назад, к проверенным на практике и безупречным в нравственном отношении условиям общественной жизни, то есть предоставить полную свободу игре рыночных сил. При этом он закрывает глаза на исторически необратимый характер происшедших в обществе изменений, выдвигая заведомо нереализуемую утопическую программу, обращенную в прошлое. Утопизм в либертаризме ярко проявляется в надежде на возможность реконструкции исторически изжитого экономического уклада, рыночный социальный идеал проецируется на настоящее как определенная нормативная идея, осуществление которой в принципе возможно. Эволюционные процессы в рамках капиталистического уклада, выразившиеся в переходе от саморегулирующегося рынка к государственному регулированию экономики при помощи политических механизмов, воспринимаются как радикальная смена формаций, а это, в свою очередь, расценивается как безусловный социальный и моральный регресс западного общества. В этом видится переход от свободы к тирании, от капитализма к “конфискационному социализму” (Ф. Мейер) (цитаты приведены по [24]). Привязанность либертаризма к исторически прошедшей фазе капиталистического развития обуславливает восприятие этого перехода как некоего извращения морально незыблемого “естественного порядка”, соответствовавшего и высшим нравственным ценностям, и самой человеческой природе. При этом в совершенно ином идеологическом контексте воспроизводятся некоторые идеи А. Смита об “естественности” рыночного уклада.

Апелляция либертаризма к чисто экономическим механизмам рыночного регулирования и критика этатистских моделей регулирования экономики через политику ставят под вопрос статус политики как самостоятельной сферы общественного процесса. Либертаризм наполняет политику вульгарно-экономическим содержанием. В либертаристском представлении об оптимальном механизме отправления политики сфера политических отношений сводится к экономическим отношениям свободного обмена. В структуре либертаристского сознания воспроизводится смитовский фетиш

обмена, расцениваемый как естественный способ самораскрытия человеческой природы. Как утверждал М. Ротбард, “единственно естественный способ человеческого существования и достижения благополучия - это с помощью своего разума и энергии вступать в отношения производства-обмена”.

Либертаристские идеи об “естественности” рыночного капитализма основаны на определенном образе человека, его природы и предназначения, который по видимости воспроизводит позицию классического либерализма, но в действительности вносит в нее существенные модификации, отвечающие нуждам момента. Для либертаристского сознания человек является лишь экономическим индивидом, прирожденным частным предпринимателем, почти лишенным каких-либо иных потребностей. Соответственно с этим мистифицированное и фетишизированное предпринимательство расценивается как высшая форма человеческой деятельности, аккумулирующая все природные силы индивида и дающая им адекватный простор для реализации. Такое представление о человеке базируется на своего рода социально-философской “бритве Оккама”, доводящей до предела индивидуалистические интенции классического либерализма. С позиций либертаризма, “индивиды - единственная человеческая реальность. Все группы - фикции... Они существуют только в абстракциях” (Макбрайд). Социальной структуры как определенной иерархии в представлениях либертаризма вообще нет, поскольку реально имеют место лишь отдельные человеческие индивидуумы, - что, впрочем, не исключает присутствия в либертаристском сознании элитарного импульса, связанного с мотивами социального и морального превосходства тех индивидов, предпринимательской деятельности которых сопутствует успех.

Природа человека, по мнению либертаристов, реализуется в волевой предпринимательской деятельности и в актах индивидуального экономического выбора как осуществлении присущей индивиду меры свободы. Предел индивидуальной свободы - причинение ущерба (преимущественно физического) другому человеку. Само насилие трактуется крайне упрощенно в основ-

ном как непосредственное физическое принуждение, идущее прежде всего со стороны государства. Основание такого понимания свободы видится в идее неотчуждаемых “естественных прав”, имеющих недоговорное происхождение и включающих классическую локковскую триаду - жизнь, свободу, собственность. При этом “понятие собственности является фундаментальным правом” (Д. Фридман), “без права собственности невозможны никакие иные права” (Дж. Хосперс), частная собственность выступает “основой цивилизации” (Ф. Мейер).

Общество либертаризм воспринимает как “коллекцию робинзонов крузо” - “независимых хозяйственников”, обладающих равной свободой. Государство - это продукт договора между индивидами. Контрактная теория происхождения государства сочетается в либертаризме с априорно негативным отношением к государственной власти как к источнику насилия над индивидом, проявляющегося прежде всего в попытках установления контроля над рыночными отношениями. В глубине либертаристского сознания существует понимание той истины, что государство необходимо - хотя бы в “минимальных” целях защиты частной собственности. Поэтому, сталкиваясь с многочисленными филиппиками либертаризма против государства (Дж. Хосперс: “Государство - самый опасный институт, известный человечеству”; Р. Макбрайд: “Государственное налогообложение - это кража”), следует учитывать, что речь, как правило, идет о вполне конкретном типе государства - “государстве всеобщего благоденствия”, которое предполагает перераспределение собственности. Кейнсианские идеи оказываются главным объектом либертаристской критики. Для либертариста максимально приемлемо лишь “минимальное” государство - по существу, “ночной сторож” классической либеральной традиции, функции которого не идут далее обеспечения внешней и внутренней безопасности частных собственников и свободного рынка. Любое более широкое распространение государственных функций, а уж тем более государственное вмешательство в экономику, не может быть морально и

практически оправдано. Однако даже “минимальное” государство вызывает у либертариста внутренний протест, и это находит выражение в характерной для крайних форм данного политического типа “анархокапиталистической” тенденции, идеалом которой является “либертаристская анархия” - ее можно достичь лишь путем претворения в жизнь программы “распродажи государства”, восстановления абсолютной свободы рыночных отношений и “деэстатизации общества” (Д. Фридман). Согласно этой логике, передаче в частную собственность подлежит абсолютно все - школы и университеты, города и улицы, реки и океаны, более того - полиция, суды и законы. Эта программа при последовательном осуществлении ведет к неизбежному отрицанию самих основополагающих принципов либертаризма. “Распродать” государство мог бы только сильный авторитарный режим, то есть та самая непомерно могучая государственная власть, против которой выступает либертаризм. “Деэстатизация”, таким образом, оборачивается денационализацией, отвечающей интересам самых реакционных буржуазных кругов и требующей для своего осуществления установления диктаторского режима; следует отметить, что программа денационализации, проведенная Пиночетом, разрабатывалась двумя известнейшими американскими либертаристами - М. Фридманом и Э. Хербергером. Однако “анархокапиталист” не видит противоречия в том, что абсолютное господство принципов свободного рынка ведет в тенденции к их самоуничтожению. Предполагается, что в принципе может сложиться такая ситуация, когда кто-то “купит” себе право отменить свободный рынок. Поскольку экономика у либертаристов господствует над политикой, постольку законы, судопроизводство и вообще вся политическая надстройка должны “покупаться” и “продаваться” на свободном рынке, то есть подчиняться принципам “законодательства в экономических терминах” (Д. Фридман). Все решает не голосование, не референдум, не свободная игра парламентских сил, как предполагал классический либерализм, а предложенная рыночная цена.

Социальные идеалы либертаризма проникнуты ностальгическим духом: “Единственный путь к процветанию и экономическому благоденствию - это путь от коллективизма к свободе. Рыночная экономика, освобожденная от государственного вмешательства, - не только единственно моральное решение..., но и единственно практический путь восстановления экономического здоровья и процветания” (Макбрайд). Либертаристское сознание, фетишизируя рынок, наделяет его магическими свойствами и способностью решать любые социальные проблемы. Для классического либерализма принцип *laissez faire* означал борьбу за права и свободы, которых было лишено третье сословие, тогда как для либертаризма - и здесь кроется коренное различие - это означает защиту и охрану достигнутых привилегий, частнособственнических интересов от идущих снизу требований демократических реформ.

Как нам видится, именно утопический либертаризм - причем в его крайних, “анархических” формах - стал идейной платформой новых русских реформ. Экзотическое учение, разделяемое даже на Западе лишь небольшой группой теоретиков, было привито на дикой, иссушенной идеологической засухой российской почве - и дало странные плоды. Почему же так произошло? Было ли проявлением некоей случайности то, что упрощенные, вульгаризированные взгляды западных монетаристов захватили воображение “молодых реформаторов” из группы Гайдара-Чубайса, надолго взявших в руки штурвал российского корабля? Очевидно, нет. Уже упомянутый К. Джоунт отмечал, что возникающий в “постленинистских” странах “новый жизненный путь” - это новая идеология, которая активно отвергает существующие социальные, экономические, религиозные, административные, политические и культурные институты. Для самоутверждения нового уклада жизни необходимо, чтобы преданное меньшинство полностью прониклось идеей - установления верховенства короля, свободного рынка и торговли, расы и фюрера или же партии и коллектива - на критический период, в ходе которого может выкристаллизоваться новая элита, новая практика, новые организации и новые убеждения”

[5]. Новая интеллектуальная элита и прониклась такой горячностью верой в рынок - но исключительно в его либертариистской ипостаси.

Выше уже отмечалось, что антисистемные интеллектуалы отвергали все, что имело хотя бы малейшее отношение к “левому”. Буревестник свободного рынка Л. Пияшева, автор знаменитой перестроечной статьи “Чьи пироги пышнее?” [20], заявляла в ней о своем категорическом неприятии даже практики “шведского социализма”. Ей следовали и другие идеологи нового российского западничества: так, И. Кудрявцев безапелляционно заявлял: “В СССР идеи западной социал-демократий *беспредметны*, не имеют объекта приложения” [3]. Т. Ворожейкина констатировала: “У нас ведь все партии, включая социал-демократов, по лозунгам и по фразеологии либеральные, в них никакого социального оттенка практически нет” [6].

С Запада либерал-радикалы “брали” лишь “рейганомику” и “тэтчеризм”, кейнсианское “государство всеобщего благоденствия” ими решительно, по-либертариистски, отвергалось. Зачастую это шло от банального невежества. В последний раз процитируем “прозорливого наблюдателя”: “Наши гуманитарии, в большинстве своем, не знают языков и черпают свои дикие представления о Западе и западной мысли из невежественной “радикальной” прессы” [4]. Вышеупомянутая С. Марголина с изумлением отмечала: “Создается впечатление, будто с Запада ввозится то, что можно усвоить, не напрягаясь, близкое, узнаваемое, - а современное, репрезентативное для западной культуры и политических процессов не понимается или отвергается. Конечно, это проблема не столько журналистики, сколько уровня интеллектуальной элиты в целом. Но журнал, газета тиражируют в соответствии с этим уровнем клише о Западе для широких масс, и это уже опасно. Достаточно характерно, например, что в качестве авторитетных воспроизводятся тексты, скажем, немецких ученых, которые в своей стране либо не играют никакой заметной роли, либо ее перестали играть. Зачастую это слависты или философы с религиозной направленностью и повышенным интересом к русской культуре. Пос-

ледний обычно связан с их романтической приверженностью к почвенной Германии, родине многих славянофильских клише, не изживших себя в России и по сей день. Их взгляды, как правило, умеренно консервативны. Они представляют вчерашний день западного общества и поэтому сами невольно ищут связи с отсталым обществом, им более понятным. Современные западные идеи и установки ими либо не воспринимаются, либо отвергаются как “левые” или “коммунистические”. Ускользает от понимания общественная динамика западного общества, корни происходящих там процессов. Сегодняшние левые, какие бы ярлыки им ни навешивали, формулируют серьезные и требующие разрешения проблемы. Они есть бродильное начало новых отношений, предпосылка иной расстановки сил... А ту западную пищу, что пережевывает сейчас советская пресса, все уже один раз ели...” [4].

Из всей огромной, сложнейшей и неоднозначной западной социальной картины мира вырывались какие-то фрагменты и наспех, методом коллажа вставлялись в совершенно иную социокультурную действительность. Так, например, та же Пияшева позднее заметила: “Когда я размышляю о путях возрождения своей страны, мне ничего не приходит в голову, как перенести опыт немецкого экономического чуда на нашу территорию. Моя надежда теплится на том, что выпущенный на свободу “дух предпринимательства” возродит в стране волю к жизни и протестантскую этику” [23]. Однако кажется весьма странным пытаться “возродить” протестантскую этику там, где ее никогда не было, - в православной России, в мусульманской Татарии, в ламаистской Бурятии. Даже Маркс признавал, что капиталистическая экономика западного типа базируется на особой культурной и религиозной основе; в конце жизни он писал В. Засулич, что “Капитал” отражает западные реальности и потому не всегда пригоден для России. Связь западных форм капитализма с религией наиболее основательно исследовал знаменитый немецкий историк и социолог М. Вебер, нередко именуемый “буржуазным Марксом”, в работе “Протестантская этика и дух капитализма” (1904-1905). По мнению Вебе-

ра, религиозный переворот, совершенный Лютером и Кальвином, стал переворотом в умах и этике людей XVI в. При этом новая этика, порожденная “рациональной религией” - протестантизмом, стала начальным звеном сложной цепи преобразований традиционного уклада жизни, в результате чего и появились тот строй мышления и тип восприятия деятельности, которые Вебер обозначил как “дух капитализма”. Говоря упрощенно, смысл этого “духа” состоял в том, чтобы делать деньги не для прожигания жизни, а для приумножения капитала. Формирование новой этики приобретательства и “капиталистического духа” требует не нескольких лет, а нескольких столетий. Самой ранней точкой в эволюции “духа капитализма” Вебер считал напутствия и проповеди известного английского священника XVII в. Р. Бакстера, зрелым выражением - поучения Б. Франклина в конце XVIII в., а вершиной - американский “научный менеджмент” начала XX в., связанный с именами Ф. Тейлора и Г. Форда. Но в России не происходило подобной эволюции в образе жизни и в сознании народа. Этому не могло способствовать традиционное православие, этика которого очень далека от ценностей западного рационализма и приобретательства: она решительно осуждает стремление к наживе и даже само богатство и поощряет бескорыстие, доброту, служение общему благу, доверчивость и самопожертвование.

Философ В. Межуев отмечал: “К сожалению, перестройка... вывела к власти людей, совершенно случайных для истории России, никак с ней не связанных - ни культурно, ни религиозно, ни исторически. Для них судьба России не была их личной судьбой. Этих людей отличала духовная беспородность. Они ни интеллектуально, ни другими качествами не были предназначены решать судьбу страны. Они никак не были укоренены в русской почве. Совершенно не понимали ни ее истории, ни ее традиций. До перестройки они что-то таякали про научный коммунизм, потом они прочитали Хайека и стали по западным рецептам, которые, кстати, давно оспариваются и на Западе, ломать и корезить эту огромную страну, чужую для них и непонятную. Сегодня важно понять, что Россия как великое государство создава-

лась не во имя какой-то экономической рациональности. Россия существовала как огромная культурная и цивилизационная идея... Почитайте русских мыслителей. Они боялись исчезновения России как некоторого цивилизационного образования, как носительницы своей исторической миссии. Россия, живущая просто по законам экономической целесообразности, вообще не нужна никому в мире, в том числе и ей самой" [16].

Впрочем, можно отметить перекличку - быть может, случайную и неосознанную - между современными и дореволюционными либералами. Знаменитый деятель начала века, лидер Партии народной свободы П. Миллюков писал: "Историческое развитие совершается у нас в том же направлении, как и везде в Европе. Поэтому сходство с Европой - не подражательная цель, а естественное последствие сходства самих потребностей... Само собой разумеется, что сходство никогда не дойдет при этом до полного тождества... Мы не должны обманывать себя и других страхом перед мнимой изменой нашей национальной традиции. Если наше прошлое и связано с настоящим, то только как балласт, тянущий нас книзу, хотя с каждым днем все слабее и слабее" [14].

Доктор исторических наук А. Уткин констатировал: "Российская интеллигенция совершила "грех нетерпения и неумения гордыни", она... оставила роскошь сомнений... Императив российской интеллигенции кануна великих потрясений - "Мы должны стать нормальной страной". Удивительно, что никто в те годы и не пытался определить критерий *нормальности*, задаться вопросом, почему нормальной считается социальная практика счастливой десятой части мира - Северной Атлантики, а не девяти десятых либо находящихся в процессе догоняющей Запад модернизации, либо погрязших в трайбализме и национализме. Неповторим тот пафос, то значение, которое придавалось слову "нормальный" как синониму "идуший вровень с Западом, разделяющий его стандарты, уровень жизни и достоинства демократического общества". Словно девять десятых населения Земли сознательно жили ненормальной жизнью, словно подъем Запада в XVI в. не был уникальным чудом, величественным, благодатным (наука,

литература, гуманизм) и опасным - колонизация, неизбежная (при движении вдогонку) болезненная рекультивация. Интеллектуальным убожеством веяло от выбора ориентира "нормальности" - США, Швеции, Швейцарии или Германии. Интеллигенция потеряла нить истории собственной страны, соревнуясь в обличении ненормальностей, - словно сумма исторических и ментальных особенностей не составляла историко-цивилизационную основу того, что называлось советским народом" [16].

Однако либерал-радикалам было не до проблем советско-российской ментальности: впереди величественным маяком светила земля обетованная, вожделенный Запад. Вот как описывала В. Новодворская свою поездку в Западную Европу: "Когда ты оказываешься там, тебе кажется, что уменьшается сила тяжести. Там давно решены все мировые вопросы; так легко и безболезненно разрешается проблема борьбы за существование, что нам, в нашем положении, может показаться, что это уже другая планета, другая, более мудрая и совершенная раса" [19]. Массы, воспламененные социологической пропагандой западного образа жизни в виде красивых товаров и "сладкой жизни", также рвались в "капиталистический коммунизм". При этом весьма редко возникал довольно простой и естественный в данной ситуации вопрос: а сможем ли мы - или хотя бы наши внуки - попасть в этот новый земной рай. Правда, Г. Попов мимоходом обронил: "А почему вы думаете, что будете жить в США, а не в Бангладеш?" [25], но такие высказывания в тот момент воспринимались в качестве неудачной шутки.

Конечно, находились и сомневающиеся. Философ А. Арсеньев писал: "И вот сейчас снова обсуждается вопрос, что и как мы можем взять с Запада. <...> Как будто социальную систему можно сшить, как лоскутное одеяло, из элементов, органически входящих в другие системы. Кроме того, все неудачи "озападнивания" России, по моему мнению, имеют глубокую причину в отличии... русской души от души западноевропейской. И можно снова спросить: а сейчас может быть органически освоено и стать своим для сознания массы наше-

го населения то, что снова предполагается заимствовать у Запада? Если семьдесят лет назад оно не было готово к этому; то как его изменило существование в течение нескольких поколений системы тотального отчуждения?” [2].

Еще ранее Г. Каспаров, Л. Малков, С. Пачиков отмечали: “Другая проблема... - потеря чувства уникальности. Для России чувство уникальности - одно из важнейших в национальном самосознании. Чувство уникальности и связанная с ним гордость позволяли нам жить без комплекса неполноценности к другим странам, даже если там жизнь была богаче: они богаты, зато мы самые лучшие, самые чистые, самые-самые. Если в результате происходящих перемен ореол уникальности исчезнет, то это станет (уже становится) национальной драмой. Зачем все лишения, если в итоге страна возвращается к общемировым стандартам, и по всем им оказывается далеко не первой?” [1].

Не был услышан и К. Джоунт, сомневавшийся в “неизбежной ассимиляции всеми странами мира нынешнего западного либерального образа жизни, равно как и сохранения притягательной силы либерального Запада” и утверждавший, что “неизбежный переход к демократии требует развития предпосылок социокультурного и институционального характера, в чем убеждаются бедные страны, где демократические и политические институты служат фасадом, не соответствующим социальному и культурному укладу” [5].

Как отмечает А. Зиновьев, огромное влияние в этих процессах оказал Запад - и важнейшим результатом поражения коммунистического мира является идея нового мирового порядка по западным образцам и под эгидой Запада. При этом игнорируется тот факт, что западный социально-экономический и политический строй – вовсе не универсальное благо для всего человечества, для подавляющего большинства народов планеты он был и остается чужеродным. По мнению А. Зиновьева, в России ко времени начала горбачевских и затем ельцинских реформ не созрело никаких предпосылок для экономического и социально-политического переустройства общества по западным образцам, не созрела также потреб-

ность в таких преобразованиях в широких слоях населения, не созрели и слои населения, способные превратить эти преобразования в свой нормальный образ жизни. Идеи этих преобразований возникли в высшем слое партийного аппарата и идеологической элиты. Они возникли не как отражение внутренней эволюции советского общества, а под влиянием и даже под давлением со стороны Запада. И осуществляться они стали как насильственные реформы сверху, как распоряжения начальства, чуждые природе и возможностям советского общества. Сложилась ситуация, прямо противоположная той, которая имела место при становлении западного социально-политического строя. Там буржуазные революции создали политические институты и закрепили законодательно те социально-экономические отношения, которые уже сложились в реальности. В Советском Союзе же антикоммунистическая революция началась по инициативе верхушки коммунистической власти, которая использовала всю мощь государства, коммунистические методы управления и современные средства идеологической индоктринации масс, чтобы навязать свою волю привычно послушному обществу [10].

А. Зиновьев считает, что в результате взбунтовавшихся массы оказались в исторической ловушке. В обществе сложилась ситуация, схожая с революционной, если бы в реальности назрели предпосылки для настоящего революционного переворота; но таких предпосылок не было. И массы ушли не вперед, в будущее, а назад, в прошлое. Псевдореволюционная ситуация породила попытку контрреволюции по отношению к революции, в результате которой возникло коммунистическое общество. При этом массы выступили как сила глубоко реакционная. Вожди масс, отражающие их умонастроения, выступили с лозунгами, которые нисколько не считались с внутренними закономерностями и возможностями страны: все идеалы были ими заимствованы на Западе и даже в дореволюционном прошлом России. Общий кризис в стране породил и кризисную оппозицию - разрушительную и иррациональную [10].

По нашему мнению, "вожди" не столько отражали умонастроения масс, сколько активно их формировали.

В целом же нужно отметить поразительную политическую пассивность и безучастность огромного большинства населения в то время, когда решались (и решаются) судьбы страны и их собственные на многие годы вперед. В этой обстановке политического карт-бланша либерал-радикальные лидеры имели неограниченные возможности по претворению в жизнь своих программ, которые так были сформулированы первым идеологом нового режима Г. Бурбулисом: “Предыдущий общественный строй и связанные с ним формы государственного управления и функционирования общества объективно исчерпаны. <...> Этот общественный строй обречен и должен прекратить свое существование в целом. <...> Наш непоколебимый ориентир - это новый общественный строй, оформленный в новом типе государства” [15].

Что же касается формы правления, то вся логика последних лет развития (или регресса) России ведет к утверждению олигархического правления, ибо, как отмечал западный либерал-радикал Г. Ласки, “в обществе, живущем по принципу *laissez faire*, свободы могут добиться только те, кто в состоянии ее купить”, а “стремление бедных радикально изменить имущественные права богатых сразу же ставит под угрозу все перспективы свободы” (цит. по [13]).

Но главную угрозу для нынешних правителей и их идеологов представляет тот факт, что социально-экономические процессы последнего времени явно зашли в тупик - и это не может не отражать утопичность программ преобразования общества. Как отмечали американские экономисты А. Амсен и Л. Тейлор, “хотя низвержение старого строя... и было квалифицировано как “революция”, на месте прежних режимов попытались создать нечто по мировым меркам уже устаревшее. <...> Безразличное отношение к разорению перво-классных фирм и развалу исследовательских лабораторий и конструкторских бюро мирового уровня не только замедляет процесс подтягивания к богатейшим странам по величине доходов, но и отодвигает на годы достижение доперестроечных показателей. Самое же главное в том, что выбор капиталистической модели фасо-

на XVIII в., представляющей собой крайне примитивную форму рыночной экономики, через пять лет продемонстрировал всю свою неспособность открыть путь к современному капиталистическому развитию” [27]. Но дело не только в хаотичном и непродуманном характере экономических изменений. В начале преобразований совершенно не осмысливалось то, какое место займет послереформенная Россия в современном мире. Итог - моментальное превращение страны в “государство-клиента” (определяемое, согласно Вебстеровскому словарю, как “государство, зависимое от другого государства в экономическом, политическом или военном отношении”) и быстрое скатывание в ряды даже не “третьего”, а “четвертого” мира.

Весьма наглядны и многозначительны провалы в геополитической сфере. Потеряв создававшуюся бесчисленными поколениями россиян “империю”, утратив все сферы влияния и лишившись всех союзников, Россия взамен не обрела ожидавшегося либерал-радикалами статуса равноправного члена “западного клуба”. Запад никогда не признавал (что убедительно показал еще Н.Я. Данилевский [8]), не признает сейчас и вряд ли признает в обозримом будущем Россию своей составной частью. Следовательно, по западной логике, если мы не часть Запада, то тогда мы - объект колонизации с его стороны, “периферия” мировой экономической системы, имеющая такое же (или даже меньшее) значение, как, скажем, Мексика или Аргентина. Как только страна утратит свой ракетно-ядерный потенциал, ее голос на мировой арене будет окончательно заглушен так называемым “мировым сообществом”, которое С. Хантингтон саркастически охарактеризовал как “эвфемистическое коллективистское понятие (вместо “свободного мира”), создающее глобальную легитимизацию действиям, отражающим интересы Соединенных Штатов и других западных центров силы” [26].

Избрав новую историческую судьбу, Россия вовсе не приблизилась этим автоматически к спасительному и благополучному “концу истории” по-западному, как это нередко изображают либерал-радикалы. Да и на самом Западе идут процессы, весьма расходящиеся с

теми настроениями последних лет, которые Кр. Дейвис назвал “духом капиталистического триумфализма”. Как указывают экономисты Т. Гурова и А. Кобяков [28], учащение кризисов в последнее время - явное свидетельство того, что мировая хозяйственная система столкнулась с серьезными ограничениями для своего развития. Экономист Дж. Хикс, объясняя это явление для локальных экономических систем, давал простую трактовку: хозяйствующие субъекты уже реализовали свои долгосрочные цели и просто не знают, что делать дальше. Они изобретают мелкие нововведения в рамках уже сложившейся системы, эти изменения слегка оживляют хозяйство, но оказываются недостаточными для того, чтобы сложилась новая траектория роста.

Для нас наибольший интерес представляют дальнейшие пути развития России. Прогнозов пока не так много. Можно отметить две работы: “умеренного социалиста” Б. Кагарлицкого [11] и эмигрировавшего в США либерала А. Янова [29]. Первый полагает, что в новой России разгорится борьба между буржуазией и заново организованным рабочим классом, причем протекать она будет в социал-демократическом духе и к общей выгоде всех членов общества. Второй же, совершенно не раскрывая движущие социальные силы современного российского общества, ограничивается показом различных мелких группировок, метеором проскользнувших по небу российской политики, но набрасывает несколько возможных, по его мнению, сценариев дальнейшего развития ситуации в России. В основном, все они связаны со свертыванием демократических институтов и установлением разного рода авторитарных либо тоталитарных режимов. Если правящая элита сегодняшней России не поступится своими фундаментальными социал-дарвинистскими принципами (что вряд ли возможно) и если не произойдет внезапного “российского экономического чуда” (еще более невероятного в наличных социальных условиях), то облик завтрашней России, скорее всего, определит исход борьбы между теоретиками и практиками либерал-радикализма и вождями нового антиэлитистского восстания масс.

Список литературы

1. Век XX и мир: Бюллетень. 1989. N 7.
2. Век XX и мир: Бюллетень. 1990. N 10.
3. Век XX и мир: Бюллетень. 1990. N 12.
4. Век XX и мир: Бюллетень. 1991. N 7.
5. Век XX и мир: Бюллетень. 1991. N 9.
6. Век XX и мир: Бюллетень. 1991. N 12.
7. Вопросы истории. 1997. N 6.
8. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб.: Глаголь, 1995.
9. Дом и Отечество. 1996. N 19. 25 окт.
10. Зиновьев А.А. Посткоммунистическая Россия: Публицистика 1991-1995 гг. М.: Республика, 1996. С. 147-148.
11. Кагарлицкий Б. Расколовшийся монолит: Россия на пороге новых битв. М., 1992.
12. Медведев Р.А. Капитализм в России? М.: Права человека, 1998.
13. Мизес Л. Антикапиталистическая ментальность. М.: Дело, 1993. С. 218-219.
14. Милуков П. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М.: Прогресс, 1993. С. 29-31.
15. Московские новости. 1993. 17 янв.
16. Независимая газета. 1997. 16 янв., 9 дек.
17. Новое время. 1997. N 17-18.
18. Независимая газета. 1997. 9 дек.
19. Новодворская В.И. Над пропастью во лжи. М.: Олимп, 1998. С. 363.
20. Новый мир. 1987. N 5.
21. Политическая наука. Вып. 1: Либерализм. Консерватизм. Марксизм. М.: ИНИОН РАН, 1998.
22. Политические исследования. 1994. N 3.
23. Родина. 1990. N 5.
24. Современное политическое сознание в США / Отв. ред. Ю.А. Замошкин, Э.Я. Баталов. М.: Наука, 1980.
25. Столица. 1992. N 7.
26. Социальные реформы в России: история, современное состояние и перспективы: Сб. статей. СПб.: Петрополис, 1995. С. 121.
27. Экономическая газета. 1995. N 38.
28. Эксперт. 1998. N 31.
29. Янов А.Л. После Ельцина: "Веймарская" Россия. М.: КРУК, 1995.
30. Arblaster A. The Rise and the Decline of Western Liberalism. Oxford: Blackweel, 1984.
31. Isaak R. Iiber die MiЯeverstдndnisse von europdischen und amerikanischen Liberalismus. Guttlingen, 1980.
32. Nisbet R. Liberalismus und der Drang nach Macht. Weinheim, 1983.
33. Nozick R. Anarchy, State and Utopia. N.Y., 1974.
34. Rawls J. A Theory of Justice. N.Y., 1972.
35. Schiller T. Liberalismus in Europa. Bonn, 1979.
36. Wallerstein J. The Insurmountable Contradictions of Liberalism: Human Rights and the Rights of Peoples in the Geoculture of the Modern World-System. Binghamton: SUNY: Fernand Braudel Center, 1993.

**К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ
РИМСКОГО ПРАВА В ВИЗАНТИИ**
(СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

Начало процесса образования нового государства Византии (IV в.) совпадает хронологически с эволюцией римского права от классического к постклассическому периоду. Для последнего характерны бюрократизация права, проникновение в законодательство элементов обычного права восточных провинций и варваров, возникновение новых концепций. Эти особенности оказывали сильное влияние на дальнейшее развитие византийского права, несмотря на то, что Бейрутский и Константинопольский университеты старались придерживаться “классических” традиций.

“Варваризация” права проявляется четко даже в обширном Своде Юстиниана, опубликованном в Византии в VI в. и явившимся результатом многолетней работы законодательной комиссии во главе с Трибонианом [1]. Император Юстиниан (527-565 гг.) поставил перед комиссией задачу пересмотреть заново все огромное наследие старой римской юриспруденции и законодательства. Анализ текстов “классических” юристов, а также конституций римских императоров, цитируемых в Своде, показал, что они во многих случаях подверглись переработке в духе новых воззрений IV-VI вв. [2].

Используя результаты социальных сдвигов VII столетия, император Лев III (717-741 гг.) и его сын Константин V (соправитель 720-741-775 гг.) предприняли усилия к тому, чтобы снова восстановить элементы римского права и римской государственности, поколебленные при его предшественниках [3]. В 726 г. был издан законодательный сборник, получивший название Эклоги. Во введении к сборнику говорилось, что в стране, особенно в провинции, почти совсем забыто законодательство пре-

* © С.А. Бердникова, 2001.

жних императоров и что Эклога снова вводит в действие основные начала Юстинианова права [4].

Так как Юстиниан запретил какое-либо комментирование и литературную обработку текстов, вошедших в состав Свода гражданского права, в распоряжении современных исследователей имеется мало памятников законодательной деятельности императоров VI-VIII вв., т.е. периода времени, отделяющего законодательство Юстиниана от Эклоги. Отсутствуют также следы какой-либо систематической перестройки законодательства на протяжении двух столетий. Законодательство Юстиниана оставалось, очевидно, в полной силе, несмотря на то, что изменения жизненных условий, вероятно, не раз ставили перед юристами новые вопросы.

Систематический, хотя и краткий, свод, который представляет собой Эклога, является тем более интересным, что это была первая попытка пересмотреть законодательство после реформ Юстиниана [5].

Эклога оставалась действующим официальным законодательным сводом сравнительно недолго. Ее создавали императоры-иконоборцы. После победы иконопочитания Эклогу заменили новые законодательные сборники – Прохирон (879 г.), Эпанагога (884-886 гг.), Василики (890 г.), восстановившие вновь Юстинианово законодательство в его более чистом виде. Тем не менее влияние Эклоги сказывалось весьма сильно и в дальнейшем. Многие законоположения Эклоги были восприняты последующим законодательством. Текст Эклоги многократно переписывался и варьировался. В XI-XII вв. появились новые варианты Эклоги.

Чрезмерная сжатость Эклоги дополнялась Земледельческим, Морским и Военным законами. Наибольшее значение из них имел Земледельческий закон, который по своему содержанию напоминал западноевропейские “варварские правды”. Он восполнял существенный пробел Эклоги: регулировал отношения, складывавшиеся в сельских общинах, которые к VIII в. стали играть важную роль в жизни византийского общества [6].

Из других приложений к Эклоге наибольшее значение имел Морской закон, который в Западной Европе

получил известность как Родосский морской закон. Составление этого сборника относится к VII-VIII вв. В нем были собраны правовые обычаи, сложившиеся в практике античной и средневековой морской торговли и частично обработанные еще римскими юристами.

Эклога была очень популярна в славянских странах. Ее текст не только был полностью переведен на славянские языки, но и послужил одним из источников для древнейших законодательных памятников. Некоторые исследователи указывают на наличие сходства между отдельными законоположениями Эклоги и статьями Русской Правды. Славянский перевод Эклоги содержится в Кормчей книге и в Мерице Праведном.

Эклога состоит из предисловия и 18 титулов

Из предисловия к Эклоге следует, что правительство решилось вступить на путь реформ. Подкрепив, как это обычно практиковалось в Византии, свои намерения ссылками на Священное писание и отметив факт одержанных над врагами побед, авторы предисловия указывают, что публикуемый ими законодательный сборник преследует две главные задачи: “Зная, что законоположения, изданные прежними императорами, содержатся во многих книгах и что смысл, заключенный в них, для одних трудно постижим, а для других, особенно живущих за пределами столицы, совершенно недоступен, мы создали славнейших наших патрихийев, славнейшего квестора и гипатов, а также антиграфевсов и прочих богобоязненных людей и приказали собрать к нам все книги. Рассмотрев все с усердным вниманием, мы сочли приличным, чтобы в этой книге — частью сообразно с тем, что содержится в тех книгах удачного, частью в соответствии с тем, что мы постановили, были бы более ясно и кратко изложены решения в отношении наиболее часто встречающихся дел и сделок по договорам, а также наказания, соответствующие обвинениям”. Авторы предисловия сообщают далее, что они при этом стремились, с одной стороны, “к лучшей обозримости и к лучшему постижению этих законов”, с другой, — “к более легкому и справедливому решению дел, наказанию за преступления и возвращению на путь истинный и исправления лиц, расположенных к совершению преступлений” [7].

Если исходить из предисловия, можно заключить, что реформа шла в нескольких направлениях.

Во-первых, был создан краткий, легко обозримый и, следовательно, более доступный свод законов, чем действовавший со времен Юстиниана I громоздкий, во многом противоречивый корпус.

Во-вторых, вводилась система выдачи жалованья из казны судебному персоналу без права получать какие-либо вознаграждения от участников судебных тяжб. Значит, была пересмотрена система оплаты судебных дел, так как принятая раньше открывала неограниченный простор всевозможным злоупотреблениям, не говоря уже об узаконенных взысканиях с тяжущихся за судебное разбирательство в зависимости от величины спорной суммы. В какой мере эти установления о бесплатности правосудия были осуществлены в жизненной практике, сказать трудно. Внедрившиеся обычаи были настолько сильны, что с ними было нелегко бороться. Вряд ли все же можно сказать, что это заявление авторов Эклоги носило только декларативный характер.

В-третьих, Эклога в некоторых своих чертах ломала установленные порядки: проводился принцип равенства всех перед судом, независимо от степени имущественной обеспеченности.

В-четвертых, ознакомление с содержанием Эклоги показывает, что ряд вопросов в ней рассматривается по-новому, хотя она всюду, как правило, основывается на предшествующем законодательстве Юстиниана. Краткость Эклоги наводит на мысль, что в ней содержатся только нововведения и дополнения к праву Юстиниана. Но это не всегда так. Во многих статьях Эклога повторяет старые постановления, по-видимому, тем именно, которые и в VIII в. еще имели большую актуальность.

Согласно Эклоге, в качестве судебных органов в столице фигурируют квестор и его подчиненные. В провинциях суд правят архонты либо сами, либо через своих ассесоров и судей, иногда в менее важных случаях через экдиков, городских судей. Наряду с этим в качестве городского судьи в некоторых источниках упоминается и городской эпарх.

Преступления высших сановников разбирал сам император. Дела о помиловании передавались иногда на рассмотрение в суд двенадцати императорских судей. При Юстиниане эти судьи, именовавшиеся “божественными судьями”, получали твердое содержание и имели в своем распоряжении особый персонал из чиновников и писцов. Этот институт из двенадцати императорских судей удержался и позже.

Первые три титула Эклоги посвящены брачно-семейным отношениям; следующие три – дарению, наследственному праву; VII титул – об опеке и попечительстве; VIII – об освобождении рабов и вольноотпущенниках; с IX по XIII – обязательственное право: договоры купли-продажи, займы, товарищества, залог, аренда, найм; XIV – о свидетелях; XV – о мировых сделках; XVI – о лагерьном пекулии; XVII – о наказаниях и преступлениях, этот титул содержит самые большие изменения; XVIII – о разделе военной добычи.

Составители Эклоги уделяли большое внимание вопросам семейного и брачного права. Это ясно видно уже из того, что все три первых титула Эклоги посвящены данному кругу вопросов. В первом разделе речь идет об обручении, во втором и третьем говорится о браке и связанных с ним имущественных отношениях. Со свойственным Эклоге лаконизмом авторы вносят ряд существенных изменений в ранее действующее законодательство, развивая, главным образом, ту его часть, которая была направлена на укрепление семьи. Семья рассматривается Эклогой как важная конституционная часть общественного строя, подобно тому, как характерной его чертой и в деревне, и в городе были общины крестьян, цехи ремесленников и компании, товарищества купцов. Вместе с тем необходимо отметить, что брак по Эклоге представляет собой союз мужа и жены, пользующихся равными правами, без сохранения всякой тени существовавшей прежде, в античную эпоху, власти отца как главы семьи над ее членами. Уже в IV в. ломается римское семейное право под воздействием местного народного права восточных провинций.

С IV в. материнское имущество рассматривалось как сохраняемое за детьми без права отца распоряжать-

ся им. Последующие конституции распространили это положение на все виды наследства по материнской линии — на легаты, дары и т.п. В VI в. собственность сына простиралась на все имущество, приобретенное им самим, а также и на так называемый лагерный пекулий, который прежде считался подлежащим возвращению отцу.

В классическом римском праве обещание будущего вступления в брак не облакалось в какие-либо торжественные формы и не создавало каких-либо юридических обязательств, вытекающих из этого обещания. Совершенно иначе дело обстояло в праве постклассическом, византийском. Обручение являлось актом, осуществлявшимся в формах, предусмотренных законом.

По Эклоге, как и по законодательству Юстиниана, обручение предусматривает наличие согласия обручающихся и их родителей. К обручению допускались лица, достигшие семилетнего возраста. Возможны были различные формы заключения подобного соглашения. Оно могло быть сделано и письменно, и в устной форме. В большинстве разделов Эклоги письменному оформлению соглашений и всевозможных документов уделено значительное внимание. Эта черта являлась типичной как для византийского, так и для восточного законодательства. К заключению соглашения об обручении не допускались лица, уже связанные подобными обязательствами, т.е. такие, которые заключали прежде соглашение об обручении с дачей задатка или предбрачного дара либо путем оформления письменного договора. Из этого вытекает, что по Эклоге обручение рассматривалось как формальное обязательство, имевшее три установленные разновидности в оформлении. Это был формальный акт с точно предусмотренным порядком его осуществления. В этом смысле Эклога лишь развивает далее те установки, которые были выработаны в первый период развития византийского права.

При расторжении соглашения об обручении по инициативе обрученного, если соглашение было заключено в устной форме с дачей задатка, виновник терял свой задаток. Невеста, разорвавшая соглашение по своей инициативе, теряла задаток в двойном размере. Если же

соглашение об обручении было оформлено письменным договором, то по Эклоге (в отличие от Юстинианова права) сторона, нарушившая договор, несла ответственность в размерах, предусмотренных договором. Эклога не упоминает здесь о каких-либо ограничениях размеров неустойки, в то время как по Юстинианову праву она обычно не превышала четырехкратной суммы задатка.

Интересной чертой Эклоги является отсутствие каких-либо указаний на первенствующую роль отца среди родственников, дающих согласие на заключение соглашения об обручении.

В отличие от римского классического права, где с конца республики типичной формой брака стал *matrimonium sine manu*, брак без мужней власти, по сути дела близкий к конкубинату, для Эклоги характерны совершенно иные формы брака.

Старый римский брак *sine manu* представлял собой простое соглашение. Оно не имело строго юридического значения, заключалось свободно и так же свободно разрывалось по желанию каждой стороны. Критерием для определения отличия такого брака от конкубината (сожительства) считалось введение жены в свой дом, ее представление членам “фамилии”, ее одежда, соответствующая положению мужа. Но наиболее существенным было принесенное ею приданое. Наличие или отсутствие такового являлось важным доказательством наличия или отсутствия брака.

На первых порах в Византии, даже при введении христианского обряда бракосочетания, юридическая сущность брака как свободного соглашения сторон не была глубоко затронута. Лишь постепенно, к VI в., сложилось новое представление о формально заключенном юридически законном договоре о браке. Это новое представление отражало влияние на брак обычаев, имевших распространение в восточных провинциях, и взглядов церкви, церковного права.

В законодательстве Юстиниана заключение особого брачного договора, в котором определяются имущественные отношения супругов, рассматривалось как обязательное отнюдь не для всех вступающих в брак.

Такие договоры должны были заключать только сановники высшего ранга. Подобные брачные контракты неоднократно упоминаются в законодательстве Юстиниана. Тенденции письменного оформления всевозможных юридических отношений опирались в Византии на старую восточную традицию. На Западе была обратная тенденция, которая отразилась в ограниченном применении в VI в. закона об обязательном письменном оформлении брачных договоров.

Таким образом, законодательство Эклоги может рассматриваться как доказательство победоносного влияния обычаев Востока. Подобное же влияние констатируется и в других разделах брачного права Эклоги. Следует отметить, однако, что этим не исчерпывается отличие права Эклоги от более раннего законодательства о браке. Так, в Эклоге не предусматривается и каких-либо ограничений при вступлении в брак для лиц, наделенных властью в пределах управляемых ими провинций. Такое запрещение для правителей провинций имеется не только в Кодексе Юстиниана, но и в Василиках, в новелле императора Льва VI (IX в.).

Эклога, в отличие от предшествующего законодательства, рассматривает конкубинат как одну из форм брака (II, 9). Значительно строже, чем в предшествующем законодательстве, в Эклоге караются различные формы распущенности (XVII, 19-23).

В византийском законодательстве был точно определен круг лиц, брак между которым был запрещен. Эклога в этом вопросе руководствуется установлениями, имевшимися уже в законодательстве Юстиниана. Однако и здесь при сравнении законов Эклоги с предшествующими бросаются в глаза важные и характерные для времени Эклоги отступления. В части запрещения браков она идет значительно дальше, чем предшествующее законодательство Юстиниана. По Юстинианову праву был запрещен брак между кровными родственниками полностью, по боковой же линии – лишь между братьями и сестрами или между такими лицами, которые вели свое происхождение от одного и того же главы семьи [8].

В 54-м каноне Трулльского собора были запрещены браки с племянницами: "...отныне определяем, что со-

четающиеся браком с дочерью своего дяди или отец и сын с двумя сестрами подлежат правилу семилетней эпитимии и, конечно, разлучению..." [9].

Более того, Эклога запретила браки между двоюродными братьями и сестрами. По-видимому, сохранялся и старый запрет браков между теми лицами, которые вели свое происхождение от одного и того же предка.

В Эклоге, как и в каноне 54 Трулльского собора, среди запрещенных фигурируют браки между дядей и племянницей, между теткой и племянником. За заключение их предусматривались строгие наказания плетью (XVII, 37).

Хотя при перечислении лиц, между которыми запрещались браки, и выпадают некоторые звенья в пределах пятой и шестой степеней родства, однако, судя по Частной Эпанагоге, византийцы считали, что до шестой степени родства по боковой линии браки запрещены. Впоследствии (в X-XII вв.) ограничения были доведены и до седьмой степени родства.

В меньшей мере Эклога ограничивает браки между свойственниками. По Юстинианову праву такие браки по прямой линии были запрещены полностью, по боковой линии – во второй степени свойства. Так, нельзя было жениться на сестре бывшей жены, нельзя выходить замуж за брата бывшего мужа; также запрещались браки между теми лицами, которые предполагали в будущем породниться, например запрещалось жениться на невесте сына и т.д. Эклога рассматривает подобные случаи также и в XVII титуле.

Что касается религиозных различий, то по праву VI в. запрещались браки между христианами и иудеями. Трулльский вселенский собор в 72-м каноне запрещает браки между православными и еретиками и провозглашает их недействительными. Подобным же образом Эклога рассматривает лишь брак между христианами. Так же, как и Трулльский собор (канон 53), трактует Эклога и вопрос о браках между крестными.

С другой стороны, Эклогой были значительно сужены законные поводы к разводу: "Муж освобождается от жены по следующим причинам: если жена его совер-

шила прелюбодеяние; если она каким-либо образом злоумышляла против мужа или же, будучи осведомленной, что другие злоумышляют против мужа, не предупредила его; если жена прокаженная. Равным образом и жена освобождается от мужа по следующим причинам: если муж в течение трех лет со времени заключения брака оказывался неспособным к брачному сожителству со своей женой; если он каким-либо образом злоумышлял против ее жизни или, будучи осведомленным, что другие покушаются на ее жизнь, не предупредил ее; и если он прокаженный...” (II, 14, 15). Заболевание же душевной болезнью – “одержимость бесом” – до или после заключения брака не признается законной причиной для развода. Эклога опускает, например, столь важные причины для прежнего законодательства, как заговор против императорской власти, разграбление могил, участие в разбое, не упоминается об увлечении одного из супругов “недозволенными цирковыми и сценическими представлениями”. По отношению к виновной стороне в Эклоге не предусмотрено какое-либо имущественное наказание в отличие от Юстинианова права.

В отношении брачного имущественного права Эклога вносит много нового в предшествующее законодательство.

Приданое и предбрачный дар мужа рассматриваются в Эклоге как особое имущество, находящееся в период брачной жизни в управлении и пользовании мужа. Однако Эклога (как и Кодекс Юстиниана) не считает это имущество собственностью мужа. Хотя муж юридически являлся владельцем приданого в период брака, фактически его права распоряжения приданым были крайне ограничены, даже если жена дала согласие на его продажу.

Титул III, трактующий об имущественных правах мужа и жены, ярко выявляет характерный для всего византийского права принцип имущественной самостоятельности жены.

Положение о приданом составляло одну из важных сторон византийского брачного права. Приданое могло быть различного происхождения. Приданое могли

вносить отец жены или ее дед, она сама или даже какие-либо третьи лица.

Первоначально в древнейшем римском праве приданое считалось собственностью мужа. С течением времени, однако, уже в классическом римском праве проявилась тенденция расширения прав жены на приданое. Так, например, после смерти мужа она уже получала возможность требовать свое приданое у его наследников. Тем не менее она не располагала правом собственности на приданое.

В византийском праве проводился совершенно иной принцип. Приданое оставалось собственностью жены, а муж рассматривался только как лицо, владеющее им во время семейной жизни, но обязанное возвратить жене приданое в случае расторжения брака. В VI в. жена получила право на специальный иск для судебной защиты своих прав на приданое, т.е. прослеживается явное влияние обычного права восточных провинций.

Следует отметить, что признание имущественных прав женщин в византийском праве отнюдь не означало их полного уравнивания в правах с мужчинами. Женщины не могли занимать официальные должности, не могли представлять каких-либо других лиц в суде, не могли состоять опекунами чужих детей и внуков.

В отличие от предшествующего и последующего законодательств защита прав жены на приданое проведена в Эклоге со всей возможной решительностью. Так, даже если муж имел задолженность перед фиском, то в случае его смерти взыскание по этой задолженности производилось фиском только после того, как вдова восполнит свое приданое из оставшегося после смерти мужа имущества (III, 2).

V и VI титулы Эклоги посвящены наследственному праву.

Римское право классической эпохи знало три формы наследования: наследование по закону, т.е. наследование ближайшими родственниками умершего – членами его семьи; наследование по завещанию и необходимое наследование. Хотя исторически наследование по завещанию возникло позже наследования по закону, но именно наследование по завещанию являлось краеу-

гольным камнем римского наследственного права классической эпохи. С течением времени к этим двум формам наследования в интересах защиты прав близких родственников от произвола наследодателя при составлении завещания был присоединен третий вид наследования - так называемое необходимое наследование.

К VI в. система наследственного права представлялась весьма сложной, запутанной и противоречивой. В Институциях, Дигестах и Кодексе Юстиниана отразились различные стадии развития римского наследственного права, начиная еще с законов XII таблиц. В то же время законодательство VI в., и в частности Новеллы Юстиниана, содержат общую перестройку системы наследования в связи с изменившимися требованиями жизни.

К VI в. древнейшие формы завещаний – перед народным собранием, перед фронтом – и возникшая позднее форма фиктивной продажи имущества уже вышли из употребления.

Обычной формой завещания в Юстиниановом праве являлось устное завещание, сделанное в присутствии семи одновременно участвующих свидетелей, или подобное же письменное завещание. Письменное завещание должно было быть или подписано завещателем и свидетелями, или написано рукой завещателя, или в случае его неграмотности подписано за него особым “восьмым лицом” [10].

Что касается публично заявленных завещаний, то в эту эпоху они могли быть сделаны либо в форме передачи завещания правителю области на сохранение, либо перед судом.

Особые правила были предусмотрены при составлении завещаний слепыми (требовалось восемь свидетелей); при завещаниях, составленных во время эпидемий (не требовалось присутствия свидетелей в одной комнате с завещателем); при завещаниях, сделанных вдали от городских поселений (было достаточно пяти свидетелей). В завещаниях, написанных родственниками по восходящей линии в пользу детей, не требовалось ни подписей, ни свидетелей. Должен был быть только написан собственноручно список детей с указанием доли

наследства или дара. При подобных устных завещаниях было достаточно двух свидетелей.

Система наследования по закону, построенная на принципе агнатского родства, утратила свое значение. При определении прав на наследство предпочтение теперь отдается родственникам по крови (когнатам). Появились тенденции уравнивания прав наследников независимо от пола и расширения прав матери.

Эклога, принимая в целом порядок допуска к наследованию, предписанный Юстиниановым правом, в частности во многом отступает от него.

Эклога различает семь последовательных классов наследников по закону.

В случае смерти наследодателя без завещания к наследованию призываются в первую очередь родственники по нисходящей линии – дети умершего или его внуки от ранее умерших сыновей и дочерей. Следует отметить, однако, что в некоторых случаях, рассмотренных в других разделах Эклоги, в этот общий порядок вносятся изменения: например, ст. 2 титула XVI о братьях, сохраняющих общее имущество после смерти их отца, если один из братьев солдат; ст. 4 титула II о вдове, наследующей после смерти мужа.

Вторая группа наследников по закону по Эклоге, в отличие от Юстинианова права, включала родителей, но исключала братьев и сестер. Лишь в тех случаях, когда родителей не было в живых, но имелись дед и бабушка, последние делили наследство с братьями и сестрами умершего наследодателя.

Третья группа наследников по Эклоге – это полнородные братья и сестры умершего.

В четвертую группу входили неполнородные братья и сестры.

В пятую группу включались все прочие родственники наследодателя.

В шестую – жена его, которая делила наследство пополам с фиском. Если и жены не было в живых и имущество являлось выморочным, оно поступало в фиск.

Следует сказать, что в части определения порядка допуска к наследству родственников система Эклоги

оказала меньшее влияние на последующее византийское право, чем законодательство Юстиниана.

В случае, если завещатель без достаточных к тому оснований не оставлял в завещании доли, причитающейся необходимому наследнику, последний имел право предъявить иск к наследнику по завещанию в течение пяти лет со времени получения тем наследства.

В 115 новелле Юстиниана подробно перечислены причины, при наличии которых необходимые наследники могут быть лишены наследодателем причитающейся им по закону доли наследства. Отмечая, что в различных законодательствах указываются по-разному случаи неблагодарности детей, которые дают основания к лишению их прав на наследство, законодатель VI в. перечисляет такие случаи: 1) если кто-либо поднимет руку на родителей; 2) если он нанесет им тяжкое и бесчестное оскорбление; 3) если обвинит их в уголовных преступлениях, которые не направлены против императора и государства; 4) если наследники как знахари встречаются со знахарями; 5) если они покушаются на жизнь своих родителей, пытаясь их отравить ядом или другим способом; 6) если сын выступает как доносчик на своих родителей и своим доносом наносит им тяжкий ущерб; 7) если кто-либо из родителей окажется в заточении, а дети, которые должны были наследовать без завещания, не захотят за них поручиться либо по причине личной, либо из-за долгов; 8) если сын войдет в связь с мачехой или конкубиной отца; 9) если у православных родителей дети не станут придерживаться православной веры. Приводятся и некоторые другие причины. Значительная часть этих случаев предусмотрена и в Эклоге (VI, 13).

Завещатель мог сделать специальные распоряжения наследникам отказать (после получения наследства) известные суммы или части имущества тем или иным названным лицам. Такие распоряжения назывались легатами. По определению, имеющемуся в Институциях Юстиниана, легат есть род дара, оставленного покойным. Лица, получавшие легат, не считались наследниками в собственном смысле слова. Они не были обязаны отвечать за долги наследодателя, но не могли полу-

чить отказанное им, если долги по наследству еще не были покрыты [11].

Формы легатов с IV в. были значительно упрощены. Легатов по закону не было. Легаты могли быть отказаны только по завещанию, составлявшемуся в виде письма к наследнику в присутствии пяти свидетелей.

В античную эпоху существовали четыре точно разграниченные формы легатов. В Юстиниановом праве такого четкого разграничения нет. Легат мог быть отказан путем завещания, предсмертным распоряжением, сделанным в простом письме без всякой торжественности (кодицилла), и в форме просьбы, обращенной к наследникам (фидеикомисс). Все легаты по своей юридической силе были приравнены Юстинианом к фидеикомиссам. По праву VI в. в кодициллах разрешалось делать любые завещательные распоряжения, кроме назначения наследника и лишения наследства. Исходя из сказанного, можно полагать, что в Эклоге под легатами понимаются все виды отказов без какого-либо более точного определения.

Единственная статья VII титула Эклоги посвящена вопросу об опеке и попечительстве над сиротами и малолетними детьми. В античном римском праве различались два вида забот о малолетних и несовершеннолетних — опека и попечительство. Опека первоначально рассматривалась как дело семейное, и лишь впоследствии государственная власть стала осуществлять не только контроль над действиями опекуна, но и назначать опекуна тогда, когда не было опекунов по закону или опекунов, назначенных по завещанию. Попечительство по своему происхождению было, напротив, институтом не столько семейным, сколько общественным.

Опека, первоначально резко отличающаяся от попечительства, постепенно сблизилась с ним. В постклассическом праве различие между опекой и попечительством над малолетними сводилось лишь к некоторым формальным моментам. Так же и в Юстиниановом праве сгладились ранее существовавшие различия между малолетними и несовершеннолетними. При отсутствии опекуна, указанного в завещании, опекунство возлагалось на одного из ближайших наследников по закону.

В Юстиниановом праве вопросы опеки и попечительства трактуются противоречиво, но с явно выраженной тенденцией превратить опеку в институт, контролируемый государством. В отношении лиц, не достигших полного совершеннолетия, но вышедших уже из-под родительской власти, было предусмотрено назначение особого попечителя. К опеке привлекались, в отличие от античного римского права, в первую очередь мать и бабушка.

В Эклоге все эти новые тенденции придать опеке и попечительству характер института, контролируемого государством, получили дальнейшее развитие.

В титуле VII речь идет о попечительстве без какой-либо дифференциации между попечительством и опекой. В качестве попечителей малолетних сирот по Эклоге в первую очередь надлежит привлекать тех лиц, которые назначены родителями в письменной форме или в форме устного пожелания. Если же родители такого опекуна или попечителя не назначили, то, в отличие от более ранних подобных законоположений, попечительство об имуществе сирот должны были нести не какие-либо частные лица, а общественные учреждения. В Константинополе таковыми являлись сиротский дом, прочие благочестивые учреждения (приюты для престарелых, странноприимные дома и т.п.) и некоторые церковные учреждения.

В провинциях в качестве попечителей должны были привлекаться епископы, монастырские и церковные учреждения. Они обязаны были нести функции попечителей до тех пор, пока их подопечные не достигали двадцатилетнего возраста. Законодатели сами указывают при этом, что установленный ими порядок является нововведением, “ибо не угодно богу, как это было до сих пор, назначать опекунами других лиц, которые расхищают состояние сирот, так что последние вынуждены попрошайничать”.

Вопросам опеки и попечительства посвящены, помимо VII титула, еще некоторые другие статьи Эклоги. Так, вдова, согласно ст. 6 титула II, несет все заботы по управлению имуществом при наличии малолетних детей; при вступлении во второй брак она обязана найти

попечителя для своих детей от первого брака. Лишь после этого ей предоставляется право вступить во второй брак (II, 12). Эта статья находит аналогию в Русской Правде пространной редакции [12].

VI, IX-XIII титулы Эклоги посвящены договорному праву. Из многочисленных сделок, рассмотренных в Своде законов Юстиниана, упоминаются лишь договоры дарения, купли-продажи, займа, хранения, товарищества.

Вопрос о дарениях и о тех формах, при которых акт дарения приобретал юридически законную силу, был разработан еще в классическом римском праве. Дарение могло быть осуществлено различными путями — непосредственной передачей объекта дара, путем прощения долга, путем дарственного обещания, которое облекалось в торжественную форму договора, носившего наименование стипуляции и осуществлявшегося в форме устных вопросов и ответов договаривавшихся сторон.

Уже начиная с III в. н.э. вошло в обычай оформлять дарение письменным договором или регистрировать его в официальных органах. Однако в спорных случаях в судах права истцов оказывались нередко незащищенными и не поддерживались властями, хотя и были фиксированы письменно. В провинциях дело обстоит еще хуже. В результате ситуация оказалась крайне запутанной и порождала много недоразумений. Законом Константина были внесены изменения в прежние нормы. Были установлены определенные формы, при соблюдении которых дарения только и получали законную силу. Всякий дар должен был быть не только заявлен перед судом, но и зарегистрирован в официальных органах (*insinuatio*).

При последующих византийских императорах были внесены некоторые изменения в законодательство о дарениях. В VI в. необходимость осуществления дара в форме *insinuatio* была признана только для даров, сумма которых превышала пятьсот солидов. Для прочих дарений формы были значительно упрощены, в особенности для даров, предназначенных “благочестивым” учреждениям: регистрация и письменное оформление

договора стипуляции не требовались. Простой договор о даре, таким образом, получал законную силу и давал право юридического иска.

Внесение таких изменений в юридическую практику было, по всей вероятности, обусловлено тем, что правительство Юстиниана было заинтересовано в облегчении путей для увеличения количества даров в пользу церкви, монастырей и прочих "благочестивых" учреждений. Прижизненные и посмертные обещания пожертвования имуществ в пользу подобных учреждений, обещания, дававшиеся часто под влиянием случайных обстоятельств, легко превращались в освященные законом обязательства, по которым церкви, монастыри, странноприимные дома, богадельни, сиротские приюты, больницы могли взыскивать с дарителей обещанные ими при каких-либо условиях имущественные ценности судебным порядком. Достаточно было иметь на руках письменное соглашение о даре или засвидетельствовать факт наличия устной договоренности, чтобы возбудить иск.

Положения о видах и формах дарений в краткой форме воспроизводятся и в IV титуле Эклоги. Однако при сравнении статей Эклоги с данными предшествующего законодательства выступает ряд существенных отличий, характерных для этого законодательного сборника. Эклога, подобно предшествующему праву, допускает дарения как при жизни, так и в случае смерти дарителя. Эклога признает законными дарения, осуществляемые и в письменной, и в устной формах.

Но устная форма дарений разрешается лишь тогда, когда дар производится при жизни дарителя. Для того чтобы такой дар считался законным, требовалось, чтобы даритель достиг совершеннолетия и чтобы дар был заявлен в присутствии свидетелей. В населенных местах число свидетелей должно было быть пять человек, в пустынных и уединенных местностях было достаточно и трех свидетелей. Такое же число свидетелей считалось обязательным и при даре, оформленном письменно.

Как по Эклоге, так и по Юстинианову праву дарения между живыми могли быть отменены в определен-

ных случаях: если получающий дар нанес дарителю грубые оскорбления, или причинил ущерб его имуществу, или же не выполнил тех условий, которые были оговорены дарителем при даре. Дарения на случай смерти могли быть отменены либо по желанию дарителя, либо, если лицо, которое должно было получить дар, умира-ло раньше дарителя.

В IX титуле Эклоги рассматриваются вопросы, связанные с договором купли-продажи.

В классическом римском праве договор купли-продажи относился к числу неформальных контрактов, т.е. таких, которые возникают в силу простого соглашения между сторонами – продавцом и покупателем. Объектами продажи могли быть все предметы, имеющие какую-либо имущественную ценность, т.е. не только вещи, включая даже будущие, например будущий урожай, но и сервитуты (т.е. права пользования чужими вещами), требования по обязательствам, наследство и т.п.

Для перенесения права собственности от продавца на покупателя продавец должен был передать проданную вещь, покупатель – внести установленную плату.

В Эклоге, как и в предшествующем законодательстве, предусмотрены две возможные формы соглашения о купле-продаже – письменная и устная. Подобно более ранним постановлениям Эклога уделяет внимание основным элементам договора – определению предмета продажи, задатка, цены и т.д. Эклога здесь опирается на нормы Юстинианова права, внесшего новое в трактовку этих вопросов и подвергнувшего тексты классических юристов соответствующим интерполяциям.

В классическом римском праве считалось, что продажа действительна, если она произошла без обмана и цена справедлива, т.е. не фиктивная, назначенная только для вида, для прикрытия незаконного дара. Закон же отнюдь не требовал, чтобы она на самом деле была справедливой (в соотношении с действительной стоимостью объекта продажи), она всецело определялась соглашением сторон.

Однако конституцией Диоклетиана, интерполированной во времена Юстиниана, в отношении продажи

недвижимости было установлено, что цена должна быть не менее половины справедливой цены.

В ст. 1 IX титула Эклоги указано, что, когда стоимость выплачена продавцу, а вещь передана покупателю, продажа по причине изменения намерения одной из сторон не подлежит отмене. Отменена продажа может быть, однако, в том случае, если после продажи установлено, что продан свободный человек или одержимый.

Задаток как средство гарантии обеспечения силы договора известен уже более раннему византийскому праву. В Институциях Юстиниана указано, что задаток является доказательством факта заключения договора.

В греческом праве задаток представлял собой либо часть цены купленной вещи, либо какой-то ценный предмет. При изменении первоначального решения собственник терял то, что дал продавцу в качестве задатка; если продавец менял свое намерение, то он должен был возместить задаток в двойном размере. В Риме же задаток имел в большей степени характер доказательства заключения договора. Отсюда следует, что и продавец, и покупатель в случае изменения своих намерений несли ответственность в одинаковом размере. Юстинианово законодательство носит противоречивый характер, совмещая и первое, и второе значение задатка. В ст. 2 IX титула Эклоги говорится о том, что, если соглашение не выполняется по причине отступления продавца, "получившего задаток, то он обязан возвратить его тому, кто его дал вместе с другим таким же, (как тот, который был ему дан)". Здесь заметно влияние греко-восточного права.

Юридическая сущность договора, составляющего содержание X титула Эклоги, сформулирована в Юстиниановом праве следующим образом: заем представляет собой односторонний реальный договор, при котором кредитор дает должнику определенную сумму денег или какие-либо вещи. "Обязательство займа имеет место по отношению к таким вещам, которые могут быть определены весом, мерой, как, например, вино, масло, зерновой хлеб, деньги, медь, серебро, золото...

По истечении определенного срока получивший вещи в заем обязан возвратить не те же самые вещи, а другие, но того же качества и количества". В отличие от ссуды, предполагающей передачу определенной индивидуальной вещи во временное безвозмездное пользование, или поклажи, т.е. сдачи вещи на сохранение или в залог, заем заключал в себе передачу денег или вещей кредитором должнику в собственность. Однако обязательным условием было возвращение такого же количества и таких же по качеству вещей, которые были взяты в заем.

Уже из заглавия к X титулу Эклоги видно, что формы заключения договоров о займе были в Византии VIII в. вполне сходны с теми, которые практиковались здесь и раньше.

Наряду с издавна существовавшими устными договорами о займе уже в античной Римской империи получил распространение обычай составлять расписки, значение которых в восточных провинциях с течением времени все возрастало. Займы могли быть под проценты и беспроцентными в зависимости от условий.

По Эклоге займы могли заключаться как в письменной, так и в устной форме. Среди предметов, которые служили объектом договора займа, Эклога называет "деньги, серебро или какой-либо другой вид ценности на земле или на море".

О займах под проценты в Эклоге упоминания нет, возможно, потому, что это считалось само собой разумеющимся. В Земледельческом законе имеется статья, трактующая о взимании процентов.

Согласно Эклоги жена несла ответственность по займам, сделанным мужем, лишь условно. Ее приданое могло быть использовано для уплаты долгов только в том случае, если установлено, что она добровольно вместе со своим мужем согласилась на заем. В этом законоположении составители Эклоги отступили от более ранних норм. Согласно новелле Юстиниана, если жена даже и дала согласие на заем, сделанный ее мужем, подписалась и обязалась своим имуществом гарантировать его погашение, то это считалось недействительным. Притом недействительным оставался

заем даже тогда, когда долг причитался казне, если только не было доказано с очевидностью, что эти деньги были использованы женой для ее личных нужд.

Помимо займа предметом рассмотрения в X титуле Эклоги является и залог как обеспечение сделанного займа.

Согласно Юстинианову праву залог (или договор залога) состоит в том, что залогодатель, одновременно будучи обычно и лицом, получившим заем, передает своему кредитору в обеспечение займа какую-либо вещь. Когда долг по займу погашен, лицо, которое предоставило заем и получило в обеспечение вещь, обязано возвратить ее владельцу в неповрежденном состоянии. Если же долг не погашен, кредитор имел право продать обеспечение с тем, чтобы полученные за вещь деньги пошли в счет погашения долга. Излишек должен быть возвращен владельцу вещи.

В случае нарушения этих условий законодатель имел право возбудить специальный иск о возврате залога. Подобным же образом были защищены и интересы лица, принявшего вещь в залог, если заложенная вещь причинила ему убытки.

В ст. 7 134 новеллы Юстиниана было указано, что на практике, однако, “в различных местах империи кредиторы удерживали как заложников сыновей своих должников или в качестве слуг (на положении лиц рабского состояния), или в качестве наймитов”. Это было решительным образом запрещено под угрозой не только аннулирования долга, но и уплаты двойного штрафа заложникам или их родителям и даже под страхом телесных наказаний.

Законоположения о залоге, имеющиеся в Юстиниановом праве, повторяются отчасти в Эклоге, однако упоминание о том, что кредиторов, удерживающих свободных людей в качестве заложников, следует подвергать телесным наказаниям, в Эклоге опущено.

Наконец, в X титуле уделено внимание и договору товарищества. Договор товарищества по классификации, принятой в классическом римском праве, относится к числу консенсуальных договоров. Он заключался путем простого соглашения сторон, не требовав-

шего особых формальных условий, и был сходен в этом отношении с куплей-продажей, наймом, поручением. Исторически этот договор развился из соглашения между братьями не производить раздела имущества после смерти отца, а продолжать вести хозяйство сообща. Римский юрист III в. Ульпиан считал, что при заключении договора товарищества в нем сохраняются черты братских взаимоотношений между участниками договора. Степень общности имущества между сочленами могла быть различна, начиная от полной, которая приближается по своим формам к общности имущества между неразделившимися братьями, кончая такой, когда временное объединение имеет своей целью какую-либо совместную единичную сделку. Договор товарищества требует от всех его участников добросовестного исполнения всего того, что от них по договору требовалось. Договор мог заключаться пожизненно или быть ограниченным определенным сроком.

Ликвидация товарищества происходила либо вследствие единоличного решения об этом всех входящих в состав товарищества членов, либо в результате одностороннего заявления о выходе одного из сочленов из товарищества. Оно могло быть ликвидировано и в случае смерти одного из участников, если не было установлено заранее, что выбытие того или иного лица не разрушает товарищества. Выбывший обязан возместить причиненный его выходом из товарищества убыток. В случае же, если имеются ранее начатые общие дела, он продолжает отвечать вместе с остальными членами товарищества за возможные убытки в этом деле, хотя и лишается права на участие в возможной прибыли. Ликвидация товарищества, организованного с определенной целью, происходит или вследствие достижения этой цели, или если выяснилась невозможность ее достижения, или же, наконец, вследствие исчерпания средств. Товарищество может быть ликвидировано и в результате возбуждения дела одним из участников против остальных.

По Эклоге, так же как и по законодательству Юстиниана, для образования товарищества требовалось

письменное или устное соглашение между двумя или более лицами. Как и в законодательстве Юстиниана, в Эклоге указано, что участие в товариществе отнюдь не требует обязательного равенства вносимых вкладов в общее дело; возможно заключение договора о товариществе и тогда, когда доли не равны или когда кто-либо вносит вклад, другие же – свои силы и труды. Типичной формой товарищества в эту эпоху являлись товарищества купцов, описанные в Морском законе.

XI титул Эклоги посвящен отношениям между двумя лицами, заключающими договор поклажи или хранения какой-либо движимой вещи или денег. Сущность договора поклажи, принадлежащего по классификации античного римского права к числу реальных договоров, состоит в том, что кому-либо вверяется какая-либо движимая вещь с целью безвозмездного ее сбережения и под условием возврата ее во всякое время. Депозитарий, т.е. то лицо, которое приняло вещь на сохранение, не является собственником ее. Собственником остается депонент, т.е. лицо, передавшее вещь на хранение.

В классическом римском праве безвозмездность сохранения вещи рассматривалась как существенная часть договора поклажи. В Юстиниановом праве замечена тенденция признавать, что небольшая оплата не разрушает подобного договора.

Опираясь на предшествующее законодательство, Эклога вкратце, как и обычно, формулирует наиболее часто встречающиеся при поклаже случаи нарушения договора и предусматривает соответствующие санкции. Например, присвоение вклада депозитарием карается двойным штрафом.

Эмфитевзис, которому посвящен XII титул Эклоги, – институт древнего происхождения [13]. В Греции эмфитевзис как одна из форм наследственной аренды применялся на землях, имевших виноградные или садовые насаждения, еще в античную эпоху. Тем не менее в своем развитом виде юридическая сущность эмфитевзиса выступает впервые в постклассическом праве.

В IV в. существовали юридические формы аренды, из которых впоследствии в окончательном виде сло-

жился эмфитевзис: на землях ведомств, т.е. фискальных, и на землях, принадлежавших императорскому дому. Арендаторы и первых, и вторых земель были обязаны платить земельному собственнику определенный канон. Однако на землях первой категории не требовалось возобновления договора, который считался раз и навсегда установленным, в то время как на землях второй категории договор нужно было периодически возобновлять.

В конце IV в. оба института слились в ту форму, которая получила распространение под названием эмфитевзиса в собственном смысле этого слова. В том же виде эта форма сохранилась в Византии и позднее. Под влиянием обычного права резкая грань, разделявшая в античную эпоху понятия “собственность” и “владение”, стирается.

Эмфитевзис (от греческого слова “насаждать”) представлял собой арендный договор, заключенный бессрочно или на длительный срок, главным образом, на недвижимость, находившуюся в запущенном состоянии и требующую мелиоративных мер. Поэтому эмфитевзис широко применялся в эпоху, когда в силу экономических и политических причин большое число земель лежало впусте и сельское хозяйство пришло в упадок. Иногда, однако, договор эмфитевзиса заключали и на имения, в состав которых входили лишь частично необработанные земли.

Эмфитевт, т.е. лицо, бравшее землю в аренду, был обязан заботиться о ней и вносить за нее владельцу определенный ежегодный взнос, от которого он освобождался только в течение первых двух или трех лет после заключения договора. Эмфитевт должен был уплачивать все причитающиеся за землю подати и отбывать повинности силами своих колонов. На период заключения договора эмфитевт мог с согласия земельного собственника даже отчуждать землю. Таким образом, сдача владений в эмфитевзис фактически приводила к отчуждению имений и переходу их из одних рук в другие без ограничения срока. Первоначально эмфитевзис заключали только на ограниченный срок, но на практике он вскоре превратился во многих слу-

чаях в бессрочный договор, а постепенно бессрочный, или вечный, эмфитевзис получил и юридическое признание.

Если эмфитевт не выполнял своих обязанностей по отношению к земельному собственнику – наносил участку ущерб или в течение двух или трех лет не вносил ежегодной платы, собственник имел право лишить его эмфитевзиса и отнять у него участок. Эклога полностью повторяет положения Юстинианова свода, защищающего права первоначального собственника (XII, 3). Если эмфитевт продавал свое право на участок другим лицам, собственник земли имел право преимущественной покупки его или же право на получение двух процентов от продажной цены.

С течением времени эмфитевзис стал настолько сходен с обычным договором купли-продажи, что потребовалось специальное разъяснение в конституции императора Зинона, где было определено, что эмфитевзис отличается и от купли-продажи, с одной стороны, и от договора-найма – с другой, и должен рассматриваться как особая форма договора, имеющая свои специфические черты.

В социальном смысле необходимо подчеркнуть глубокую разницу между эмфитевзисом и колонатом. Последний являлся формой зависимости крестьян и малоимущих и таил в себе с самого своего возникновения черты зарождающейся зависимости феодального типа.

К эмфитевзису же допускались люди, имущественно вполне обеспеченные, такие, которые были в состоянии купить эмфитевзис с торгов, располагавшие для этого достаточными денежными средствами, либо такие, которые могли представить соответствующее обеспечение платежеспособности, засвидетельствованное правительственными чиновниками. Эмфитевты использовали колонов для обработки земли, полученной ими в аренду по договору эмфитевзиса.

Хотя эмфитевзис был формой аренды, применявшийся, главным образом, на земельных владениях (откуда идет и его название), однако этот род аренды иногда распространялся и на другие запущенные в хо-

зайствованном отношении виды недвижимости – строения, особенно церковные, здания – для их поднятия.

Все основные черты эмфитевзиса в таком виде, в каком этот договор был выработан к VI в., сохранены в Эклоге.

Договор найма, причисляемый в классическом римском праве к числу консенсуальных договоров, согласно господствующему в юридической литературе мнению, по существу, представляет собой три различных договора:

1) наем вещи, при котором владелец вещи передает другому лицу временное право ее использования за соответствующую оплату;

2) наем работника на определенный срок другому лицу на условиях установленной договором оплаты;

3) сдачу подряда, при которой одно лицо принимает на себя обязательство перед другим выполнить за оплату какие-либо работы, например построить дом, перевезти вещи и т.д.

Как и в предшествующем законодательстве Юстиниана, на которое опирается титул XIII Эклоги, договор найма разрешалось заключать как в письменной, так и в устной форме.

Эклога сообщает только о найме недвижимости, принадлежавшей казне, ведомству императорских имуществ или привилегированным благочестивым учреждениям. Условия договора могли быть различными в зависимости от соглашения сторон. Однако его обязательным элементом было внесение взявшим в найм недвижимость ежегодной наемной платы.

Предельный срок договора – двадцать девять лет. Ограничение срока договора двадцатью девятью годами, а также отсутствие упоминания о необходимости для съемщика производить работу по улучшению взятого в наем объекта отличает договор найма от эмфитевтической аренды.

В Эклоге, как и в предшествующем законодательстве, предусматривается возможность расторжения договора по желанию сторон.

Наиболее интересным и известным является титул XVII Эклоги о преступлениях и наказаниях. Он вклю-

часть 53 статьи и по своему содержанию охватывает правонарушения и преступления различного характера – против веры, против государства, против личности, против свободы и нравственности, против имущества.

Первая из названных категорий, разработанная еще в античную эпоху в интересах защиты язычества, вошла в измененном виде в состав позднейшего права. С превращением христианства в господствующую и государственную религию, с одной стороны, появилось много узаконений против еретиков, язычников и против иноверцев, с другой – законов в защиту имущественных прав и авторитета церкви и церковнослужителей. С IV в. получило дальнейшее развитие понятие преступлений, нарушающих святость алтаря, церкви. Вопросам имущественных прав церкви законодательные сборники Феодосия и Юстиниана уделяют значительное внимание. Соответствующие разделы Эклоги также отдают дань этой теме. В титуле XVII преимущественно речь идет о другой категории преступлений, затрагивающих авторитет и святость религии, а также об отступниках от православия:

Эклогa уже в ст. 1 титула провозглашает право церковного убежища; это право не было отражено в Юстиниановом праве, но почти буквально повторено в позднейших законодательных сборниках – в Прохироне, Василиках и др.

Клятвопреступление рассматривалось в византийском праве как нарушение святости религии. Клятва на Евангелии считалась обеспечением истины. По Эклоге ложная клятва отнесена к разряду преступлений.

К числу тяжчайших преступлений в византийском праве относились и случаи вероотступничества, например вероотступничество попавшего в плен (XVII, 6). С одной стороны, не предусмотрено никакой гражданской кары в отношении отречения от веры военнотружущего, с другой – эти же прегрешения еретиков карались с предельной жестокостью. В конкретной исторической обстановке VIII столетия реальную опасность для византийского государства представляли именно “еретики” (монтанисты и манихеи) – участники массовых дви-

жений. Поэтому Эклога имела основание привлекать их к ответственности, к светскому, а не только к церковному суду. Различие, приводимое Эклогой, является исторически обусловленным, а существующее несоответствие – лишь формальным, юридическим.

В отношении разграбления могил и осквернения мест погребения умерших в Дигестах и Кодексе Юстиниана повторяются статьи, строго карающие либо смертью, либо работами в каменоломнях. В Эклоге за разграбление могил следует отсечение руки.

В числе преступлений в титуле XVII фигурируют колдовство и знахарство. Виновные в них подлежали казни мечом. В Кодексе Юстиниана колдуны и чародеи карались смертью. Таким образом, Эклога здесь не вносит чего-либо нового. Через столетие после издания Эклоги к колдунам был причислен известный иконоборческий патриарх Иоанн Грамматики, устроивший у себя лабораторию, в которой он производил какие-то опыты. Само собой разумеется, что к числу колдунов и чародеев, “виновных в сношениях с демонами”, было легко отнести любого ученого (XVII, 43). Тем самым строгие преследования подобных лиц служили немалым препятствием для развития опытного знания. Строгие наказания за колдовство предусмотрены и в других последующих судебныхниках.

Эклога (XVII, 44) карает и за изготовление амулетов, которые использовались не столько в целях врачевания, сколько из корыстолюбия, конфискацией имущества и изгнанием. В Эклоге это единственный случай подобного наказания. Постановление Эклоги вошло в ее позднейшие переделки и в сборники права – Прохирон, Шестикнижие Арменопула, Василики. Рассматриваемая статья, вероятно, была вызвана к жизни широким распространением подобной практики, засвидетельствованной и другими источниками.

Значительное внимание в титуле XVII занимают и государственные преступления: государственная измена, подделка монет, самоуправство и клевета.

В Эклоге (ст. 3), как и в законодательстве Юстиниана, участие в заговоре против императора или государства рассматривается как тягчайшее преступление,

караемое смертью. Однако в Эклоге, во избежание самоуправства, дело предписывалось передать на личное усмотрение императора, доставив к нему обвиняемого под охраной (XVII, 3). По Прохирону подобной оговорки, меняющей положение, не имеется. Обвиняемый подлежал смертной казни с конфискацией имущества.

Подделка монет, подобно заговорам против императора и государства, рассматривалась как преступление, караемое смертной казнью в законодательстве Юстиниана. В Эклоге наказание изменено: подобное преступление влекло за собой отсечение руки (XVII, 18). В Прохироне, Василиках и Шестикнижии Арменопула сохранено узаконение Эклоги с тем отличием, что отсечением руки карались не только сами фальшивомонетчики, но и их соучастники.

В титуле XVII Эклоги рассматриваются различные формы уголовных преступлений. Эклога чаще всего следует за Юстиниановым правом: убийца карается смертной казнью мечом (ст. 42, 45), клеветник, оговоривший кого-либо, подлежит тому же наказанию, какое получила бы его жертва (ст. 51). Вместе с тем Эклога, подобно Юстинианову законодательству, различает преднамеренное и непреднамеренное убийства. Последнее влекло за собой более легкие наказания (ст. 46, 47, 48, 49).

Эклога предусматривала целую систему телесных и членовредительских наказаний, подобных которым не знало законодательство Юстиниана или применяло их только по отношению к рабам и к низшим категориям свободных, например отрезание носа, вырывание языка, отсечение рук, ослепление, бритье головы и выжигание волос и т.д. Эти жестокие наказания были в некоторых случаях заменой смертной казни, в других они были введены вместо денежных штрафов, предусмотренных в соответствующих случаях законодательством Юстиниана. Вместе с тем дифференцируются и способы казни. Наиболее строгая кара (казнь на фурке, на вилах) применялась по отношению к разбойникам.

Из преступлений имущественного характера в XVII титуле фигурируют кража, уничтожение чужого имуще-

ства, грабеж, поджог. Статьи эти (7-8, 17, 40, 41, 50) содержат немало новых черт по сравнению с предшествующим законодательством и в некоторых пунктах близко переключаются с Земледельческим законом.

Эклога много статей посвящает вопросам укрепления семьи и брака (титуды I-III). Соответственно и в XVII титуле большое место отведено вопросам морали и нравственности. Эти разделы титула получили широкое распространение не только в позднейших византийских законодательных сборниках, но и в славянских, в частности в Законе Судном.

Всевозможные формы нарушения морали – прелюбодеяние как нарушение супружеской верности, разные виды связи между женатыми и замужними, связи между близкими родственниками, вытравление плода – по Эклоге жестоко карались (ст. 19-39). Среди наказаний за подобные преступления мы находим плети, штрафы, отсечение носа, изгнание, смертную казнь мечом, оскотление, острижение бороды и волос. Как правило, степень суровости наказаний определялась характером преступления. Однако нередко проводилась социальная дифференциация. Так, например, санные лица за связь с чужой рабыней наказывались крупным штрафом (36 номизм), уплачиваемым ее хозяину и с избытком перекрывавшем стоимость рабыни (обычно около 20 номизм). Простой же человек, помимо штрафа “в меру своего состояния...”, наказывался плетью (ст. 22). Вступившие в связь с девушкой, если они принадлежат к эвпорам, уплачивали один литр золота (т.е. 72 номизмы), если к эндеестерам (т.е. лицам среднего состояния), - отдавали половину своего имущества. Бедняки же карались сечением, острижением и изгнанием (ст. 29).

Эклога, подобно Юстинианову праву, не отменяет института рабства [14]. Вопросу о формах отпуска рабов на волю она посвящает специальный VIII титул. Отдельные статьи, касающиеся положения рабов, рассеяны и по другим разделам Эклоги.

Сохраняя формы освобождения рабов, засвидетельствованные законодательством предшествующего времени, Эклога признает возможность освобождения ра-

бов в церкви и в присутствии трех или пяти друзей, путем крещения, а также и в том случае, если раб сопровождал похоронную процессию своего господина или же если раб, что, очевидно, часто случалось в рассматриваемое время, становился клириком или монахом.

В близкое к рабу положение попадал и свободный человек, если он не располагал необходимыми средствами для выкупа из плена. Он фактически попадал в кабалу к лицу, которое выкупило его из плена, на срок, определяемый суммой выкупа. Такой мистий, по сути дела, находился в полной зависимости от своего хозяина.

Эклога при всей своей краткости включила статью Кодекса Юстиниана, согласно которой господин, освободивший раба, фактически сохранял возможность вернуть его в прежнее состояние. Это было возможно в случае проявления вольноотпущенником неблагодарности по отношению к своему бывшему хозяину (VIII, 7). Эклога снова базируется на законодательстве Юстиниана, запрещая рабам свидетельствовать за и против хозяина.

В XVII титуле Эклоги предусматривалась ответственность господина за своего раба, совершившего кражу. Если он не хотел отвечать, то должен был отдать провинившегося раба в полную собственность потерпевшему.

В ст. 49 того же титула Эклога в полном соответствии с законодательством Юстиниана предоставила господину право жестоко наказывать раба: "Если кто-либо своего раба бьет ремнем или палками и раб умирает, то господин его не осуждается (судом) как убийца. Он осуждается как виновный в убийстве только в том случае, если он неумеренно истязал раба, или отравил ядом, или сжег". Традиционный взгляд на раба как на вещь, таким образом, отражен в Эклоге так же, как и в других памятниках византийского законодательства. Аналогичное Эклоге законоположение имеется и в Прохироне.

Отдавая дань этим старым традициям, Эклога в гораздо большей степени на протяжении всего своего текста отражает идеи неравенства среди свободных. Харак-

терным примером может служить XIV титул Эклоги “О свидетелях”. Несмотря на возросшую роль документальных доказательств при “либеллярном” процессе, свидетельские показания и роль свидетелей при составлении документов оставались очень важными. По Эклоге (как и по Юстинианову праву) бесспорно надежными свидетелями являлись лица, принадлежавшие к сановой бюрократии, или обладающие благосостоянием, или имеющие определенное занятие. Лица же “безвестные” в случае, если их показания оспаривались противной стороной, подлежали допросу под пыткой. Таким образом, в Эклоге порукой честности и правдивости была принадлежность свидетелей к высшему сословию общества. В отличие от классического римского права, ставившего во главу угла принадлежность людей к числу свободных или рабов, в византийском праве старые критерии в связи с перестройкой общественного строя уже стали недостаточными. Эклога в этом вопросе отчетливо выявляет новые критерии, ставя их на первое место в титуле.

Однако сам по себе показателен и тот факт, что Эклога часто специально оговаривает, что указанная в статье мера наказания применяется независимо от социального положения виновного. Это еще раз подтверждает, что подобная дифференциация имела место. В некоторых случаях законодатели Эклоги вносят в это положение более или менее существенные изменения. В основном эти изменения свидетельствовали о стремлении законодателей смягчить социальные контрасты и поставить под больший контроль имущие и знатные слои общества, чем то было прежде. Хотя границы между свободными и рабами, между знатными и простыми и засвидетельствованы Эклогой как нерушимые, известные нотки демократизма чувствуются в ее установлениях.

Именно этот сравнительно больший демократизм, чем в других законодательных византийских сборниках, вероятно, стимулировал ее широкое распространение за пределами Византии, особенно в славянских странах [15]. В то же время прогрессивные стороны Эклоги превратили ее в мишень для нападок со стороны представителей восторжествовавшей со второй половины IX в. реакции.

Список литературы

1. Покровский И.А. История римского права. Пг., 1918. С. 165.
2. Удадьцова З.В. Законодательные реформы Юстиниана II. Византийский временник. Т. XXVI. М., 1965.
3. История Византии. Т. 2. М., 1967. С. 51.
4. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. М., 1965.
5. Василевский В.Г. Законодательство иконоборцев // Труды В.Г. Василевского. Т. IV. М., 1930.
6. Василевский В.Г. О синодальном списке Эклоги императоров Льва и Константина и о двух списках Земледельческого закона // Там же.
7. Эклога. С. 41-43.
8. Институты Юстиниана. М., 1998. С. 32-38.
9. Деяния Вселенских соборов. Т. VI. Казань, 1882. С. 301.
10. Институты Юстиниана. С. 120.
11. Там же. С. 160.
12. Российское законодательство X-XX веков. М., 1984. С. 71, ст. 99.
13. Хвостов В.М. Система римского права. М., 1996. С. 321-322.
14. Сюзюмов М.Я. О правовом положении рабов в Византии. Свердловск, 1955.
15. Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское наследие на Руси в XI-XIII вв. М., 1978.

О.П. Подосенов*

УГОЛОВНОЕ ПРАВО РОССИИ XVI-XVII ВЕКОВ. ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

§ 1. Учение о преступлении

Судебник 1497 г. под понятие “лихое дело” (так с XV в. стали именоваться в России преступления) мог подвести любое противоправное деяние, совершенное ведомым лихим человеком, признанным таковым со стороны добрых, благонадежных людей. Этот термин для обозначения преступления применялся у нас и в XVI-XVII вв. Но уже по Уложению 1649 г. **преступлением** считалось не только какое-либо посягательство на основы феодальной государственности, но и вообще всякое нарушение указов царя, его предписаний, противодействие царской воле. И основным критерием при определении здесь понятия преступления была уже не

* © О.П. Подосенов, 2001.

столько злая воля виновного лица, сколько серьезность, основательность нарушения им интересов феодального государства и общества. Значение потерпевшего в раскрытии преступлений теперь было значительно ограничено, и его примирение с преступником практически стало невозможным. Утвердился приоритет государственной власти в расследовании и рассмотрении всех дел, которые в какой-либо степени затрагивали интересы всего общества. Понятие преступления в Уложении приближалось к понятию о нем как о несоблюдении закона. К тому же в Уложении все чаще и чаще употребляются для обозначения противоправных деяний термины “воровство”, “вина”. Более отчетливо и явственно стали отделяться уголовные преступления от гражданско-правовых деликтов. И хотя уголовное право в XVII в. было разработано на более высоком уровне, чем прежде, однако в Уложении еще не была выделена его Общая часть. Конечно, нормы Общей части здесь имелись, но они были разбросаны по всему памятнику. Основное же внимание в Уложении было уделено описанию конкретных составов и видов преступлений, то есть характеристике институтов Особенной части уголовного права.

Что касалось **моментов, исключающих вменение**, то еще Кормчая книга предусматривала освобождение от уголовной ответственности малолетних правонарушителей в возрасте до 7 лет, а также “бесных”, то есть душевнобольных. Отроков обычно отдавали родителям “для вразумления”, а сумасшедших иногда наказывали в уголовном порядке. К тому же и лиц старше 7 лет наказывали только за те преступления, за которые законом полагалась смертная казнь. Психические болезни тогда еще не были определены в законе.

В предшествующую эпоху холопы за совершенное ими преступление отвечали непосредственно перед своим господином и убийство господином своего холопа не считалось преступлением. А убийство чужого раба рассматривалось как нанесение материального ущерба его владельцу. Судебники, а тем более Соборное Уложение, стали уже распространять уголовную ответственность за совершение преступления на всех жителей

России, в том числе и на холопов. Субъектом преступления могло быть одно или несколько лиц. Преступников тогда подразделяли на **“пуших”** – **главных и второстепенных виновников**, которые, в свою очередь, делились на несколько категорий. Среди **главных** виновников различались **подстрекатели** и **исполнители**. Они наказывались обычно одинаково, но иногда и различно. Так, по Уложению 1649 г. за нанесение холопом побоев “по научению того, кому он служит, или по чьему-нибудь научению”, предписывалось виновного бить кнутом и посадить в тюрьму на месяц, да взыскать с него за бесчестье потерпевшего вознаграждение в двойном размере. Так же закон предписывал наказать и подстрекателя. “А если человек такое надругательство над кем учинит собою, а не по чьему научению”, то его после пытки предписывалось казнить смертью (XXII, 12). Нижестоящий по званию или должности преступник тоже наказывался строже. Так, подьячий, написавший по научению дьяка (дружбой или посулом), мстившего стороне, судное дело “не так как было на суде”, лишался руки, а дьяк – подстрекатель – подлежал торговой казни (X, 12). При наезде на двор “насильством, скопом и заговором” и учиненном при этом убийстве закон различал главного виновника – “того, кто смертное убийство учинит” – и его товарищей. Убийцу предписывалось казнить смертью, а товарищей его всех бить кнутом и сослать, куда государь укажет (X, 198). К **второстепенным виновникам** относились **пособники** и **прикосновенные** к преступлению лица: **недоносители, попустители, укрыватели, пристанодержатели** и др. Пособников тогда еще подразделяли на **подводчиков**, то есть лиц, указывающих средства для совершения преступлений, и **поноворщиков** – лиц, устраняющих препятствия при совершении преступлений. Все категории второстепенных преступников несли наказание в зависимости от характера совершенного деяния. Однако при учинении особо опасных преступлений, например разбоя, пособников наказывали так же, как и исполнителей. Лица, предоставившие разбойникам постоянное или временное убежище (“стан” и “приезд”), карались наравне с разбойниками. А лица, принимавшие на хранение

вещи, добытые преступным путем (“поклажея”), или продававшие их, отдавались на поруки, а при отсутствии поручителей заключались в тюрьму (XXI, 63-64). Укрывательство преступников от судебной власти в ряде случаев было уже самостоятельным преступлением (XXI, 19-20, 77-80, 83-84). Недоносительство имело важное значение при совершении политических преступлений, когда отвечали в первую очередь ближайшие родственники – жены, дети, отцы, матери, дяди, братья родные и неродные государственных преступников (II, 6, 9).

Различались **преступления умышленные и неумышленные**. Причем степень участия в деянии сознания и воли правонарушителя в законе теперь была определена более подробно. И особенно отчетливо эти формы вины выявлялись при характеристике преступлений против жизни, здоровья и чести. Так, например, рассматривая дело об убийстве, суд выяснял, “как оно учинилось – умышлением или неумышлением”. Обычно за умышленное убийство по закону полагалась смертная казнь, а за неумышленное – битье кнутом или тюремное заключение. Как мы видим, формы вины влияли на наказание за преступление. Нужно сказать, что в то время просматривалась и определенная непоследовательность при решении вопроса о формах вины. Это выражалось в том, что умышленное деяние иногда смешивалось с неумышленным, а неумышленное со случайным. В XVI-XVII вв. случайные и неосторожные деяния еще мало отличались друг от друга.

Учение о степенях осуществления преступной воли в действии или, другими словами, **вопрос о стадиях преступления** в то время также был недостаточно изучен, хотя и были известны такие явления, как **голый умысел, приготовление, покушение и оконченное действие**. Покушение как степень осуществления преступления большинство исследователей относили еще к периоду Русской правды. Большинство исследователей относили **покушение** еще к периоду Русской правды. По Соборному Уложению лицо, обнажившее на кого-либо на государевом дворе меч, но не ранившее его, заключалось в тюрьму на три месяца (III, 5). В указе 1661 г. о поддел-

ке монеты покушение уже было четко отделено от совершения преступления. Если преступники “хотели деньги делать, но не делали”, то лишь за одно намерение у них отсекали пальцы руки, а если деньги делали, то отсекали руку [1]. От покушения тогда не отличали неудавшееся преступление.

Упоминался в Уложении голый умысел при посягательстве на здоровье государя и на жизнь господина. По всей вероятности, в первом случае этот умысел выражался в каких-либо приготовительных действиях, так как для подтверждения его необходимо было произвести сыск: “Кто каким умыслом учнет мыслить на государское здоровье злое дело и делать хотел, то такова по сыску казнить смертью” (II, 1). А умысел несвободного человека на жизнь своего господина, как и покушение, наказывался отсечением руки (XXII, 8).

В рассматриваемый период увеличился перечень обстоятельств, усиливающих или уменьшающих ответственность виновного лица. В качестве отягчающего вину обстоятельства не раз упоминался в законодательстве рецидив. По Судебникам таким обстоятельством было и совершение преступления “ведомым лихим человеком”. Более строгое наказание назначалось за преступление, учиненное с особой жестокостью, например отравление, “мучительное наругательство”, “с насилем и хитростью”, должностными лицами, злоупотребляющими своим служебным положением. Отягчающими вину обстоятельствами считались также убийство в разбое, церковная кража, кража в ночное время, кража на государевом дворе, по предварительному сговору, во время стихийных бедствий и т.д.

К смягчающим вину обстоятельствам еще со времен Русской Правды относилось совершение преступления в состоянии опьянения. О совершении преступления в таком состоянии упоминалось и в Соборном Уложении, причем не только как о смягчающем, но и как об отягчающем обстоятельстве. Так, например, убийство в драке пьяным делом наказывалось битьем кнутом, а убийство “с похвалы или опьянства” каралось смертью (XXI, 69; XXII, 17). Возраст преступника, видимо, также влиял на степень наказания.

К обстоятельствам, освобождающим от наказания, относилась **необходимая оборона**. По Литовскому статуту 1588 г., если кто убьет другого, обороняя себя, а прежде не был с ним в ссоре, должен немедленно о происшествии сообщить воеводе и принести присягу [2]. В Уложении 1649 г. давалось несколько иное определение необходимой обороны – кто при нападении на дом убьет кого-либо из нападавших, тот должен представить побитых к судьям и результатом сыска может быть безнаказанность деяния (X, 200). Кроме обстоятельств самой обороны суд выяснял и наличие опасности, хотя еще не требовалось соразмерности средств обороны и нападения и своевременности обороны. Если кто в присутствии суда, поссорясь с соперником, начнет его бить, а тот, обороняясь, его убьет, то не подлежит наказанию (X, 105). При необходимой обороне возможна была защита не только жизни, но и своего имущества. Безнаказанным было убийство вора, пойманного с поличным в своем доме и задержанного во время погони за ним, когда тот оказал сопротивление (XXI, 88, 89). Также была введена обязанность зависимых людей, слуг защищать, оборонять своих господ при покушении на их жизнь, здоровье и честь (XXII, 16, 22). Оборона интересов государства была обязанностью всех граждан. В целях более действенной борьбы с политическими преступлениями было установлено вознаграждение за привод и даже убийство изменника (II, 15).

Крайняя необходимость, впервые упомянутая в Уложении, освобождала от наказания за истребление нападавших чужих животных при защите от них. И признаком действительной крайности при этом было то, что нападавшее на человека животное было убито “ручным боем, а не из ружья” (X, 283). Воровство вследствие нужды и “простоты ума” иногда не наказывалось.

Уложение считало **неведение** обстоятельством, освобождающим от наказания. Так, например, не наказывали лиц, у которых на руках были подложные документы (“нарядные письма”), но они не знали об этом (IV, 4). Не несли ответственности местные жители за оговоренных ими людей, сбежавших до язычной молки (XXI, 77). Освобождающим от наказания обстоятельством

было и помилование со стороны государя, однако вернувшийся из-за рубежа помилованный изменник терял право на возвращение конфискованных у него земель (II, 11):

В XVI-XVII вв. существенно изменилось и понятие **об объекте преступления**. Уголовный закон теперь ограничивал не только права и интересы физических лиц и прежде всего феодалов, но и защищал строй и правопорядок, установленный сословно-представительной монархией. В это время появилось много новых объектов преступления, и они уже выделялись в стройную систему. Общепринятой в историко-правовой науке была признана та классификация преступлений, которую впервые давало Уложение 1649 г.

§ 2. Преступления против религии и церкви

О преступлениях против веры упоминалось еще в княжеских уставах X-XI вв. В Кормчей книге Софийской редакции начала XIV в. есть “правила святых отец” V Вселенского собора об **обидящих церкви божьей и священные власти их**, которое повелевало лиц, посягающих на церковное имущество или наносящих обиды священному сану, сжечь огнем. В поучениях московских митрополитов XV в. ответственность за несоблюдение чистоты веры и церковных порядков ограничивалась ссылками на кару небесную. Так, **миряне створиша мятеж божии церкви** подлежали проклятию, а священнослужители должны были отвечать на “страшном” (божьем) суде [3]. Судебник 1497 г. к числу особо опасных преступлений относил и церковную татьбу (ст. 9), которую следует рассматривать и как святотатство, то есть деяние, так или иначе нарушающее права и интересы церкви, официально признанной оплотом феодального государства.

Составы преступных деяний против веры были намечены в Стоглаве, принятом на церковном Соборе в 1551 г. Так, глава 53 Стоглава свидетельствовала о том, что обвиняемые в **похищении церковного имущества** не столько воры и грабители, сколько вероотступники, враги церкви. И если эти вероотступники не покаются,

то должны умереть. В главе 57, состоящей из выдержек из новелл византийского императора Юстиниана Великого (527-565 гг.), предусматривалась ответственность **за нарушение порядка церковного богослужения в зависимости** от злой воли преступника. Если кто-то во время церковной службы наносил обиду епископу или причетнику или иным церковным слугам, того “телесно наказывали и в заточение ссылали”. Если же кто-то нарушал или не позволял провести церковную службу, то виновного казнили смертью [4]. В главе 63 призывались кары небесные на всех тех, кто вмешивался в компетенцию церковного суда **или кто грабил монастырские и церковные имения**. Посягавших на те или иные права и прерогативы церкви и, прежде всего, на церковные недвижимости здесь прямо называли святотатцами. Собор 1551 г. принял также решение о запрещении языческих обрядов и разного рода суеверий – волхвования, чародейства, кудесничества, скоморошества. В Стоглаве круг запрещенных деяний против религии и церкви распространялся на божбу, брань, бритье бород, подстрижение усов, пение народных песен, игры, катание на качелях (гл. 41). На этом же Соборе обсуждался и вопрос о борьбе с ересью и ее проповедниками.

Подробно были разработаны и определены составы религиозных преступлений в Соборном Уложении 1649 г. К тому же в этом уникальном светском памятнике такие преступления были поставлены на первое место. Например, развивая нормы Стоглава, Уложение впервые вводило понятие **богохульства**, то есть поношение, оскорбление словами или действием, а также неверие, отрицание Бога, Иисуса Христа, Богородицы, “честного креста” и святых, что являлось посягательством на основы христианского вероучения. Это преступление могло быть совершено не только православными, но и людьми других вероисповеданий. Наказывалось оно квалифицированной смертной казнью через сожжение (I, 1). Под понятие богохульства можно было подвести любое враждебное православию религиозное и общественное движение или учение [5].

Уложение знало и такой состав преступления против религии и церкви, как **учинение церковного мятежа**

или, другими словами, нарушение порядка в церкви во время богослужения. Так, квалифицированными видами смертной казни **безо всякие пощады** карался перерыв божественной литургии – особой церковной службы, совершаемой во время обедни и сопровождающейся чтением глав Священного писания (I, 2). Оскорбление священнослужителей во время литургии наказывалось торговой казнью (I, 3). Нарушение порядка церковного благочиния могло быть выражено и в появлении в церкви в пьяном виде, в громком смехе и неприличном разговоре здесь, а также вводе в церковь животных. Эти деяния не были непосредственно направлены против церковных устоев, но они наносили обиду священнослужителям. К церковному мятежу Уложением также были приравнены **противоправные действия против мирян, совершенные в церкви**. И наказание за такое преступление зависело не только от тяжести содеянного, но и от объекта и места совершения преступления. Так, за оскорбление словом присутствующих в церкви мирян следовало тюремное заключение на один месяц и выплата бесчестья (I, 7). Нанесение раны здесь каралось торговой казнью без пощады, месячным тюремным заключением и выплатой бесчестья в двойном размере (I, 5), а за побои полагались выплата бесчестья и битье батогами (I, 6). Субъектом противоправных действий против мирян в церкви могло быть как светское, так и духовное лицо.

Указ 1639 г. не разрешал российским подданным подавать непосредственно царю просьбы, за исключением дел о государственных преступлениях. Уложение 1649 г. запрещало в церкви во время церковного пения кому-либо **бити челом не только царю, но и патриарху, митрополитам, архиепископам и другим высоким духовным лицам**. За нарушение этого запрета виновного сажали в тюрьму “на сколько государь укажет” (I, 8-9).

Близко к богохульству в Уложении был и такой состав религиозного преступления, как **насильственное или обманное соращение русского человека в “бусурманскую” (мусульманскую) веру**. Иноверец, переманивший в свою веру православного, подвергался смертной казни через сожжение (XXII, 24). Закон умалчивал о со-

вращении православных в другие религии (буддизм, иудейство) и иные христианские вероисповедания, но на практике “совращение в бусурманство” толковалось расширительно. Также наказывалось и воспрепятствование православным в отправлении культа. Например, помещики – немцы лютеранского вероисповедания за отлучение своих православных крестьян от свойственных им религиозных обрядов лишались вотчин и поместий [6]. Вместе с тем в России в XVI-XVII вв. действовал принцип свободы вероисповедания. Запрещая пропаганду протестантизма и католицизма, тогда не только не обращали иностранцев в православие, но и разрешали лицам, состоящим на русской службе, строить свои храмы.

В XVII в. **волхование** и **чародеяние** уже почти не интересовало государство и этот состав правонарушения не был включен в Уложение 1649 г. Да и на практике тогда было очень мало случаев уголовного преследования волшебства. **Ереси** и **расколы**, игравшие заметную роль в жизни русской православной церкви на протяжении XV-XVII вв., также не упоминались в Уложении. И только указы, изданные уже в конце XVII в., предусматривали уголовно-правовые методы борьбы с расколом. Так, за состояние в расколе здесь могла быть назначена ссылка, за распространение раскола – смертная казнь, за укрывательство раскольников – битье кнутом [7].

§ 3. Государственные преступления

Среди государственных преступлений в XVI в. выделялась **крамола**. Крамола упоминалась еще в княжеских договорах XIV в., но тогда она выражалась, главным образом, в отъездах местных князей и бояр, пытавшихся сохранить свою самостоятельность. А крамольники при этом лишались только своего чина и вотчин. Однако впоследствии по мере усиления противоборства с великокняжеской властью крупные бояре стали прибегать к прямой измене, заговорам, восстаниям и иным действиям, направленным против власти и жизни самого великого князя. Особенно ярко это проявилось в XV в.

во время продолжительной феодальной войны, когда власть в Москве не раз переходила к удельным князьям, и великий князь Василий II был даже ослеплен. Именно с этого времени крамола была причислена к наиболее опасным государственным преступлениям, а причастные к этому преступлению лица, как правило, карались смертной казнью. Можно предположить, что и за голый умысел крамольник строго наказывался. Официально Судебником 1497 г. впервые в русском законодательстве крамола была отнесена к числу политических преступлений (ст. 9). В том же качестве о крамоле говорил и Судебник 1550 г. (ст. 61).

Особенно распространена в XVI-XVII вв. была **земская или государственная измена**, то есть разного рода сношения с врагами своего князя. Раньше, чем в других землях, земская измена (перевет) появилась в Новгороде и Пскове, так как именно эти феодальные республики наиболее тесно соприкасались с враждебно настроенными к ним Литвой и Тевтонским орденом.

Государственную измену или просто измену тогда рассматривали и как добровольное отторжение неприятелю части территории государства, и как побег в неприятельскую землю, и как переход на сторону противника в военной обстановке. Об измене в виде сдачи города врагу и поджоге города с той же целью говорил Судебник 1550 г. По этому закону “градский здавец и зажигальник” за свои действия предавались смертной казни (ст. 61).

Соборное Уложение 1649 г. расценивало измену прежде всего как попытку завладения кем-либо Московским государством и присвоения им полномочий государя; “если для осуществления этого плана злоумышленник начнет рать собирать или с недругами государя переписываться, поддерживать тесные отношения, сообщать необходимые им сведения, давать советы, указания и во всем неприятелю помогать” (II, 2). Уложение также различало измену в виде передачи города врагу путем открытой сдачи или тайным впуском в город неприятельской армии (II, 3). В первом случае субъектом преступления являлись воеводы или начальники. Как измена расценивался и самовольный выезд

без проезжей грамоты в иное государство с антиправительственной целью (VI, 3). К измене закон относил и поджог города или его части – дворов с целью сдачи врагу. За такой поджог устанавливалась квалифицированная смертная казнь через сожжение (II, 4). Тягчайшей изменой был переход или переезд на сторону противника ратных служилых людей во время военных действий и сообщение неприятелю данных о численности и боеспособности своих полков. За такие действия изменников предписывалось повесить против неприятельских полков, а принадлежавшие им вотчины и поместья взять на государя (VII, 20). В целях более действенной борьбы с таким опасным преступлением, как измена, было даже установлено вознаграждение за привод или за убийство бежавшего изменника (II, 15).

Как мы видим, понятие измены в Уложении трактовалось довольно широко. Смертной казнью предписывалось карать не только совершение измены, но и обнаруженный умысел и приготовительные действия. А объектом измены являлось уже само государство Российское.

В изучаемую эпоху был известен и такой состав политического преступления, как **оскорбление государя**. Особенно при этом выделялись действия против главы государства устного характера, как то произнесение в адрес государя непристойных его званию и положению “неистовых речей”, а также бранных оскорбительных слов. Возникшее в начале XVII в. в русском праве понятие “**злое дело, слово и дело государево**” вобрало в себя вышеуказанные действия. Историк Г. Котошихин отмечал, что “за бесчестье царя, кто говорит про него за очи бесчестные или иные какие поносные слова, бьют кнутом и вырезают язык” [8].

Соборное Уложение значительно расширило понятие оскорбления государя, включив в него противоправные действия словом и поступком на территории царского двора. Объектом этого преступления была особа государя, а субъектом – любое лицо. И что характерно, оскорбительные действия на государевом дворе наказывались значительно строже тех же деяний, совершенных в другом месте. Это объяснялось тем, что в ус-

ловиях острых политических и социальных конфликтов, происходивших в России в XVI-XVII вв., двор царя был местом, где не только разрешались конфликты, но и разыгрывались кровавые события, порою даже и опасные для жизни государя. Так, по Уложению 1649 г., если в присутствии царя на государевом дворе или в палатах дворца кого-либо обесчестили словом, то виновный подвергался тюремному заключению сроком на две недели и возмещал пострадавшему причиненный вред (III, 1). А если кто на государевом дворе наносил другому удар рукою, то за это деяние виновного сажали в тюрьму на один месяц и он еще платил потерпевшему бесчестье. За удар до крови заключали в тюрьму на шесть недель, и бесчестье с виновного взыскивали в двойном размере (III, 2). За нанесение на государевом дворе в присутствии царя кому-либо ранения саблей или иным каким холодным оружием, а также за убийство человека виновного карали смертной казнью. И при этом кабальные долги убитого уплачивались из его имущества (III, 3). А за обнажение оружия на государевом дворе в присутствии государя у виновного отсекали руку (III, 4). За обнажение там оружия в отсутствии государя виновного сажали в тюрьму на три месяца. В случае применения оружия и нанесения ранения наказание назначали в зависимости от результата – если раненый умирал, то следовала смертная казнь, а если он выздоравливал, то отсекали руку и присуждали к выплате бесчестья и увечья в двойном размере (III, 5).

В местах пребывания государя во время его поездок по стране было запрещено стрелять из луков, пищалей и иного какого-либо оружия, а на государевом дворе вообще не разрешалось ходить с таким оружием. За нанесение там оружием ранения или причинение смерти виновного подвергали смертной казни (III, 6), а просто за его ношение наказывали битьем батогами и краткосрочным тюремным заключением на одну неделю (III, 7).

К государственным преступлениям в то время относили также **посягательство на здоровье государя**, которое Уложение 1649 г. рассматривало как “злое дело” со стороны отдельных лиц, а точнее, как голый умысел,

направленный против жизни и здоровья государя и обычно караемый смертной казнью (II, 1). Наказуемость голого умысла была известна на практике еще в XV в., и по этой причине Уложение не предусматривало покушение на жизнь государя, ибо уже обнаружение умысла считалось преступлением.

Соборным Уложением был выделен и новый состав политического преступления – **смута, скоп и заговор**. Субъектом скопа и заговора являлась объединенная предварительным сговором группа людей, а чаще целая толпа. Объектом этого преступления был порядок управления. Для состава скопа и заговора не обязательно было грабить и убивать, главное было приходиться для “воровства”, то есть для совершения любых противоправных враждебных действий, направленных против должностных лиц центрального и местного управления. А если приходили к государю толпой с жалобой на его думных или приказных людей, воевод и при этом их грабили и били, то зачинщиков за такие действия подвергали смертной казни безо всякой пощады (II, 21). К тому же приход для “воровства” толпой противопоставлялся приходу немногих людей для подачи челобитных. За ложное обвинение челобитчиков в скопе и заговоре со стороны воевод и приказных людей последним также определялось наказание (II, 22). В Уложении выделяли скоп и заговор и в отношении частных лиц, который наказывался несколько мягче, только торговой казнью (X, 198, 199). Появление в законодательстве состава преступления “скоп и заговор” исследователи связывали непосредственно с событиями 1648 г. в Москве да в ряде других районов страны [9].

Тогда же в России законодательно был оформлен извет (донос), то есть обязательное извещение гражданами властей о готовящихся или уже совершенных политических преступлениях. Сохранение верности своему государю и обещание сообщать о любом посягательстве на его жизнь и власть давались также в присягах при вступлении царей на престол. Дополнив существовавшую в крестоцеловальных записях обязанность извета угрозой уголовного наказания за ее неисполнение,

Уложение 1649 г. выделяло еще один состав государственного преступления – **недоносительство**. Предписывалось карать смертной казнью без всякой пощады всех тех лиц, которые знали или слышали о скопе и заговоре или ином каком злом умысле против государя, но не донесли об этом соответствующим властям (II, 19). Следовательно, субъектом состава этого преступления являлись всякого чина люди, знающие о каком-либо готовящемся преступлении как против особы государя, так и против его державы.

Извет в государевом деле мог подаваться даже самому государю. В связи с тем, что измена имела место преимущественно со стороны феодалов, холопам и крестьянам предоставлялось право доносить на своих господ. Извет по политическим делам разрешалось также принимать от близких членов семьи (например, от сыновей), ведомых лихих людей и тюремных сидельцев, тогда как в общеуголовных преступлениях извещам не верили. Однако в целях защиты прав феодалов вина за недоказанный извет по делам о посягательстве на здоровье государя или измене возлагалась на феодально-зависимых людей. Их подвергали за такой извет нещадной торговой казни и отдавали владельцам (II, 13). А для свободных людей исход дела при недоказанном извете зависел от усмотрения государя (II, 12). Изветчик, сославшись при отказе от своего заявления на то, что он был пьян или хотел избавиться от побоев, подлежал уже простой торговой казни (II, 14). Следует также подчеркнуть, что ст. 14 была единственной статьей Уложения, которая упоминала не только о государевом деле или здоровье, но и о “слове”, то есть о непристойных словах в адрес государя.

В случае ложного доноса в государевом деле или измене изветчик подвергался тому же наказанию, которое должен был понести оговоренный (II, 17). Ответственность за ложный донос была известна в России еще задолго до принятия Уложения. Так, об этой ответственности говорилось и в Кормчей книге, и в крестоцеловальной записи царя Василия Шуйского за 1606 г. Ложный донос наказывался и по Новоуказным статьям [10].

§ 4. Преступления против порядка управления

Начавшиеся в России еще в XV в. централизация государственного и судебного аппарата привела к объявлению ряда деяний против порядка управления преступными. И среди них по тяжести наказания особо выделялось **фальшивомонетничество**. Подделка монеты была тягчайшим преступлением не только против порядка управления, но и против финансовой системы государства. Состав этого преступления возник в связи с передачей денежного дела непосредственно государству, когда в первой половине XVI в. в Москве был учрежден государев денежный двор. Именно в это время были установлены унификация веса, изображения на деньгах и контроль правительства над монетным делом.

Об ответственности за фальшивомонетничество впервые в России стало известно из текста Синодальной Летописи, где говорилось о том, что в сентябре 1533 г. казнили многих людей за подделку монет - “и олово им лили в рот и руки секли” [11].

В XVII в. монетное дело было передано в Приказ Большой казни – в этот важнейший центральный орган Московского государства по управлению финансами. Чеканка монет стала относиться исключительно к доходным статьям государства, составляя его монополию. В это же время и фальшивомонетничество в России заметно увеличилось. В связи с чем в 1637 г. вновь была подтверждена квалифицированная смертная казнь в форме залития горла расплавленным металлом (оловом или свинцом) для пущих воров, то есть главных виновников преступления, и простая казнь для пособников, укрывателей, сбытчиков. Смертная казнь тогда была введена и для недоносителей. Однако соучастники преступления, заявившие властям о подделке монеты, не только освобождались от наказания, но и получали в награду имущество других фальшивомонетчиков [12].

Уложение 1649 г. выделяло два состава фальшивомонетничества: **чеканку медных, оловянных или укладных денег** вместо принятых в государстве серебряных и **порчу денег** в целях наживы путем добавления к сереб-

ру меди, олова или свинца (V, 1). Но при определении за эти деяния наказания в форме заливания горла металлом. Уложение уже не различало пособников и главных виновников. Субъектом фальшивомонетничества являлись денежные мастера, находившиеся на государственной службе и подсудные Приказу Большой казни.

Неудачная финансовая политика правительства в 1650-х годах, когда был уменьшен вес отечественной серебряной монеты и затем разрешен выпуск одинаковой стоимостью с серебряной медной монеты, очень расстроила денежную систему государства и привела к значительному росту фальшивомонетничества. Только за девять лет наказанию подверглось 22 000 фальшивомонетчиков [13]. Это и побудило царя издать в 1661 г. новый более совершенный закон по борьбе с фальшивомонетничеством. Закон 1661 г. вновь стал различать главных виновников и пособников. И в качестве пособников теперь могли быть привлечены местные головы, целовальники, которые специально наблюдали за денежными мастерами. Наказание за фальшивомонетничество было несколько смягчено. Так, заливание горла металлом главным виновникам было заменено отсечением левой руки, а второстепенным — отсечением двух пальцев на той же руке. Однако отсеченные за преступление части тела для устрашения прибавали на стенках денежного двора. Этот же указ установил и стадии совершения преступления, выделив, например, приготовление, что уменьшало степень наказания. Во избежание в корыстных целях оговоров денежных мастеров указ также запрещал награждение доносчиков их имуществом. Указ 1661 г. к фальшивомонетничеству стал относить выделку частными лицами монеты, равной по достоинству с казенной или низшего достоинства, посеребрение для обмана медной монеты [14]. Указом 1663 г. за подделку монет виновных лиц ссылали в Сибирь с женами и детьми на вечное житье [15]. В связи с тем, что в пограничных уездах с Литвой наравне с русскими были допущены польские монеты — чехи, в 1683 г. был издан указ, предусматривающий смертную казнь за денежный обмен с целью получения прибыли [16].

Наряду с фальшивомонетничеством, затрагивавшим интересы государства, Уложение 1649 г. впервые в отечественном законодательстве устанавливало также **ответственность золотых и серебряных дел мастеров за утайку или подмену благородных металлов, полученных от частных лиц**. Такой вид подделки наказывался менее строго – торговой казнью и возмещением убытка пострадавшему, хотя состав этого преступления и был отнесен к числу особо опасных деяний (V, 2).

Древнейший вид нарушений финансовых прав государства – **корчемство**, то есть незаконное изготовление вина, незаконное содержание питейных заведений и продажа вина в этих заведениях. Корчемство было известно еще церковному законодательству, но вначале оно рассматривалось как преступление против нравственности. Пьянство, в частности, осуждалось Стоглавом, потому что “в корчмах христианам великая беда чинится и беспрестанно души погибают без покаяния и причастия” [17].

Корчемство всегда преследовалось царским правительством, так как оно подрывало его монополию на производство спиртных напитков. В начале XVII в. при Борисе Годунове была подтверждена питейная монополия государства и полностью была запрещена свободная продажа вина. Однако этой мерой правительства воспользовались винные откупщики, начавшие не только выкачивать из людей деньги, но и спаивать их. Только в 1652 г. по требованию патриарха Никона были уничтожены откупа и резко ограничена всякая продажа спиртного. Вместо большого количества кабаков было устроено по одному кружечному двору в каждом городе.

Уложение 1649 г. также объявило питейное дело монополией государства, выделив различные виды корчемства по субъекту и субъективной стороне. В уголовном порядке наказывались самовольные продавцы вина, винопроизводители, сбывающие свою нелегальную продукцию в незаконные корчмы и питухи, потребители вина в таких корчмах. Устанавливалось наказание за корчемство, а также за питье корчемного вина в зависимости от рецидива правонарушения. Так, пойманных в первый раз корчемников и винопроизводите-

лей наказывали штрафом в 5 рублей, а питухов – полуполтинным штрафом; пойманных во второй раз корчемников наказывали штрафом в 10 рублей и битьем кнутом по торгам, а питухов – штрафом полтинным и битьем батогами; пойманных в третий раз корчемников наказывали штрафом в 20 рублей, а питухов – штрафом в один рубль. К тому же их били кнутом, а продавцов еще сажали в тюрьму до государева указа (XXV, 1, 2).

Покупка купцами корчемного вина с целью его перепродажи также считалась преступлением. И здесь по-прежнему наказание зависело от рецидива правонарушения. Так, за первую покупку этого вина виновные наказывались штрафом в 2 рубля и нещадным битьем батогами; за вторичную покупку – штрафом в 4 рубля, битьем кнутом на козле и заключением в тюрьму на две недели; за покупку в третий раз – штрафом в 6 рублей, битьем кнутом по торгам и заключением в тюрьму на месяц. А за покупку вина в четвертый раз виновных наказывали битьем кнутом по торгам, ссылкой в дальние города и конфискацией всего их движимого и недвижимого имущества (XXV, 3). И что интересно, в законе была норма, предусматривающая возможность отпуска виновных лиц на поруки с условием дачи ими письменного обещания больше не покупать и не пить корчемного вина.

Ложное обвинение в корчемстве каралось битьем кнутом по торгам и взысканием бесчестья в двойном размере (XXV, 4), а выимщики необъявленного вина за подстрекательство к этому свидетелей подвергались пытке и наказывались битьем кнутом на козле (XXV, 9). За приготовление к корчемству, выраженное, в частности, в хранении корчемного вина, наказывали как за окончанный состав преступления (XXV, 8).

Изготовлять и продавать вино на территории государства имели право только те лица, которые получили соответствующее разрешение от властей и были приписаны к кружечным дворам. Из тяглых людей слобод и черных сотен в городах избирались десятские, которые обязаны были следить за тем, чтобы в их десятках не было корчемства. Десятские также были призваны наблюдать и за производством явленного, то есть раз-

решенного, вина и обо всех нарушениях Указа о корчмах сообщать в Новую четверть.

Но несмотря на суровые карательные санкции законов того времени и предпринимаемые правительством организационно-полицейские мероприятия, борьба с корчемством в стране не давала положительного результата. Историк И.И. Дитятин писал, что “корчемством тогда чуть ли не главным образом занимались именно те лица, которые по долгу службы должны были вести борьбу с этим явлением. И как ни странно, корчемством промышляли кабацкие головы и целовальники, в распоряжении которых были царские кабаки. Часто таким делом занимались также стрельцы и солдаты. А Земского приказа начальные люди про то их воровство ведали, но покрывали, потому что они с ними во всем делились” [18].

Продажу и хранение табака в изучаемый период времени также считали тяжким преступлением против порядка управления. Обычно в законодательстве этот состав правонарушения ставили рядом с корчемством.

Табак привозили на Русь из Западной Европы. Православная церковь считала курение табака **дьявольским каждением**, а сам табак – чертовым ладаном. Церковь активно выступала против распространения у нас табака. В 1634 г. был издан указ, запрещающий во всех городах Московского государства как русским людям, так и иностранцам продавать и хранить табак. За нарушение этого указа предписывалось виновных карать смертной казнью.

Соборное Уложение подтвердило основные положения указа 1634 г. Таких продавцов и купцов велено было задерживать и присылать в Новую четверть для определения наказания – смертной казни без пощады и конфискации всего их имущества (XXV, 11). Уголовно наказуем был и подброс табака людям, которые его не держали, с целью их ложного обвинения в продаже или хранении табака. Виновных лиц за это били кнутом на козле или по торгам, а в случае повторения им пороли ноздри, резали носы и ссылали в дальние города (XXV, 14-16).

О “**рубержнике**” как нарушителе границы было еще известно из договорных грамот великих и удельных

князей XV в. В этих грамотах предусматривалась обязанность князей выдавать таких преступников их законным государям. В Уложении 1649 г. была дана общая правовая регламентация выезда за рубежи Московского государства. Появление норм, регулирующих этот вопрос, свидетельствовало о стремлении государства обеспечить защиту своей безопасности, установить контроль со стороны властей за передвижением подданных, укрепить феодальный правопорядок. **Поездка за рубеж без проезжей государевой грамоты** считалась либо государственным преступлением, либо преступлением против порядка управления, в зависимости от умысла виновного. И наказание здесь также зависело от умысла. В случае самовольного выезда российских подданных за границу проводилось расследование, и если был доказан умысел на измену, то виновных карали смертной казнью. А поездка по делам торговли влекла за собой торговую казнь (VI. 3. 4).

В связи с бюрократизацией государственного аппарата и увеличением объема бумажного делопроизводства появился новый состав преступления против порядка управления – **подделка документов, актов, подписей, печатей**. Впервые об этом преступлении под названием **подписка** упоминал Судебник 1550 г. При совершении подписки ведомым лихим человеком ему смертная казнь назначалась (ст. 59). Судебник 1589 г. подразделял подписку по объекту преступления на ручную и кабальную, то есть требующую специального оформления. И лица, совершившие подписку, подлежали по этому закону торговой казни (ст. 113).

Полнее подписка была разработана в Уложении 1649 г. Здесь смертная казнь устанавливалась уже и за составление поддельных грамот, печатей, и за подделку настоящих грамот, приказных писем, и за приставление печатей к “воровским”, то есть подложным, документам (IV, 1-2). В самостоятельный состав преступления в Уложении было выделено также **пользование подложными документами, именуемыми нарядными письмами**. И при этом наказывали лишь тех лиц, которым было известно о том, что письма нарядные (IV, 3).

Широко распространено в то время было такое преступление против порядка управления, как **попустительство, укрывательство разбойников и недоносительство о них властям со стороны местного населения**. Обязанность жителей под страхом наказания участвовать в преследовании преступников устанавливалась еще Уставной Книгой Разбойного приказа 1616-1617 гг. (ст. 26). По Уложению 1649 г. тех людей, которые на крики потерпевших отказались им помочь или уклонились от преследования разбойников, предписывалось нещадно бить кнутом. И, кроме того, в пользу пострадавших с них взыскивали денежное вознаграждение (выть) (XXI, 59).

При неотведении следа, то есть укрывательстве разбойников или татей, местные жители подвергались пытке. Пытке предшествовал и обыск лиц, участвовавших в погоне за преступником. Подтверждение факта укрывательства квалифицировалось как соучастие в преступлении (XXI, 60). Так же расценивалось и укрывательство татей и разбойников со стороны обыскных людей, то есть населения, привлеченного к обыску (XXI, 61).

Лиц с резаными ушами при отсутствии у них справок об освобождении из тюрьмы предписывалось приводить к воеводам, приказным людям, губным старостам. За укрывательство таких лиц и за недонесение о них властям с виновных взыскивалась пеня (штраф) на государя в сумме 10 рублей (XXI, 19, 20, 62).

Укрывательство оговоренных на язычной молке людей и содействие им в побегах наказывалось штрафом в размере 50 рублей в пользу государя, кроме того, виновный выплачивал вознаграждение истцу. Еще на него возлагалась обязанность в случае побега оговоренных найти этих людей (XXI, 78). Обязанность выдачи оговоренных людей по закону была установлена не только для тяглого населения, но и для духовных и светских владельцев поместий и вотчин.

В целях предупреждения укрывательства преступников еще со времен Ивана IV устанавливалась ответственность за неизвещение должностных лиц о приезжих людях. "А который посадский человек пускал проезжего человека к себе на двор ночевать", а старостам,

целовальникам, пятидесятским, десятским не сообщал об этом, то он платил штраф в 2 рубля [19]. В наказе царя Михаила Федоровича 1622 г. вяземским воеводам предписывалось всех пришедших и приезжих людей записывать в книги и выяснять, откуда и к кому они прибыли. Когда у прищельцев знакомых в городе не было и они вызвали подозрение, то их задерживали и производили розыск [20]. В Уложении 1649 г. была норма о том, что, если местные жители не заявляли губным старостам о припльх людях, а затем на припльх объявлялось лихое дело и предъявлялся иск, то половина этого иска взыскивалась с них (XXI, 82).

Уложение, аналогично Уставной Книге Разбойного приказа (ст.ст. 31, 32), особо выделяло **укрывательство как ремесло**. Были известны в XVII в. стан, то есть постоянное пристанодержательство или становщичество, и **приезд** – временное предоставление убежища. Эти виды укрывательства влекли те же наказания, что и за разбой. Уголовно наказуемыми были также **подвод и поновровка**. Под подводом понимали указание места и удобного момента для совершения преступления, а поновровку рассматривали как охранение преступника от опасности во время совершения преступления (XXI, 63).

Об ответственности за доноительство о совершенных преступлениях и за укрывательство татей упоминалось и в Новоуказных статьях 1669 г., где предписывалось местным жителям “воровства у себя не таить и не скрывать, а извещать и воров отсылать к сыщикам тотчас” [21].

Наряду с укрывательством преступников наказывалось и **поклажее**, то есть прием, хранение или продажа краденных и награбленных вещей. В отличие от Уставной Книги Разбойного приказа, которая считала, что для обвинения приемщиков краденого было достаточно одного оговора их с пытки (ст. 33), Уложение вводило уже очную ставку и пытку оговоренных как необходимые элементы розыскного процесса. Сознавшихся под пыткой оговоренных в поклажее после удовлетворения требований истцов передавали на поруки, а при отсутствии поручителей виновных сажали в тюрьму.

Несознавших на первой пытке пытали вторично, и те несли наказание “до чего доведется” (XXI, 64).

Самочинная расправа с разбойниками считалась преступлением. В Уставной Книге Разбойного приказа было записано, что лиц, виновных в избиении разбойников, следовало отослать к сыску в губу (ст. 60). Уложение 1649 г. угрожало за это деяние отнятием у помещика поместья и взысканием убытков. Непоместный человек, помимо возмещения убытков истцу, подвергался битью кнутом по торгам (XXI, 79). Смертью без всякой пощады закон угрожал холопам и крестьянам, если они без ведома своих бояр расправлялись с задержанным преступником (XXI, 80).

За насильственное освобождение оговоренных людей из-под ведения специально доверенных лиц виновных били кнутом, подвергали штрафу в размере 50 рублей и взыскивали с них убытки истца (XXI, 81). За насильственное освобождение корчемников, табачников и питухов во время их доставки в приказ “отбойщиков” наказывали либо битьем кнутом на козле и по торгам, либо битьем батогами (XXV, 19).

Посадским тяглым людям под страхом битья кнутом и ссылки в Сибирь было запрещено уходить в заклад, а также продавать беломестцам, боярским людям и крестьянам свои дворы, лавки, амбары, погреба, варницы и другие объекты хозяйственного назначения. Наказание устанавливалось и для тех лиц, кто принимал посадских людей в закладчики (XIX, 13, 15, 39). Битьем кнутом также наказывали холопов за побег, за сокрытие своего имени при составлении служилой кабалы (XX, 22, 23).

§ 5. Должностные преступления

Должностные преступления стали появляться в это время. В предшествующий период, когда кормления преобладали еще в системе управления, не было почвы для таких преступлений, а нанесенные наместниками и волостелями обиды в крайнем случае удовлетворялись лишь частными исками со стороны потерпевших. Однако по мере ограничения кормлений и усиления за ними правительственного контроля условия для преступле-

ний по службе становились реальными. И особенно их росту способствовало формирование в централизованном государстве института государственной службы. Следует особо подчеркнуть, что большая часть должностных преступлений в XVI-XVII вв. была связана с деятельностью суда, где коррупция и произвол были постоянными спутниками служителей правосудия.

Централизация судебной системы, стремление сосредоточить расследование по наиболее важным уголовным делам в руках государства и решать их в соответствии с законами обусловили введение такого состава преступления по должности, как **отказ в правосудии**. Впервые об этом преступлении говорил Судебник 1649 г. (ст. 2), упоминалось о нем и в Судебнике 1550 г. (ст. 7). Судебники предписывали судьям – боярину, дворецкому, казначею, дьяку всех жалобщиков своего приказа, обратившимся к ним за помощью, никуда не отсылать и давать им управу. За несоблюдение этих обязанностей устанавливалась ответственность в форме государственной опалы.

Взяточничество было старым злом российского суда, о чем неоднократно упоминало наше законодательство. Плата судье от заинтересованных лиц и прежде всего от самих участников судебного процесса, так называемый посул был известен еще в XV в. По мнению В.Н. Татищева, посул был тогда платой за проявленное судьей прилежание в разборе дела [22]. Таким образом, посул вначале официально был разрешен, но затем эту плату стали нормировать, запрещая брать “лишек” сверх установленной таксы. Уже в конце XV в. и посулы было запрещено брать. Правда, в Судебнике 1497 г. этот запрет носил декларативный характер, так как санкции за получение взятки здесь еще не были определены (ст. 1). Эта же норма без каких-либо дополнений была включена и в Судебник 1550 г. И что характерно для законодательства России того времени, взяточничество наказывалось не само по себе, а лишь в связи с теми преступными деяниями, которые вытекали из него. Так, например, Судебник 1550 г. особо выделял такой состав должностного преступления, как вынесение судом неправильного решения в результате получе-

ния судьями взятки. Высшие должностные лица государства – боярин, дворецкий, казначей, дьяк – за совершение этого преступления прежде всего несли материальную ответственность, возмещая истцу сумму иска и все судебные пошлины в трехкратном размере. А что касалось уголовной ответственности, то наказание виновным в виде пени определял сам государь (ст. 3). Но судьи не несли ответственности за свое неверное решение “бесхитростно”, то есть вследствие добросовестного заблуждения, ошибки или их неопытности (ст. 2).

Дьяк, составивший без ведома судьи за взятку подложный протокол судебного заседания либо неправильно написавший показания сторон или свидетелей, иными словами, совершивший **служебный подлог**, по Судебнику уплачивал половину суммы иска. Другую же половину возмещал боярин, который, будучи высшим по должности лицом, обязан был следить за своим подчиненным. Кроме того, дьяка за совершение этого преступления сажали в тюрьму (ст. 4), а подьячего били кнутом (ст. 5).

Подписанные и заверенные печатью судебные дела хранились у дьяка. Во избежание **подлога** Судебник 1550 г. запрещал подьячим держать дела у себя и выдавать их сторонам без соответствующего оформления. Видимо, кто-то был заинтересован в выимке дела и стремился осуществить это с помощью подкупа, посула, угроз и даже силы. Подьячих за такое правонарушение били кнутом и отстраняли от должности (ст. 28).

Наказанию за взятки подлежали судьи не только центральных, но и местных государственных органов. Ответственность местных судей за посул предусматривалась и вышеназванным Судебником (ст. 62). Об этой ответственности говорили и Наказы губным и земским органам XVI в. Крестоцеловальные записи губных и земских старост и целовальников тоже содержали обязательство не брать посулы [23]. Наказывали также дьяков, недельщиков и тиунов за нарушение порядка выдачи за взятку срочных, приставных и правых грамот, если это причиняло убытки истцам (ст.ст. 41, 44, 67). Судебник знал и такой состав должностного преступления, как вымогательство взятки недельщиком. Вино-

ное лицо за это преступление подлежало торговой казни, также оно отстранялось от должности и обязывалось вернуть сумму взятки в тройном размере. Однако же судьи, получившие взятку через посредничество недельщика, никакой ответственности не несли (ст. 32).

И в XVII в. взяточничество в стране было широко распространено. Посол герцога Шлезвиг-Гольштинского А. Олеарий красочно описывал нравы в московских судах того времени: “Хотя брать взятки всем строго запрещено под опасением наказания за то кнутом, но их тайно берут, особенно писцы...” [24]. Взяточниками были в России также виднейшие ее деятели. “И в этом отношении, - писал далее Олеарий, - особенно отличался судья Земского приказа Леонтий Плещеев. Плещеев без меры драл и скоблил кожу с простого народа; подарками он не насыщался, но когда тяжущиеся приходили к нему в приказ, то высасывал у них мозг из костей до того, что обе стороны делались нищими” [25]. Одним из поводов к московскому восстанию 1648 г. как раз и было лихоимство судей.

По Соборному Уложению судьи центральных правительственных учреждений, которые за взятку, или по дружбе, или из-за мести осудили невиновных лиц и оправдали преступников, несли прежде всего материальную ответственность. Они возмещали истцам иск и платили государю пошрины в тройном размере. И, кроме того, за свою вину боярин, окольничий и думный человек лишались чести, а другие судьи отстранялись от должности и подвергались торговой казни (X, 5). Наказывались и местные судьи, вынесшие за взятку несправедливое решение (X, 6).

В Уложении также предусматривался случай, когда взятка судье передавалась через третье лицо – либо через его близкого родственника, либо через его слугу. В этой ситуации судью сурово наказывали, а посредника во взяточничестве к ответственности не привлекали (X, 7). Человек, который взял деньги от имени судьи и якобы для него, но в действительности взял деньги без его ведома, присвоив их себе, подвергался битью кнутом нещадно, заключался в тюрьму “до государева указа”. И, кроме того, он платил пошрины в тройном размере (X, 8).

Если дьяк за взятку, по дружбе или из-за мести приказывал своему подьячему написать “судное дело” не так, как было в суде, и подьячий исполнял приказ, то за это преступление дьяка снимали с должности, били кнутом, а подьячему отсекали руку (X, 12). За вынос дела из приказа подьячим по распоряжению дьяка с последнего взыскивали истцов иск, государевы пошлины. Также дьяка и подьячего отстраняли от должности и били кнутом (X, 13). Объектом этих должностных преступлений было нарушение порядка судебного делопроизводства.

За вымогательство взятки, связанной с необоснованной задержкой, волокитой в рассмотрении дела, по Уложению 1649 г. дьяка били батогами, а подьячих кнутом. И, кроме того, с виновных за волокиту взыскивали проести по две гривны за день (X, 16). Отпуск недельщиком задержанных им татей и разбойников за взятку по Уложению наказывался битьем кнутом и заключением в тюрьму. И, кроме того, этот недельщик погашал истцов иск (XXI, 83). Предусматривалась здесь также ответственность судей за непосещение приказа без уважительных причин (X, 24), за нерадивое отношение судей к своим служебным обязанностям и волокиту при рассмотрении дел “для своей корысти” (X, 15).

Судебные пошлины были крупным источником дохода государства и должностных лиц. Поэтому в памятниках права им уделялось много внимания. Особенно тщательно был отрегулирован вопрос о пошлинах в Судебнике 1550 г. и в Соборном уложении 1649 г. Судьи обязаны были фиксировать поступление пошлин, а за утайку их они подлежали уголовному наказанию. Судьи также несли материальную ответственность за **невызыскание пошлин**. Ответственность судей устанавливалась и за **превышение установленных пошлин**, что в точном смысле было **лихоимством**, то есть взиманием пошлин свыше, лишком таксы. Взятый лишек возвращался должностными лицами в тройном размере (ст.ст. 9, 33, 34; X, 124-129). По показаниям иностранцев, судьи и дьяки, изобличенные в лихоимстве, могли быть подвергнуты телесному наказанию, сопровождавшемуся бесчестьем. Виновному привязывали к шее кошелек,

серебро, мягкую рухлядь, жемчуг, даже соленую рыбу или другую вещь, взятую им в подарок [26].

Важнейшими видами пошлин на Руси были также **мыт, перевоз и мостовщина**. Мыт взимался с провозимых товаров. Однако Судебник 1550 г. ничего не говорил об этих пошлинах. Уложение 1649 г. уделяло им уже большое внимание, так как государство теперь стало лучше заботиться о содержании в порядке дорог, мостов и перевозов. И к числу должностных преступлений законом было отнесено **неправомерное взимание этих пошлин мытниками, перевозчиками и мостовщиками**. Виновных лиц за такие действия наказывали битьем кнутом (IX, 2, 4, 5).

За незаконный отпуск из тюрьмы воеводами, приказными людьми, губными старостами без государева указу **татей, разбойников, душегубцев**, превращение их в холопов и крепостных крестьян и использование труда преступников в своих личных хозяйствах или в хозяйствах своих родственников и знакомых карали нещадным битьем кнутом (XXI, 104). За проявленную тюремными целовальниками и сторожами халатность, приведшую к побегу разбойников из тюрьмы, с виновных взыскивались истцовы выти в двойном размере (XXI, 101). Губной целовальник, отпустивший на свободу разбойника или татя или сбежавший с краденым ими имуществом, при задержании отрешался от должности, подвергался битью кнутом и возмещал истцов иск в половинном размере. И если имущества целовальника было недостаточно для удовлетворения требований истца, то оставшаяся к взысканию сумма раскладывалась на людей губы, избравших его на должность. Обязанность розыска сбежавшего целовальника лежала на этих людях (XXI, 84).

К должностным преступлениям Судебник 1550 г. относил также незаконную передачу недельщиком какого-либо лица на поруки без ведома вышестоящего начальства (ст. 54). А Уложение 1649 г. относил к ним составление площадными подьячими в Москве подложных крепостей (X, 251), несправедливое межевание поместных и вотчинных земель межевщиками (XVII, 53), недоставку объезжими головами откупщиков вина или

табака в Новую четверть (XXV, 18), злоупотребление приказными людьми своим служебным положением, если в результате людям были причинены материальные убытки (X, 150).

Донос, вменяемый по ряду особо опасных государственных преступлений в обязанность всех чинов людей, подавался либо непосредственно государю, либо его государевым думным и приказным людям. В отличие от крестоцеловальных записей Уложение 1649 г. устраняло от принятия политического извета губных и земских старост, сосредоточивая тем самым производство по политическим делам в органах центрального управления. **Оставление извета без расспроса со стороны высших должностных лиц** рассматривалось как тяжкое преступление по службе (II, 18).

§ 6. Преступления против суда

В XVI-XVII вв. выделяли преступления против судебной власти. Из деяний, вводящих суд в ошибку, в результате которой могло быть принято неправильное решение, **лжеприсяга** занимала одно из первых мест. В более ранний период нашей государственности стороны и их послухи присягали в суде посредством роты как суда Божьего и поэтому понятие лживой присяги как преступления еще не могло быть определено. И только в XVI в., когда послушество обратилось в простое свидетельское показание, стало возможным принесение лжеприсяги. Так, Стоглав рассматривал лжеприсягу как преступление, противное религии, за что полагалось отлучение от церкви на определенный срок (гл. 37). По Уложению 1649 г. лиц, виновных в заpiresательстве на суде и в ложном целовании креста по делам об укрывательстве беглых крестьян и холопов, наказывали битьем кнутом по торгам три дня, заключением в тюрьму на год. И, кроме того, они возмещали иски потерпевшим. В то время также действовало правило, что если ответчик лгал по одному делу, то ему не было веры и по другому (XI, 27; XIV, 9). А за ложное крестоцелование по другим делам назначались отлучение от церкви сроком на десять лет и урезание языка (XIV, 10).

Преступлением против суда являлось **лжесвидетельство**, то есть дача в суде заведомо ложных свидетельских показаний. Впервые в русском законодательстве о запрещении лжесвидетельства было объявлено в Судебнике 1497 г. (ст. 67). В Судебнике 1550 г. была уже санкция в отношении послуха, давшего ложные показания. Помимо возмещения потерпевшему причиненного ущерба, лжесвидетель подвергался торговой казни (ст. 99).

По Соборному Уложению обыскные люди, показания которых были приравнены к свидетельским, за лживые показания на повальном обыске прежде всего несли гражданскую ответственность, то есть они возмещали весь ущерб, нанесенный потерпевшему, а также все убытки, связанные с ведением дела. Причем при взыскании государевой пени с этих лиц учитывалось их служебное положение. Сверх того, солгавшие своеобразно отвечали и в уголовном порядке: каждого десятого из числа лучших приказчиков и крестьян били кнутом, а духовных лиц отсылали на смирение (X, 162). Потерпевшие, подвергнутые пытке в результате ложных показаний обыскных, имели право на взыскание с виновных ущерба за бесчестье и увечье в четырехкратном размере (X, 163). Отказ от показаний на повальном обыске также был уголовно наказуем (X, 164). Уголовная ответственность предусматривалась законом и за ложные показания свидетеля на общей ссылке. Виновного за это били кнутом нещадно и взыскивали с него все убытки (X, 170).

К разряду преступлений против суда относили тогда и **ябедничество**. Ябедничество рассматривали как ложный донос, злостную клевету с целью обвинить невиновное лицо. Судебники относили ябедничество к числу особо опасных преступлений, и лица, виновные в этом преступлении, возмещали все убытки потерпевшим, все расходы по ведению дела и карались смертной казнью (ст. 8 и ст. 59). Объект ябедничества был довольно сложный. Это и судебная власть, и права ложно обвиняемых частных лиц, которые заключались в предъявлении иска на большую сумму, чем должны им ответчики. А субъектами ябедничества могли быть как сами истцы, так и их поверенные, которых тогда было

принято делить на ябедников, крамольников и составщиков. Ябедники – это лживые обвинители по делам частного обвинения; крамольники – лживые доносчики по политическим преступлениям; составщики – составители лживых гражданских исков.

Особо выделялось в законодательстве изучаемого периода такое преступление против суда, как **оскорбление судей, приставов, недельщиков, понятых при исполнении ими своих обязанностей**. Об оскорблении словом или делом кормленщиков – детей боярских, которые участвовали в суде на местах, упоминалось еще в Судебнике 1550 г. За это преступление виновные наказывались выплатой бесчестья в размере двойного продовольственного и денежного жалования кормленщиков (ст. 26).

По Соборному Уложению 1649 г. за оскорбление судьи в приказе непригожим словом предписывалось бить виновного кнутом или батогами, как государь укажет, и взыскать с него бесчестье. А за нанесение судье побоев или ран у преступника отсекали руку. К тому же виновный платил пострадавшему за раны и оскорбление вознаграждение в двойном размере. За убийство судьи в приказе или в другом месте преступнику назначалась смертная казнь (X, 106).

За оскорбление и избивание ответчиком посланного к нему домой пристава с наказной, приставной памятью или государевой грамотой виновного предписывалось бить кнутом, посадить в тюрьму на три месяца и взыскать с него вознаграждение за бесчестье и увечье в двойном размере. А за убийство недельщика или понятых, приглашенных по делу, преступник предавался смертной казни (X, 142).

К оскорблению судей приравнивалось **нарушение порядка судебного заседания**, когда истец и ответчик в присутствии судей между собой побранятся и кто-то из них обесчестит другого непригожим словом. Виновного за эти действия сажали в тюрьму на неделю и взыскивали с него за бесчестье. А за нанесение побоев одной стороной другой бесчестье правили в двойном размере. Если перед судьями кто на кого замахнется каким-нибудь оружием или ножом, но не ранит, то виновного

били батогами, а если он ранит, то били кнутом. Если же раненый в суде умирал от раны или же был убит, то преступник карался смертной казнью без всякой пощады (X, 105). Объектом этого преступления являлось правосудие.

Судебник 1550 г. предусматривал уголовную ответственность и за **ложное обвинение судей в умышленном неправосудии**. Жалобник, совершивший фактически ябедничество, наказывался “сверх вины” (то есть помимо вынесенного ему наказания) дополнительно битьем кнутом и тюремным заключением (ст. 6). По Судебнику подлежал наказанию **жалобщик, который бил челом не по делу**, то есть приносил челобитную на судей, отказавших ему в иске ввиду незаконности его требований. Виновного за такие действия приговаривали к тюремному заключению (ст. 7). **Клевета на судный список** признавалась тоже преступлением против суда (ст. 69).

По Уложению 1649 г. нещадное битье кнутом, заключение в тюрьму до государева указа и возмещение потерпевшему бесчестья в тройном размере следовали за подачу ложной челобитной на судью о якобы несправедливом суде (X, 9). Уголовная ответственность также устанавливалась и за **ложный донос по обвинению бояр и воевод во взяточничестве** (VII, 12).

Уклонение от суда расценивалось как преступление против суда. К этому составу преступления относились не только неявка ответчика и свидетеля (X, 141), но и насильственное освобождение оговоренных на язычной молке лиц (XXI, 81), насильственное ополчивание (если поличное было изъято истцом у обвиняемого без участия пристава и понятых) (XXI, 55), подмет, то есть подкидывание вещей с целью обвинения в краже (XXI, 56), сопротивление при изъятии поличного либо отнятие взятого поличного (XXI, 57), побег от пристава или нежелание отдаться на поруки (X, 119).

Решенное дело по Уложению также не могло вторично рассматриваться в суде. Лицо, предъявившее иск по такому делу, наказывалось батогами и сверх того возмещало “проести и волокиты по гривне на день” (X, 154).

§ 7. Воинские преступления

Уложение 1649 г. карало и тех лиц, которые совершали преступления, находясь на военной службе. Так, бояр и воевод **за отпуск с военной службы ратных людей без царского указа** наказывали по усмотрению государя, а сотенных начальников за такие же действия били батогами и сажали в тюрьму (VII, 16).

Была усилена уголовная ответственность военнотружущих за различные деяния, учиненные ими в отношении местного населения при следовании на государеву службу или по возвращении с нее. Так, виновных ратных людей **за убийство и изнасилование** подвергали смертной казни, а **за грабежи, потравы хлеба в гумнах, хлебных посевов, сенных покосов, ловлю рыбы в чужих прудах, побои, оскорбления** чинили им наказание, смотря по вине. И, кроме того, эти военнотружущие должны были возместить потерпевшим убытки в двойном размере (VII, 24, 30, 32). Наказывали и тех служилых людей, которые насильно забирали у крестьян хлебные запасы и конские корма (VII, 22). Военнотружущего **за кражу ружья** били кнутом нещадно, а **за кражу лошади** отсекали у него руку (VII, 28, 29).

С Уложения началась и некоторая систематизация сугубо воинских преступлений, совершаемых ратными людьми в условиях войны. Так, здесь впервые в русском законодательстве появился состав воинского преступления — **дезертирство**. Закон предписывал виновных поместных дворян за первый побег с государевой военной службы бить кнутом, за вторичный побег также бить кнутом и, кроме того, конфисковать у них часть поместья и уменьшить жалованье. И, наконец, за третий побег их тоже били кнутом и полностью лишали поместья (VII, 8). За побег иноземцев, находящихся на службе в русской армии, стрельцов, казаков, даточных людей — драгун и солдат, кормовых людей — лиц, принудительно набиравшихся ежегодно на постоянную и временную службу, били кнутом и возвращали в полки под надзор воевод. И помимо этого с виновных за время дезертирства удерживали жалованье (VII, 9).

Тяжким воинским преступлением был побег воен-
нослужащего – поместного дворянина домой с поля боя
непосредственно во время военных действий. За это
преступление служилого человека нещадно били кну-
том и лишали половины поместных и денежных окла-
дов (VII, 19).

В XVII в. к “нетчикам”, то есть лицам, не явившим-
ся на военную службу или преждевременно ее покинув-
шим, применяли конфискацию части или всего имуще-
ства. Самовольно ушедшие и скрывавшиеся не только
лишались имущества, но и при задержании наказыва-
лись кнутом. Отвечавшие за мобилизацию войска
“сборщики” и “окладники” за совершенные ими зло-
употребления по службе наказывались батогами и зак-
лючались в тюрьму [27].

§ 8. Преступления против жизни, здоровья и чести

Преступления против жизни, здоровья и чести были
достаточно широко распространены в XVI-XVII вв.
Наиболее тяжким преступлением этого рода, безуслов-
но, являлось убийство. Еще Судебник 1497 г. карал
смертной казнью “государского убойцу”, то есть убий-
цу своего господина (ст. 9), а Судебник 1550 г., уточняя
и дополняя соответствующую норму, убийство стал
называть душегубством (ст. 60):

Несмотря на отделение к XVI в. убийства от разбоя,
даже Уставная Книга Разбойного приказа - фактически
полнейший сборник русского уголовного права - все
еще продолжала рассматривать убийство вместе с раз-
боем, грабежом, кражей как усиливающими вину об-
стоятельствами. И только Уложение 1649 г. уже оконча-
тельно отделило убийство от имущественных преступ-
лений. Значительно были увеличены и составы квали-
фицированных видов убийства по объекту преступле-
ния. Развивая нормы Судебников об убийстве, Уложе-
ние также признало наказуемым покушение и даже го-
лый умысел на убийство зависимым человеком своего
господина (XXII, 8). Правовая квалификация убийства
и соответственно определение санкций за это преступ-

ление зависели и от наличия или отсутствия умысла или неосторожности на лишение жизни человека, и от объективной стороны, и от объекта преступления. Место и условия совершения убийства, конечно, влияли на квалификацию этого преступления.

К числу умышленных убийств Уложение относило убийство “насильством, скопом, заговором” во дворе потерпевшего. Главный исполнитель такого преступления карался смертной казнью, а его соучастников-товарищей били кнутом и направляли в ссылку (X, 198). Разбойники и тати, сопровождавшие свое преступление убийством, подлежали смертной казни (XXI, 13, 18). Совершение убийства зависимым человеком без ведома его господина влекло для убийцы смертную казнь (XXII, 22). Смертная казнь назначалась и за убийство в церкви (I, 4), и за убийство на государевом дворе (III, 3), и за убийство судьи, приставов, недельщиков при исполнении ими служебных обязанностей (X, 106, 142).

Казнить “смертию безо всякие пощады” предписывалось слуг за убийство своих господ (XXII, 9, 16), детей за убийство родителей (XXII, 1), жен за убийство мужей (XXII, 14), за убийство братьев, сестер (XXII, 7), незаконнорожденных детей (XXII, 26). Причем наказание за последний состав преступления имело своей целью преследование незаконного сожительства, блуда, а квалифицирующим признаком являлось безнравственное поведение матери, прижившей внебрачного ребенка. О наказании за убийство мужем жены в Уложении не упоминалось, однако мужеубийство каралось самой страшной казнью – зарытием живой в землю.

Уложение впервые в отечественном законодательстве выделяло новый состав умышленного преступления против жизни – убийство путем отравления. В этом случае виновного подвергали пытке для выяснения, не совершал ли он таких убийств прежде, а затем казнили, заставив выпить яд (XXII, 23).

Как неумышленное убийство Уложение рассматривало убийство в драке пьяным делом (XXI, 69), убийство одним крестьянином другого крестьянина (XXI, 73), убийство кредитором должника, выданного ему для отработки долга (X, 268), убийство отцом или ма-

терью сына или дочери (XXII, 3). Эти виды убийств, совершенные как бы при смягчающих обстоятельствах, исключали смертную казнь и влекли иные, более мягкие наказания (битье кнутом, “как государь укажет”, тюремное заключение на год и церковное покаяние).

Характерно было то, что при установлении наказания за убийства, совершенные холопами или крестьянами, учитывались не интересы семьи пострадавшего и возмещение ей ущерба, а интересы феодала-крепостника, лишившегося зависимого человека. Так, при убийстве боярским человеком (холопом) одного феодала холопа другого феодала убийца вначале подвергался торговой казни, а затем вместе со своей семьей выдавался потерпевшему феодалу. При этом владелец убийцы не отвечал за долги убитого, семья которого продолжала оставаться его собственностью (XXI, 69). При нежелании пострадавшего феодала взять в свое хозяйство убийцу его хозяин уплачивал потерпевшему владельцу 50 рублей (XXI, 70). То же устанавливалось и при убийстве крестьянином одного феодала крестьянина другого, но вместо получения 50 рублей деньгами владелец убитого крестьянина мог потребовать передачи ему из хозяйства феодала, которому принадлежал убийца, любого лучшего крестьянина вместе с его семьей и имуществом (XXI, 71).

Уложение 1649 г. также различало **убийства хитростные и бесхитростные**. Различие между хитростным и нехитростным убийством впервые было проведено еще в Уставной земской грамоте волостей Малой Пенезки, Вуйской и Суры Двинского уезда 1552 г. (ст. 18).

Хитростное убийство – это незаконное лишение жизни человека только по вине преступника. Бесхитростное убийство – это печальное событие, которое произошло в силу независящих от человека причин, это так называемое случайное, нечаянное лишение жизни человека, убийство “грешным делом”. И это убийство не наказывалось. Закон к бесхитростному убийству, например, относил наезд испугавшейся лошадью вместе с седоком на какого-либо человека, когда нельзя было лошадь удержать, также “прострел ненарочным делом” человека, который находился за горою или за городь-

бою и был невидим для стрелявшего из пищали или лука по зверю или птице (если никакой вражды между участниками этих происшествий прежде не было) (XXII, 18, 20).

Расправа с ворами при нападении на двор хозяина также была отнесена к разряду бесхитростных убийств, если об этом происшествии хозяин дома немедленно уведомлял власти (X, 200). И при защите своего господина слуга, убивший нападавшего преступника, не нес ответственности за убийство. Претензии в таком случае могли быть предъявлены к его господину (XXII, 21). Не наказуемо было убийство татя во время погони за ним, а также в случае оказания сопротивления при его поимке. Но убитого вора вначале следовало предъявить “окольным людям” для опознания, а затем доставить его в приказ (XXI, 88). Не наказуемо было и убийство вора, застигнутого в поле во время совершения им кражи сжатого хлеба или скошенного сена (XXI, 89). Если же кто в присутствии суда, поссорясь в противником, начнет его бить, а тот, обороняясь, его убьет, то также никакого наказания не назначалось (X, 105). Это одновременно были и случаи необходимой обороны, устраняющие вину причинителей вреда. Однако соразмерности средств обороны и нападения тогда еще не требовалось. Характеризуя бесхитростные убийства, следует сказать, что точной границы между неосторожностью и случайностью в тот период времени провести было нельзя.

Законодательство XVI-XVII вв. знало случаи **подстрекательства и пособничества, связанные с убийством**. Например, в Уложении упоминалось о подстрекательстве в убийстве “по чьему научению” (XXII, 19), о пособничестве детям в убийстве их родителей (XXII, 2), в убийстве братьев и сестер (XXII, 7), в убийстве внебрачных детей (XXII, 26). Закон устанавливал обязанность зависимых людей, слуг оказывать помощь своей госпоже при покушении на ее жизнь, здоровье, честь. Недостаточная активность слуг в защите своей госпожи, а тем более их пособничество преступникам, карались смертной казнью (XXII, 16). Вообще во всех перечисленных случаях и исполнители, и подстрекате-

ли, и пособники, как правило, несли одинаковое наказание.

Угроза убийством стала самостоятельным преступлением против жизни. Если одно лицо угрожало другому убийством, то последний мог обратиться к органам власти за защитой. При этом составляли специальный документ — “опасную грамоту” с предупреждением угрожающему о возможных последствиях его действий. При подтверждении факта угрозы виновного могли заключить в тюрьму на три месяца. Если же убийство было совершено, то убийца приговаривался к смертной казни и с него взыскивалась большая сумма денег. Наказывали не только исполнителя преступления, но и подстрекателя, “по чьему научению был убит человек” (X, 133, 135).

Нанесение ран, увечий, побоев и оскорблений не имели первоначально четко очерченных составов преступлений. В Русской Правде за **разные виды членовредительства** взыскивались штрафы от трех до сорока гривен, а также следовала плата за лечение по договоренности сторон. Об увечье упоминалось и в Законе судном людем. Драки не всегда влекли уголовное преследование, чаще они заканчивались примирением сторон. При обращении в суд наказание в виде денежного штрафа устанавливалось за эти преступления, “смотря по человеку и увечью”.

В Уложении 1649 г. причинение увечий и нанесение ран были уже отделены от имущественных преступлений и от преступлений против чести. И, безусловно, наказания за эти преступления против здоровья определялись в зависимости от злой воли преступника. Отсечение руки, ноги, носа, уха, губ, выкалывание глаза помимо денежного взыскания за увечье в пользу потерпевшего в сумме 50 рублей влекло аналогичное физическое возмездие (XXII, 10). Виновного, который “с похвалы, или с пьянства, или умыслом наскочет на лошади на чью жену и лошадью ее стопчет и повалит, и тем ее обесчестит, или ее тем боем изувечит, и беременная жена от того бою родит мертвого ребенка, а сама будет жива”, предписывалось бить кнутом нещадно, посадить в тюрьму на три месяца и взыскать с него

пользу потерпевшей денежное вознаграждение за бесчестье и увечье в двойном размере. А в случае смерти “от того бою изувеченной женщины” преступника карали смертной казнью (XXII, 17). При нападении “скопом и заговором с воровской или разбойной целью на чей-либо двор”, в результате которого могло быть причинено ранение или увечье хозяину двора или членам его семьи, также различали главных исполнителей преступления и их соучастников. Тому, кто наносил ранение, отсекали руку, а товарищей его били кнутом и затем отдавали на поруки. Со всех участников нападения также предписывалось брать за бесчестье и за увечье двойное денежное вознаграждение в пользу пострадавших (X, 199). Однако за причинение увечий лицам неимущих сословий, в частности государевым крестьянам (“кто им глаз выколет или руку или ногу ломает”), денежное вознаграждение определялось в 10 рублей (X, 94). Двойное вознаграждение, штраф и убытки выплачивал и тот преступник, который “на кого нарочно пустит собаку и та искусает его или одежду изорвет” (X, 281).

О тяжких побоях говорили еще Судебники, и, конечно, упоминало о них и Соборное Уложение. Так, за избивание какого-либо человека ослопом, кнутом или батогами на чужом дворе, куда он обманом или силой был водворен, преступника били кнутом по торгам, сажали его в тюрьму на один месяц и взыскивали за бесчестье вознаграждение в пользу потерпевшего (XXII, 11). При совершении такого преступления допускалась возможность подстрекательства и научения. Если избивание учинено по указанию того, кому исполнитель служил, то в равной мере наказывался и подстрекатель (XXII, 12).

Преступление против чести в русском законодательстве было известно очень давно. Так, еще Русская Правда упоминала оскорбление действием, караемое значительно строже, чем причинение вреда здоровью. Но постепенно под этим составом преступления, называемым с конца XIV в. **бесчестьем**, стали понимать не только оскорбление действием, которое могло заключаться и в нанесении легких побоев, но и оскорбление словом. Дифференцированные суммы штрафа за бесчестье впер-

вые были введены Судебником 1550 г. (ст. 26). О грубом оскорблении православных словом упоминалось и в Стоглаве 1551 г. (гл. 5).

С конца XVI в. понятие бесчестья в русском праве было значительно расширено. Оно уже включало в себя не только оскорбление действием или унижение чести и достоинства словом, но и ложное обвинение человека в краже. А само оскорбление словом означало либо простую брань ("лай") в адрес какого-либо лица, либо умышленное изменение его имени или фамилии, либо величание знатного уважаемого всеми человека уменьшительным титулом или унижительным прозвищем [28]. Тогда же бесчестьем стали именовать и денежное возмещение за оскорбление.

Уложение 1649 г. содержало довольно большой раздел об оскорблениях, и под бесчестьем оно понимало преимущественно оскорбление словом. Уложение также определяло наказание за бесчестье в зависимости от социального положения и занимаемой должности оскорбленного и оскорбителя. Здесь же проводилось и существенное различие между оскорблением феодала феодалом и каким-либо непривилегированным лицом. Так, за оскорбление боярина, окольничего, думного человека стольник, стряпчий, московский дворянин, гость, дьяк, сын боярский платили потерпевшему денежное вознаграждение (X, 91), а за оскорбление тех же высших чинов тягловый человек гостиных, суконных и черных сотен, стрелец, казак, пушкарь, монастырский слуга, холоп боярский подвергались битью кнутом и заключению в тюрьму на две недели (X, 92).

Суммы бесчестья за оскорбление духовных лиц зависели от места их в церковной иерархии и по закону составляли от 5 до 400 рублей (X, 28-82). Для купцов, посадских людей, ямщиков, крестьян, бобылей устанавливалась такса бесчестья в пределах от 50 до 1 рубля. А сумма бесчестья для именитых людей Строгановых была вдвое больше, чем для самых крупных купцов-гостей; она составляла 100 рублей (X, 94). При исчислении бесчестья служилым людям Судебник 1550 г. исходил из размеров их корма, а по Соборному Уложению оно уже определялось или указом государя, или жало-

ваньем (X, 90, 93). Так, например, размер бесчестья казаков и их атаманов, получавших кормовое обеспечение, был равен 5 рублям (XXIV, 1).

Уложение знало такой специфический вид оскорбления словом, как **публичное обозвание человека незаконнорожденным**. Наказуемым в данном случае являлось лишь оскорбление, при котором оскорбительное слово не соответствовало действительности (X, 280).

Следуя традиции древнерусских княжеских уставов, Уложение особо охраняло женскую честь. Так, за оскорбление непригожим словом замужней женщины взыскивалось “возмещение против оклада” мужа в двойном размере, а за оскорбление дочери-девицы возмещение было вчетверо больше оклада отца. Однако честь несовершеннолетнего сына защищалась законом лишь половинным возмещением (X, 99).

Первоначально из оскорбления не выделялась **клевета** как особый вид преступления против чести, так как она еще по Судебнику 1497 г. была поглощена понятием “ябедничество”. Важным тогда считалось не просто обвинение кого-либо в противозаконных и постыдных деяниях, а именно лживое обвинение в этом перед судом. В Уложении 1649 г. понятие клеветы определялось уже как квалифицированный вид бесчестья. Так, например, за ложное обвинение военнотружущаго в совершении преступления с клеветника взыскивался двойной штраф (VII, 31).

§ 9. Преступления против нравственности

Преступления против нравственности примыкали к преступлениям против религии и к преступлениям против жизни, здоровья и чести. Безнравственность на Руси всегда признавалась явлением общественно опасным. **Противозаконное сожительство** наказывалось еще по правилам святых апостолов и святых отцов. По Русской Правде прелюбодеяние мужа давало жене право требовать развода: В Стоглаве 1551 г. особо оговаривались такие преступления, караемые церковью, как **распутство, супружеская неверность, мужеложство** (гл. 5, вопр. 29).

Сводничество по Уложению 1649 г. наказывалось битьем кнутом (XXII, 25). Причем наказывали не только сводников, но и лиц, вершивших блуд. “А которые люди, - пишет историк Г. Котошихин, - воруют с чужими женами и девками, и как их изымают, и того же дни или на иной день обеих, мужика и женку,водя по торгам и по улицам вместе нагих, бьют кнутом” [29].

Изнасилование, в том числе и групповое, упоминалось еще и в Уставе Ярослава и наказывалось в зависимости от социального положения субъекта и потерпевшей. По Уложению 1649 г. за изнасилование следовала смертная казнь (VII, 30).

Неоказание помощи в защите чести госпожи со стороны ее слуг и тем более пособничество в этом насилии влекло по Уложению смертную казнь для всех виновных лиц (XXII, 16).

Преступления детей против своих родителей давно были известны русскому праву и прежде регулировались в основном церковными уставами. По Уложению 1649 г. за такие деяния против родителей, как **грубость или нанесение побоев со стороны детей, самовольное завладение их имуществом, непочитание и отказ кормить престарелых родителей, обращение в суд с челобитными на родителей**, виновных наказывали битьем кнутом (XXII, 4-6).

Азартные игры, содержание притонов и даже скомошество также у нас наказывали.

§ 10. Имущественные преступления

Разбой был известен еще Русской Правде и всегда относился к числу особо опасных преступлений (Ак., 20; Тр., 7). Хорошо знали о разбое Судебник 1497 г. (ст.ст. 7, 8, 38, 39) и Судебник 1550 г. (ст.ст. 12, 59, 60, 62, 89, 90).

Обострение социальных противоречий в стране в конце XVI - начале XVII вв. привело к резкому увеличению числа разбоев. Так, в Указе 1607 г. говорилось, что вследствие запрещения перехода крестьян “ныне великие учинились распри, насилия и многие разбой совершаются” [30]. В Москве в то время свирепствова-

ли шайки: "...ездят по улицам воры всяких чинов, люди и боярские холопы в санях и пеши ходят многолюдством, с ружьем и бердыши, и с рогатины, и с топорами, и с большими ножами, и воруют, людей бьют и грабят, и до смерти побивают, и всякое воровство от тех воров чинится" [31].

Борьба с разбоями была объявлена "государевым делом", происходило постепенное определение и уточнение этого состава преступления. В отличие от прежнего законодательства, которое обычно связывало разбой с убийством, Уложение 1649 г., основываясь на ст. 10 Уставной Книги Разбойного приказа, стало понимать под разбоем преступление против собственности. Разбой теперь слился с понятием грабежа с насилием, но без убийства и поджога он не терял своих существенных признаков [32]. Для наличия состава разбоя обязательно было открытое явное нападение и, как правило, шайкой с целью завладения чужим имуществом. Конечно, при разбое часто использовалось оружие и применялось насилие, опасное для жизни и здоровья людей. И что еще характерно, пытка при обвинении лица в разбое была обязательной [33]. В Новоуказных статьях 1669 г. под страхом великой опалы и смертной казни предписывалось, чтобы "на соседстве между собой браней и деревенских драк в разбой не ставили" [34].

Изменился и порядок наказания за разбой, который выражался в переходе от неопределенности санкций, зависящих от усмотрения судей, к конкретным и более суровым карам. Судебники ввели смертную казнь за разбой, учиненный ведомым лихим человеком. По боярскому приговору, данному в Разбойный приказ Борисом Годуновым, смертная казнь применялась к тем разбойникам, которые на пытке скажут, "что участвовали в одном разбое, а в том разбое было совершено убийство или поджог дворовый или хлебный". А если разбойники скажут, что участвовали в трех разбоях и в тех разбоях не было убийства или поджога, то их также казнили смертью. А если разбойники сознаются в одном или в двух разбоях, но таких, которые не сопровождались убийством или поджогом, то их сажали в тюрьму до государева указа [35].

Уложение 1649 г. при определении наказания за разбой руководствовалось уже не понятием лихого человека, как это было прежде, а понятием рецидива. Уложение также увеличило наказание за разбой. Если Уставная Книга Разбойного приказа 1616-1617 гг. (ст. 10) предусматривала за первый разбой относительно неопределенное наказание в виде тюремного заключения до указа, а смертная казнь полагалась за третий разбой, то Уложение установило за первый разбой трехгодичное тюремное заключение с последующей ссылкой, а за повторный разбой – смертную казнь. Если же при разбое совершено убийство или поджог, то наличие рецидива было необязательно (XXI, 16-18).

Развивая нормы Судебника 1550 г. (ст.ст. 56, 57) и Уставной Книги Разбойного приказа (ст. 9) и стремясь полнее использовать все средства борьбы с преступностью в стране, Уложение не освобождало обвиняемого в разбое от ответственности, даже если бы он и не признавал себя виновным при вторичной попытке, а передавало проверку его показаний обыскным людям. В случае облихования обвиняемый подвергался тюремному заключению, а если на повальном обыске его одобрявали, то, оставаясь под подозрением, он передавался на поруки тем, кто его одобрил (XXI, 28, 29).

Первое место по численности совершаемых преступлений на Руси всегда занимала **татьба** – кража, воровство, то есть тайное похищение чужого имущества. Уже по Русской Правде предусматривалось деление кражи по объективной стороне на простую и квалифицированную. Квалифицированной считалась кража вещей, особо охраняемых собственником. При краже скота из закрытого помещения и в ночное время потерпевший даже мог безнаказанно убить вора. Высшей мерой – потоком и разграблением наказывался коневой тать. Судебник 1497 г. также устанавливал суровое наказание за совершение краж. Татьба, совершенная впервые, наказывалась, помимо возмещения убытков истцу, торговой казнью и штрафом. При невозможности возместить убытки из-за отсутствия имущества виновный выдавался истцу головою на продажу, то есть переходил он в холопство до отработки долга (ст. 11). По Судебнику

1550 г. преступник, сознавшийся во второй краже, подлежал смертной казни, а не сознавшийся, но обличованный добрыми людьми, пожизненно заключался в тюрьму (ст. 56). Медынский губной наказ 1555 г. определял отсечение руки за вторую татьбу, а за третью и последующие татьбы он грозил смертной казнью (ст. 11). Судебник и Стоглав 1551 г. выделяли еще церковную и головную татьбу, также караемые смертной казнью.

По Уставу о разбойных и татебных делах вора за первую татьбу наказывали кнутом и отдавали на поруки, а если не было порук, то сажали в тюрьму; за вторую татьбу его также били кнутом, но и руку отсекали; за третью и четвертую татьбу казнили смертью. За первую церковную татьбу вора тоже казнили смертью.

Особенно было ужесточено наказание за татьбу в Уложении 1649 г. Была даже введена обязательная пытка татя при обвинении его в первой татьбе. Вор, сознавшийся после пытки в совершении только одной кражи, подвергался битью кнутом, тюремному заключению на два года и отрезанию левого уха, а имущество его шло пострадавшему (XXI, 9). Признание в совершении двух краж по Уложению влекло для виновного торговую казнь, тюремное заключение на четыре года и отрезание правого уха (XXI, 10). А по окончании срока пребывания в тюрьме воров ссылали в “украинные” города. За татьбу, совершенную в третий раз, вора карали смертью (XXI, 12).

По Новоуказным статьям о татебных и убийственных делах 1669 г. вора, уличенного в одной татьбе, били кнутом и отсекали у него два пальца левой руки; за две татьбы также били кнутом и отрезали уже левую руку по запястье, а за третью татьбу также назначали смертную казнь. Что интересно, в этих правовых памятниках на степень наказуемости татьбы влияли не ценность и размеры похищенного, а повторность преступления.

Кража, сопровождавшаяся убийством (XXI, 13), и кража, совершенная в церкви (XXI, 14), расценивались как квалифицированные составы имущественных преступлений и влекли за собой смертную казнь преступников с конфискацией их имущества. Жена и дети воров, знавшие о наличии в доме краденых вещей, долж-

ны были оплатить их стоимость, а при отсутствии средств их отдавали истцу до отработки долга (XXI, 88). Денежный штраф устанавливали и для тех лиц, кто не мешал преступникам совершать татьбу, то есть фактически вводилась наказуемость за прикосновенность к этому преступлению в виде попустительства (XXI, 15).

Уложение широко толковало нарушение права собственности. Это не только кражи домашнего имущества, но и **кража хлеба или сена в поле, кража улей со пчелами, ловля рыбы в чужом пруду или садке**. Виновных за такие действия били кнутом, батогами, отрезали ухо (X, 219; XXI, 89, 90). На практике последняя норма трактовалась более расширительно и включала в себя **ответственность за ловлю бобров и выдр**. Еще в XVI в. был установлен двухрублевый штраф за самовольную ловлю рыбы и бобров. В 1635 г. была запрещена ловля бобров и выдр капканами. За нарушение этого закона в первый раз виновные подвергались торговой казни и двухрублевому штрафу, во второй раз – торговой казни и штрафу в 5 рублей, а в третий раз – нещадной торговой казни и тюремному заключению до государева указа. Причем такое наказание нес не только непосредственный исполнитель, но и пособник. За ловлю рыбы в государевых прудах и озерах виновный платил государю пеню или наказывался по его усмотрению (III, 8). За любую кражу на государевом дворе в первый раз вора, пойманного с поличным, били кнутом, во второй раз также били кнутом и еще сажали в тюрьму на полгода, а в третий раз отсекали у него руку (III, 9).

О нарушении права собственности на землю в нашем законодательстве было известно очень давно. Еще Русская Правда предусматривала уголовную ответственность в виде штрафов за **нарушение межей и межевых знаков, разграничивающих земельные владения** (ст. 34 Кр. и 72 Пр.). Судебники значительно усилили охрану земельной собственности как светских, так и духовных феодалов. Так, за повреждение или уничтожение межевых знаков или перепашку земель этих собственников виновные лица не только платили штрафы, но и подвергались битью кнутом (ст. 62 или 87). Отражая процесс дальнейшего развития в стране земельных отноше-

ний, Уложение 1649 г. еще более усилило ответственность за истребление межевых знаков. Если кто-нибудь на государевой или иной частновладельческой земле “истцовую межу испортит и столбы вымечет, или грани высечет, или ямы заровняет”, то закон предписывал виновных лиц бить кнутом нещадно, заключить в тюрьму на неделю, взыскать с них вознаграждение в пользу истца и обязать восстановить испорченное (X, 231). А за нарушение межей с прямым умыслом на присвоение земель виновное лицо, помимо возмещения убытков, наказывалось по усмотрению государя (X, 233).

К числу преступных деяний, нарушавших права собственников на землю, Судебники относили **неустановление или повреждение изгородей между граничившими землями**. В связи с этим упоминали они и о **злоумышленной потраве**. По Судебнику 1589 г. помимо возмещения вреда за такие неправомерные действия виновные лица подвергались торговой казни (ст. 170). Уложение за потраву устанавливало только гражданско-правовую ответственность (X, 208-210).

К имущественным преступлениям, в частности к преступлениям против собственности, законодательство XVI-XVII вв. относил также **повреждения лесных и охотничьих угодий, бобровых гонов, хмельника, птичьей привады (силков, сетей), бортей (пчелиных улей), леса, злостное истребление скота, сбор и увоз хлеба со спорного участка** (X, 211-220).

Тягчайшим имущественным преступлением, направленным на истребление чужой собственности, является поджог. Еще Русская Правда устанавливала за поджог высшую меру наказания – поток и разграбление (ст. 63 Тр.). Судебник 1550 г. вводил за поджог смертную казнь (ст. 61). За поджог двора “ради вражды или разграбления, кто пожар учинил нарочным делом” Уложение предписывало зажигальщика подвергнуть квалифицированной смертной казни – сожжению (X, 228). А если пожар в доме происходил по небрежности его постояльца, то виновное лицо только возмещало хозяину причиненный вред (X, 227). Уложение предусматривало и случаи умышленного и неосторожного поджога в лесу, на лугах, на пашне, но зажигальщики несли тогда граждан-

ско-правовую ответственность либо были совсем от нее освобождены (X, 223-225). **Угроза поджога** вела к сыску, а затем отдаче виновного на поруки. Если же преступник не находил поручителей, то его заключали в тюрьму. При учинении пожара угрожавшего подвергали пытке, при признании вины он возмещал убытки (X, 202).

Законом была определена уголовная и гражданская ответственность владельцев домашних животных за ущерб, причиненный этими животными другим людям, ответственность за причинение ущерба хозяевам животных. Применительно к этому составу имущественного преступления различались действия умышленные и неосторожные (X, 281, 282, 284).

Грабеж рассматривали как открытое завладение чужим имуществом, но без насилия. Попытка разграничить близкие по своему характеру составы преступлений – грабеж и разбой - впервые была предпринята в Судебнике 1550 г. (ст. 25). Значительно больше внимание грабежу уделяло уже Уложение 1649 г. “Тех людей, которые грабят и шапки срывают”, предписывалось приводить в приказ и наказывать как воров (XXI, 15). Под грабежом тогда понимали и насильственные реквизиции ратными людьми у местного населения хлебных запасов, конских кормов, и самовольные захваты имущества во время стихийных бедствий. Имущество, взятое из огня или воды без цели присвоения, оставалось во владении лица, его спасшего. Собственник мог вернуть свое имущество, но при условии уплаты спасителю половины его стоимости (VII, 22; XXI, 91).

О мошенничестве упоминал еще Судебник 1550 г. Мошенника - “оманщика” - закон предписывал бить кнутом (ст. 58). Уложение 1649 г. рассматривало мошенничество как похищение чужих вещей путем обмана. За это преступление наказывали, как и за первую татьбу, однако сам потерпевший был лишен права на возмещение ущерба (XXI, 11). Уложение строго пресекало мошеннические операции, связанные с отчуждением феодальной поземельной собственности и, прежде всего, отчуждением всех видов вотчин. Так, предписывалось нещадно бить кнутом при многих людях у приказа лиц, виновных в незаконной продаже своей

вотчины, а также в продаже или залоге чужой вотчины (XVII, 34-36).

Разновидностью мошенничества по Уложению 1649 г. был **шангаж**, заключающийся в вымогательстве у состоятельных лиц имущества путем предъявления к ним в суде поклепного иска. В условиях судебной волокиты и взяточничества сам факт предъявления иска грозил ответчику – даже ни в чем неповинному – большими осложнениями и убытками. Поэтому ему было выгоднее откупиться от вымогательства, чем доказывать в суде свою правоту. Этим и пользовались мошенники, запугивая людей, оказавшихся по их воле в положении ответчиков. Закон предусматривал простой и квалифицированный виды шантажа. И квалифицирующим обстоятельством являлся рецидив. Субъектом шантажа могло быть только частное лицо. За поклепный иск, предъявленный впервые, закон предписывал подвергнуть преступника нещадному битью кнутом у приказа, посадить его в тюрьму, на сколько государь укажет, взять на государя пени 5 рублей и возместить убытки потерпевшему в двойном размере. За поклепное дело, совершенное вторично, предписывалось преступника бить у приказа на козле и взыскать с него пени на государя в сумме 10 рублей. За поклепный иск в третий раз прежние тяжкие наказания преступнику были сохранены, но размер пени (заповеди) на государя был увеличен до 20 рублей (X, 186-188).

Уложение 1649 г. упоминало и о таком имущественном преступлении, как **игра в карты** и **зернь** (XXI, 15).

Список литературы и примечания

1. См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д., 1995. С. 340.
2. Там же. С. 337.
3. См.: Российское законодательство X-XX вв.: В 9 т. Т. 3. М.: Юрид. лит., 1985. С. 258.
4. См.: Российское законодательство X-XX вв. Т. 2. М., 1985. С. 464.
5. См.: Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 199.
6. См.: Российское законодательство X-XX вв. Т. 3. С. 435.
7. См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. работа. С. 342.

8. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 116.
9. См.: Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912. С. 56.
10. См.: Российское законодательство в X-XX вв. Т. 3. М., 1985. С. 265.
11. Там же. С. 269.
12. Там же. С. 269.
13. См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. работа. С. 346.
14. См.: Российское законодательство X-XX вв. М., 1985. Т. 3. С. 270.
15. См.: Полное собрание законов (ПСЗ). СПб., 1830. Т. 1. N 348.
16. См.: ПСЗ. Т. 2. N 999.
17. См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. работа. С. 344.
18. Дигатин И.И. Царский каба́к в Московском государстве // Русская мысль. Кн. IX. М., 1883. С. 68.
19. См.: Российское законодательство X-XX вв. М., 1985. Т. 3. С. 429.
20. Там же. С. 429.
21. См.: Памятники русского права. Вып. 6. М., 1957.
22. См.: Развитие русского права в XV в. – первой половине XVII в. / Отв. ред. В.С. Нерсисянц. М., 1986. С. 173.
23. См.: Памятники русского права. Вып. 4. М., 1956. С. 187, 197.
24. Олеарий А. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг. М., 1870. С. 295.
25. Там же. С. 286.
26. См.: Российское законодательство X-XX вв. М., 1985. Т. 2. С. 133.
27. См.: Развитие русского права в XV в. – первой половине XVII в. М., 1986. С. 176.
28. См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. работа. С. 349.
29. Котошихин Г. Указ. соч. С. 116.
30. Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского. Вып. 3. Киев, 1885. С. 98.
31. Шалфеев Н. Об Уставной Книге Разбойного приказа. СПб., 1868. С. 18.
32. См.: Развитие русского права в XV в. – первой половине XVII в. М., 1986. С. 184.
33. По свидетельству английского дипломата Дж. Флетчера, пытка на Руси в XVI в. состояла в том, что преступника во время допроса били кнутами, сделанными из ремней или белой кожи, шириной в палец или привязывали его к вертелу и жарили на огне, а иногда ломали и вывертывали у него какой-либо член раскаленными щипцами, разрезали тело под ногтями и т.п. См.: Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов) / Отв. ред. Н.М. Рогожин. М., 1991. С. 75.
34. См.: Российское законодательство X-XX вв. М., 1985. Т. 3. С. 415.
35. Там же. С. 415-416.

НАКАЗАНИЕ ПО РУССКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ XVI-XVII ВЕКОВ

§ 1. Характерные особенности и основные цели наказания

Несмотря на то, что в России в XV-XVI вв. закон уже в принципе был признан единственным источником уголовного права, продолжала функционировать **неопределенность в карательной политике государства**. К тому же и не все виды правонарушений имели тогда уголовно-правовые санкции. Так, например, Судебники 1497 и 1550 гг. лишь декларативно запрещали взятничество, неправосудие из-за мести и по недружбе, отказ в правосудии. Род наказаний в этих случаях определялся обычаями и усмотрением судей (“что государь укажет”). Закон в тот период умалчивал и о некоторых преступлениях, хотя они встречались на практике. В эпоху Уложения, по замечанию М.Ф. Владимирского-Буданова, закон уже менее страдал таким несовершенством, но зато довольно часто писали “смертию казнить без всякие пощады”, “кнутом и батогами бить нещадно”, “вкинути в тюрьму до указа”, “живота не дати”, то есть в законе еще не определялись виды смертной казни, число ударов телесных наказаний, сроки тюремного заключения, размеры штрафов [1].

Степень и форма наказания за преступление в изучаемый период времени зависели и **от положения лица - преступника или потерпевшего - в обществе**. В соответствии с принципами феодального права бояр и дворян за совершенные ими преступления наказывали значительно мягче, чем преступников из числа простого народа, или вовсе не наказывали. Так, английский дипломат Дж. Флетчер, посетивший Россию в конце 1680-х гг., писал, что “если какой-либо сын боярский или дворянин совершит убийство или что украдет, то иногда по-

* © О.П. Подосенов, 2001.

садят его в тюрьму по усмотрению царя, но если уже широко известно, каким образом сделано им преступление, то его может быть высекут, и этим ограничивается все наказание. Когда кто убьет своего человека, то весьма мало за него отвечает или вовсе не считается виновным по той же причине, что слуга — это холоп или крепостной, над жизнью которого господин имеет полную власть” [2]. Преступники, занимающие более высокие должности в государственном аппарате, несли меньшее наказание, чем нижестоящие. Например, по Уложению 1649 г. за проволочку судного дела дьяков били батогами, а подьячих кнутом; за бесчестье патриарха наказывали стольников, стряпчих, московских дворян батогами, а людей простого звания — кнутом (X, 16; 30, 31).

В законодательстве России периода сословно-представительной монархии наблюдалась **множественность наказаний** за одно и то же преступление. Так, по Уложению татя, приведенного в губу по подозрению в совершении одной кражи, пытали. И если во время пытки вор утверждал, что воровал впервые, то его за первую татьбу били кнутом, отрезали у него левое ухо и заключали в тюрьму на два года. Имущество татя отдавали истцам в погашение иска, а его самого по отбытии тюремного заключения отсылали в один из “украинных городов на какое дело пригодится” (XXI, 9). Так же поступали и с разбойником, уличенным в первом разбое, но только последнему отрезали уже правое ухо и садили в тюрьму на три года (XXI, 16). Если тать винился в двух татьбах без убийства, то после битья кнутом урезали у него правое ухо и заключали в тюрьму на четыре года. А по окончании тюремного заключения татя тоже отсылали в “украинные” города. Повторное обвинение в татьбе или разбое влекло пытку с целью узнать о других татьбах и разбоях (XXI, 10). Виновного во втором разбое ожидала уже смертная казнь (XXI, 17). И за третью татьбу следовала смертная казнь (XXI, 12). Смертью карали воров и разбойников, если они совершили татьбу и разбой впервые, но при этом было учинено убийство (XXI, 13, 18). За лжеприсягу могло быть назначено несколько

видов наказания: битье кнутом на торгах три дня, тюремное заключение сроком на один год и лишение права искать чего-либо по суду (XI, 27).

В XVI-XVII вв. была известна цель наказания – возмездие. Возмездие рассматривалось тогда как внешнее или материальное воспроизведение в наказании состава преступления или отнятое государством у преступника того блага, которого он лишил потерпевшего, по принципу талиона “око за око, зуб за зуб”. Наиболее последовательно этот принцип применялся к наказанию за нанесение увечья, за умышленное убийство. Так, по Уложению “кто отсечет руку, или ногу, или нос, или ухо, или губы обрежет, или глаз выколет, а сыщется про то допряма и за такое его надругательство самому ему тоже учинить” (XXII, 10). “А кто кого убьет с умышления ... и такова убойцу казнити смертию” (XXI, 72). Кроме того, возмездие можно было видеть в казни преступника сожжением за поджог, в залитии горла расплавленным металлом за подделку монет, в принятии яда за убийство путем отравления. Возмездие проявлялось и в направлении карательной меры на тот орган тела преступника, которым было совершено преступление. Так, за кражу и подлог в судном деле виновному отсекали руку, а за хулу на Бога и за лжеприсягу урезали у него язык.

Главной целью наказания того жестокого периода было **устрашение преступника, населения в целом**, чтобы предотвратить преступления в будущем. Тогда складывался и окончательно был закреплён в Уложении принцип: “Чтобы смотря на то, другим неповадно было так делать”. Именно в целях устрашения расправы над преступниками в стране совершались открыто, в публичных местах при массовом стечении народа. Так, в Москве казни проводились на древнем Кучковом поле, на площади Китай-города и на Лобном месте около Кремля в присутствии царя либо его тиунов, а в уездах в присутствии губных старост и воевод.

Целью наказания была также **изоляция преступника от общества**, для чего его сажали в тюрьму, а затем отправляли в ссылку.

Зародилась в XVII в. и **цель использования труда преступника в интересах государства**. Впервые в Уложении упоминалось о направлении тюремных сидельцев на государевы работы.

Целью наказания преступника было тогда и **извлечение имущественных выгод**, на что были нацелены такие наказания, как продажа, пеня, конфискация.

§ 2. Смертная казнь

В XVI-XVII вв. в России самым жестоким видом наказания, безусловно, являлась **смертная казнь**. И способы ее осуществления были чрезвычайно разнообразны [3].

Большей частью это было повешение или отсечение головы. Смертная казнь через повешение впервые упоминалась в Двинской уставной грамоте 1397 г. По Уложению 1649 г. виновных в измене вешали на виду у неприятельских полков. Летописи того периода сообщали о смертной казни через утопление. Без указания вида смертная казнь значилась в Псковской Судной грамоте за пять составов преступлений. В Судебниках смертная казнь предусматривалась в 12 случаях, а по Уложению в 60 случаях [4].

Помимо простой смертной казни существовала и квалифицированная, сопряженная с особыми мучениями для преступника. К квалифицированной казни относили тогда сожжение, которое обычно применяли к поджигателям и религиозным преступникам. Сожжение производилось либо на обыкновенном костре, либо в срубе, помещенном иногда в железную клетку. Особо злостных еретиков сжигали на медленном огне копчением.

В связи с выделением в XVI в. такого состава преступления, как фальшивомонетничество, появился новый квалифицированный вид смертной казни – заливие горла расплавленным металлом – свинцом или оловом. Об этом наказании упоминало и Уложение 1649 г. К тому же в XVII в. применение его возросло, так как в стране значительно увеличилось количество фальшивомонетчиков.

Квалифицированным видом смертной казни было также закапывание мужеубийцы живой в землю по плечи. Об этом наказании впервые упоминало Уложение, применялось оно к женщинам, виновным в отравлении своих мужей. Убийц закапывали в землю таким образом, чтобы снаружи торчала одна голова. Казнь производилась на каком-либо публичном месте, например на торговой площади, и к жертвам приставляли стражу для наблюдения, чтобы никто к ним не подходил и не давал им ни есть, ни пить, и чтобы собаки не отъели им головы. Днем священник читал здесь молитвы, а прохожие могли бросать монеты на погребение. Смерть при такой казни наступала обычно на второй-третий день. По Уложению было запрещено освобождать мужеубийцу даже в том случае, если суд просили об этом дети или другие близкие родственники убитых. Однако, по словам Н.П. Загоскина, на практике закапывание в землю как наказание за мужеубийство часто заменялось пострижением в монастырь, а в 1689 г. оно было заменено отсечением головы [5].

Квалифицированным видами смертной казни были в то время и четвертование, и колесование, и перетирание тел преступников тонкими веревками, и распятие на кресте, и посажение на кол. Причем последнее наказание было заимствовано у поляков и литовцев, оно довольно часто применялось к бунтовщикам и изменникам.

Срочность осуществления смертной казни и ее процедура зависели от характера преступлений. Политических преступников казнили без промедления, а татей и разбойников обычно помещали перед казнью в особую избу при тюрьме для покаяния на шесть недель. Если же разбойники на пытке называли своих сообщников, с которыми они неоднократно совершали разбои с убийствами и поджогами, то исполнение приговора по делу откладывалось до розыска этих преступников, но не более чем на шесть месяцев. Казнь беременных преступниц откладывалась до разрешения их от бремени. Часто большинство преступников, приговоренных к утоплению летом, казнили зимой, убивая их ударом в голову и пуская под лед.

§ 3. Телесные наказания

Широко практиковали в России телесные наказания, которые подразделяли на членовредительские и болезненные.

Членовредительские наказания по принципу талиона были известны еще Кормчей книге. В этой книге записано, что за убийство в драке виновному следует **отсесть руку**. Губной наказ селам Кириллова монастыря 1549 г. предписывал за вторую татьбу после взятия пени и продажи виновного бить кнутом да отсесть у него руку. Аналогичная норма встречалась и в губной грамоте Троице-Сергиеву монастырю 1586 г. Об этом наказании за рецидив татьбы упоминалось и в Уставной Книге Разбойного приказа 1616-1617 гг. (ст. 39).

По Соборному Уложению 1649 г. руки лишался тот, кто обнажал холодное оружие на государевом дворе в присутствии государя или кто, применив это оружие, ранил кого-либо на государевом дворе в отсутствии государя (III, 4, 5). Отсекали руку за покушение и даже “голый умысел” слуги на жизнь господина (XXII, 8), за подлог со стороны низших судебных чинов – подъячих (X, 12, 251),⁶ за нанесение побоев судье или причинение ему раны (X, 106), за ранение, учиненное при насильственном наезде на чужой двор (X, 199), за кражу лошади на военной службе (VII, 29), за кражу на государевом дворе в третий раз (III, 9), за причинение кому-либо тяжких телесных повреждений (XXII, 10). По Новоуказным статьям 1669 г. полагалось **отсекать один палец** за легкую рану, два меньших пальца левой руки за первую татьбу; **всю левую руку по запястье** за две татьбы, за третью кражу рыбы из садка или пруда, за нанесение тяжкой раны; **левую руку и правую ногу** – за один разбой, за церковную татьбу, за рецидив кражи, за убийство в пьяной драке, если при этом был ограблен убитый [6].

Членовредительские наказания употреблялись в целях клеймения особо опасных преступников. Впервые в русском законодательстве Уложение упоминало **об отрезании левого или правого уха** за татьбу, разбой, за отлов рыбы из чужого пруда в третий раз, за мошенниче-

ство, а также у всех тех лиц, которые “играют в карты и зернью и, проигравшись, ходя по улицам, людей режут, грабят, шапки срывают” (XXI, 9, 10, 16, 90, 11, 15). Тот же закон повелевал в Москве и во всех других городах и уездах биричам кликать, чтобы никто не утаивал людей с резаными ушами и немедленно приводил их к местным властям. В 1657 г. отрезание ушей было введено для убийц. В 1683 г. всем тюремным сидельцам, у которых были отсечены пальцы рук, было приказано резать уши. В то время предписывалось также сечь уши денежным вора, участникам бунтов и восстаний [7]. Известный путешественник XVII в. Адам Олеарий писал, что “если кто обвиняется в воровстве и будет в том уличен, его немедленно подвергают пытке: не украд ли он чего-нибудь. И если в новом воровстве он не сознается, то за первое воровство секут его плетью на всем пути от Кремля до Большой площади, где палач отрезает у него одно ухо, затем сажают его на два дня в темницу и выпускают на свободу. Если же он будет пойман в воровстве в другой раз, то у него отрезают другое ухо и опять сажают в темницу, где содержат до тех пор, пока не наберется несколько подобных ему воров, с которыми и отсылается в Сибирь” [8].

За неоднократную продажу табака, что являлось нарушением государственной монополии, предписывалось **рвание ноздрей и урезание носов** (XXV, 16). **Урезание языка** было введено за ложную присягу (XIV, 10). По свидетельству историка Г.Котошихина, “за царское бесчестье, кто говорит про него за очи бесчестные или иные какие поносные слова, бьют кнутом и вырезают язык” [9]. В 1688 г. “за непристойные слова про Великого государя и за возмущение народов” были наказаны многие донские казаки. Секли языки и рвали ноздри также раскольникам и еретикам [10]. Преступников при этом сажали на особую скамейку и, вытягивая клещами у них язык, отрезали не весь, а только его часть. Виновных в убийстве отца, матери и других родственников перед казнью возили по торгам и тело их рвали клещами.

Для отметки денежных воров в 1637 г. на их лицах раскаленным железом было наложено клеймо “Вор”, а замешанных в медном бунте 1662 г. пятнали буквой

“Б”. Преступникам, сосланным в сибирские города, особый знак ставили на спине [11]. Однако в законодательных актах XVI-XVII вв. о клеймении преступников еще ничего не говорилось.

Итак, в изучаемую эпоху членовредительские наказания в России были довольно распространены, они обезображивали преступников и делали их особо заметными среди населения. И к тому же такие преступники находились на виду у местных властей. Характерным для того времени было и то, что членовредительство выступало обычно в качестве добавочных, дополнительных наказаний к основным наказаниям.

Болезненные наказания состояли из битья кнутом и батогами. Наиболее серьезным было **битье кнутом**. Наказывали кнутом публично, сначала у приказа, а затем на торговой площади, отсюда и название “торговая казнь”. Чаще всего это наказание соединялось с тюремным заключением, ссылкой, денежным штрафом, отстранением от должности. По своей тяжести торговая казнь следовала за смертной казнью [12].

Основным орудием торговой казни был кнут. У иностранцев, посетивших тогда Россию и оставивших свои записки, да и в других материалах мы находим многочисленные описания этого жестокого орудия истязания. Как свидетельствуют источники, кнут состоял из толстой деревянной рукоятки длиной около 2 аршина, к которой прикрепляли упругий столбец из кожи около 3 футов длины с концом или кожаной петлей на конце. К этому концу привязывался хвост длиной около полуаршина, сделанный из широкого ремня сыромятной лошадиной или лосиной кожи, согнутый вдоль наподобие желобка и так засушенный. Кончик хвоста заостряли, и он твердый, как кость, при ударе рассекал кожу и вонзался в тело. Иногда вместо одного ремня на конце привешивали три [13].

По числу ударов кнутом различали **простое битье**, которое составляло 25-30 ударов, и **нещадное**. 50 ударов считалось нещадным битьем. Число ударов в законодательстве тогда еще не определялось, и вопрос об их количестве по каждому конкретному делу решался непосредственно судом. Торговая казнь впервые была введе-

на Судебником 1497 г. за первую татьбу и повреждение межевых знаков на землях феодалов. По Судебнику 1550 г. торговая казнь применялась уже в 16, а в Уложении 1649 г. - в 140 случаях. Простое битье кнутом по Уложению назначали за отказ изветчика от государева дела или слова (II, 14), за воровство на государевом дворе (III, 9), за побег ратных людей из полков (VII, 8), за незаконные поборы на мытах и перевозах (IX, 2), за отказ подьячего от рассмотрения дела, связанного с вымогательством взятки (X, 16), за отпуск губным целовальником татя или разбойника (XXI, 84), за оскорбление родителей детьми (XXII, 4), за корчемство во второй и третий раз (XXV, 1-2). Нещадно били кнутом холопов за ложный донос на своих господ в их измене государю или злоумышлении на его здоровье (II, 13); иноземцев, стрельцов, казаков, даточных и служилых людей за побег с военной службы и с поля боя (VII, 9, 19); лиц, умышленно наехавших на беременную женщину, последствием чего было рождение мертвого ребенка (XXII, 17), а также лиц, занимавшихся сводничеством (XXII, 25).

При простом битье наказывали следующим образом: преступник обхватывал руками шею и ложился на спину помощника палача либо кого-нибудь из толпы зрителей, приглашенных палачом, и тот крепко держал его за руки. Ноги преступнику связывали веревкой, конец которой держал другой помощник палача. Палач наносил удары кнутом по спине преступника. При нещадном битье, как правило, били на козле и в проводку. "Козел" представлял собой специальный аппарат, имевший вид столба с поперечной крестообразной перекладиной, к которой и привязывали преступника за руки. Сам преступник стоял, немного наклоненный спиной вперед для ударов. Чаще били тогда кнутом в проводку. Преступников при этом водили по торгам обычно в течение трех дней подряд от приказа до тюрьмы. Прежде всего так поступали с политическими преступниками. По пожарищу водили воров, похитивших имущество во время пожара. Битье в проводку считалось тяжелее других способов наказания кнутом, так как к нему примешивалось еще и позорящее публичное

истязание. Били здесь при многих людях в торговые дни, и преступника как бы выставляли перед всем миром. К тому же на шею преступника привешивали предметы его преступной деятельности.

Простое битье кнутом и битье на “козле” проводилось в Москве перед судным приказом или съезжими избами на Красной площади. Указ 1685 г. запретил торговую казнь в Кремле, предписав чинить ее за Спасскими воротами в Китай-городе на площади против рядов. Наказывали кнутом по строго определенным правилам. Вот как описывал процедуру торговой казни Г. Котошихин: “Обыкновенно палач отходил на несколько шагов от преступника (обычно на три шага), а затем обеими руками взмахивал кнутом над головой и с громким криком быстро приближался к преступнику, опуская кнут на его спину. К телу преступника должен был прикасаться только хвост кнута, и сами удары должны были ложиться вдоль всей спины параллельно. Линия одного удара не могла пересекать линию другого. Ударив, палач смахивал приставшую к кнуту кровь и кожу; скоро кнут от крови размягчался и обыкновенно после десяти ударов его сменяли. Результатом такого наказания на спине преступника станет так слово в слово, будто большой ремень вырезан ножом мало до кости” [14]. Один иностранец-очевидец писал, что “палач бьет жертву так жестоко, что с каждым ударом обнажаются кости. Таким образом, преступника растерзывают от плеч до пояса. Мясо и кожа висят у него клочьями. И от палача требовалось большое напряжение сил, поэтому наказание совершалось крайне медленно, в час бывает ударов 30 или 40. А иногда эта процедура тянулась в течение целого дня” [15]. Олеарий, наблюдавший в 1634 г. наказание кнутом восьми мужчин и одной женщины за корчемство, в своих записках оставил нам следующую душераздирающую картину: “Преступники перед приказом должны были обнажить свое тело до пояса и прилечь на спину стоящего на ногах прислужника палача. Перед исполнением наказания пристав, находившийся здесь, прочел в особой записке, сколько ударов должно было дать каждому из преступников. На этот раз мужчины получили от 20 до 26 ударов каждый, а женщина 10 ударов, после чего на

спинах несчастных не осталось целой кожи даже ни на палец шириной. Затем каждому виновному в продаже табака привесили на шею пачку с табаком, а продавцам водки привесили водочную флягу и в таком виде связанных за руки попарно провели сперва по городу, а затем обратно в Кремль и все это время продолжали бить их кнутом. Не все выдерживали такое жестокое наказание, и многие умирали” [16].

Битье батогами – публичное наказание тонкими палками с обрезанными концами – считалось более легким, чем битье кнутом. В законодательстве предписывалось за небольшую вину бить батогами, а по большой вине бить кнутом. Битье батогами тоже могло быть простое и нещадное. По Уложению били батогами дьяка за проволочку дел; стольников, стряпчих, дворян московских за бесчестье патриарха и лиц, виновных в имущественных преступлениях (X, 16, 30, 31 и др.).

При наказании батогами виновного клали на землю лицом вниз, и один палач садился ему на ноги, а другой на голову, обхватив коленями его шею. Палачи брали по два прута толщиной в мизинец и били по спине и по заду жертвы до тех пор, пока распорядитель наказанием – дьяк не закричит “полно”, “стой” или пока не переламывались прутья. Иногда переворачивали и били преступника по животу, по бедрам, по икрам ног. Во время производства экзекуции преступник должен был кричать “виноват”, а по окончании кланяться палачам в ноги. Если он этого не делал, то его били до тех пор, пока он не закричит “виноват” [17].

Битье прутом, именуемое “**правеж**” являлось первоначально средством принуждения к исполнению судебного решения по имущественным искам. Этот дикий обычай выколачивания денег у должников был заимствован нами от татар. Как описывал историк В.Н. Татищев, “обвиненных к платежу выводили перед приказом разутых перед тем, как судьям надлежит в приказ приезжать, а спускали с правежа, как судья выедет. У каждого должника стоял пристав с прутом и бил его вдоль по ноге так крепко, как ему от истца или ответчика за труд заплачено; следственно одни на правеже стоя, бою не чувствовали, другие были изувечены” [18]. Правеж длил-

ся различное время в зависимости от взыскиваемой суммы. Обычно за сто рублей долга ответчик подвергался правежу в течение одного месяца. Правежу подвергался либо сам ответчик, либо его поручитель. Землевладельцам-феодалам предоставлялось право послать на правеж своего человека – крестьянина или холопа.

В XVI-XVII вв. правеж был чрезвычайно распространен в России. В своих записках Дж. Флетчер еще более расширил наши представления об этом наказании. «Всех, кто не хотел или не мог заплатить штраф, долги, налоги, недоимки или иные денежные взыскания, писал он, хватили и ставили перед съезжей избой или приказом. Обычно каждый день набиралось 40 или 50 таких людей. Являлись праведчики и, распределив между собой виновных, ставили их в ряды и всех поочередно били длинной тростью по икрам ног до тех пор, пока они не отдавали денег. Так было каждый день от 8 до 11 часов утра. За экзекуцией наблюдал пристав. Все время после полудня и ночью пристав держал их в кандалах, за исключением тех, которые представляли достаточное ручательство, что будут сами являться на правеж в назначенный час. По закону могли бить в течение месяца, но фактически же эти люди простаивали на правеже до года. А после годичного стояния на правеже, если обвиненный не хотел или не в состоянии был удовлетворить кредитора, последнему позволялось продать жену его и детей вовсе или на известное число лет; если же предлагаемая за них сумма недостаточна, то он сам мог взять их себе в рабы на несколько лет или навсегда, смотря по размеру долга [19].

По Уложению 1649 г. правеж применялся и в качестве наказания, например, за угрозу убийством (X, 133).

§ 4. Тюремное заключение

О заключении еретиков в темницы есть летописные свидетельства XI-XII вв. Тюрма применялась первоначально не как самостоятельное наказание, а как предварительная мера. Тюремное заключение впервые в законодательстве встречается в Судебнике 1550 г., где оно назначалось в совокупности с торговой казнью при отсутствии поручителей (ст. 6). В Уложении 1649 г. тюрь-

ма упоминалась более 40 раз и как мера охранительная до представления поручительства, и как самостоятельное наказание. Срок наказания колебался от трех дней до пожизненного заточения либо до государева указа.

Тюрьмы в XVI-XVII вв. были земляными, деревянными и каменными. Лица, осужденные церковным судом, заключались в монастырских тюрьмах, а политические преступники - в особых тюрьмах. Монастырское заключение либо могло ограничиваться помещением в келью, у которой для охраны день и ночь стояли стрельцы, либо оно сопровождалось выполнением преступником разного рода работ. А к наиболее неисправимым сидельцам применялось “монастырское смирение”, то есть битье их здесь батогами, палками, плетью. Содержание политических преступников отличалось особо строгим режимом. Предписывалось к таким заключенным никого не пропускать и не разрешалось с ними никому разговаривать. Положение политических преступников считалось хуже, чем уголовных. На помощь своих родственников они не могли рассчитывать, так как родственники либо сами сидели, либо остались нищими в результате конфискации имущества. Для одиночного заключения особо опасных политических врагов правительства служили “каменные мешки” – ниши, заложенные камнем или кирпичом, а также земляные ямы.

Устройство и содержание всех тюрем в стране возлагалось тогда на посадские и уездные общины, избравшие для управления ими из своей среды целовальников и тюремных сторожей. Однако эти лица исполняли свои обязанности с большой небрежностью, и довольно часто из тюрем совершались побеги. К тому же тюрьмы были еще немногочисленны и довольно тесны. Тюремные сидельцы питались не за счет казны, кормили их либо родственники, либо они сами добывали пропитание у населения, прося милостыню у местных жителей. Для сбора продуктов питания один-два раза в неделю водили их партиями в кандалах по городу. При московских тюрьмах, находившихся в ведомстве Разбойного приказа, также были избранные населением черных сотен и слобод целовальники и сторожа. Пала-

чей в Москве выбирали из “вольных людей” и платили им жалование.

В это время преступников из тюрем стали посылать и на государственные работы. Об этом впервые в нашем законодательстве упоминало Уложение 1649 г.

§ 5. Ссылка, отнятие чести, отрешение от должности

Мерой наказания, средством изолирования преступников от общества была **ссылка**, то есть изгнание их за то или иное преступление с постоянного местожительства. Ссылка в России впервые была применена в 1597 г. к угличанам по делу царевича Дмитрия. По Уложению 1649 г. ссылка могла быть назначена за кражу и разбой (XXI, 9-10), за самовольный переход посадских людей в крестьяне или в холопы (XIX, 13), за корчемство и употребление табака (XXV, 3, 17), за невнесение судебного дела в книги из корыстных целей и за участие в наезде (X, 129, 198). Применение ссылки постепенно расширялось и по другим нормативным актам. Так, по царским указам, изданным после Уложения, ее могли назначить и за непредумышленное убийство, и за злостную клевету, и за разбой при отсутствии собственного признания, и за укрывательство татей и разбойников, и за другие преступления. Во второй половине XVII в. широко применяли ссылку к раскольникам.

Ссылка по своей продолжительности считалась пожизненной (вечной). Ссылаемые преступники лишь в особых случаях заключались в местах ссылки в тюрьму, а по общему же правилу они определялись или на службу, или в посады, или на пашню в крестьяне. Кроме Сибири ссылали в северные районы Европейской России, поволжские и приазовские города, в так называемые “украинные”, пограничные города – словом, в те места, куда государство в то время распространяло свои границы. Ссылка способствовала и колонизационной политике правительства. Ссылка также соединялась с телесными наказаниями и тюремным заключением.

А ссылка видных вельмож носила характер **опалы**. Так, в 1510 г. псковским наместникам и выборным лю-

дям была объявлена “великая опала”. 300 знатнейших родов Пскова по воле московского князя подверглись “разводу”, то есть они были переселены в другие города. Об опале как форме наказания для судей, отказавших челобитчикам в осуществлении правосудия, и для воевод, нарушивших сроки выдачи проезжих грамот за границу, упоминали Судебник 1550 г. (ст. 7) и Уложение 1649 г. (XI, 2). “Опала, - как пишет В.Н. Татищев, - есть гнев государев и означает его право выбрать разного рода наказание в зависимости от личности виновного. Так, знатному было не велено ко двору ездить и со своего дома съезжать” [20].

Наряду с опалой были и другие виды наказания, направленные на умаление чести и достоинства человека. Так, Уложение упоминало публичное наказание сотенного головы за самовольный им отпуск ратных людей (VII, 16), выговор ответчику в присутствии понятых и других сторонних людей за неподчинение приставу (X, 139), отнятие чести у боярина, окольного и думного человека за получение взятки (X, 5). **Отнятие чести** означало лишение служилым человеком звания, понижение в чине. При отнятии чести преступление записывалось в Разрядную книгу на вечное бесчестье и посрамление.

При спорах о местничестве или оскорблении патриарха боярином и думными людьми по Уложению 1649 г. полагалась **выдача головою** (X, 27, 28). Это был своеобразный обряд унижения чести. Виновного приводили на двор к потерпевшему, и тот с непокрытой головой ожидал прощения. Спустя некоторое время зачитывалась царская грамота о прощении и виновного отпускали домой, довольствуясь его унижением.

В Судебнике 1550 г. впервые появился такой дополнительный вид наказания к торговой казни, как **отрешение от должности**. Применялся он в отношении низших судебных чинов – подьячего за нарушение порядка хранения документов и недельщика, получившего посул (ст.ст. 28, 32). Стоглав и особенно Уложение увеличили количество этого наказания и по видам нарушений, и по субъектам преступления. Так, законом предписывалось отстранять от должности недельщиков за волокиту и получение лишних пошлин (X, 146), судей, уличен-

ных в неправоудии (X, 5), губных целовальников за отпуск на свободу задержанных татей и разбойников (XXI, 84), объезжих голов и детей боярских за отпуск табачников и корчемников (XXV, 18).

§ 6. Имущественные наказания

Имущественные наказания, которые продолжали широко применять и в XVI-XVII вв., заключались в конфискации движимого и недвижимого имущества преступников, в убавке их должностных окладов и денежных штрафах. Этот вид наказаний, хотя теперь и занял как бы подчиненное место, но не утратил прежнего своего назначения — компенсировать материальный ущерб потерпевшему от преступления и пополнять государственную казну.

Судебники ввели **конфискацию имущества** как дополнительную меру наказания для введомых лихих людей, совершивших наиболее тяжкие виды преступлений. Оставшееся после возмещения иском имущество казенных преступников шло в пользу судей. По Уложению 1649 г. конфискация имущества чаще всего была соединена со смертной казнью, с торговой казнью, со ссылкой. Конфискация могла быть полной или частичной. Так, обвиняемые в любом виде измены лишались всего имущества как недвижимого, так и движимого, которое отписывалось на государя. При этом конфисковывалось имущество всех родственников, знавших об измене, приданое жены изменника, имущество его взрослого сына (II, 5-17). Помимо того, невинные родственники лишались права выкупа родовых недвижимостей, а заложенные вотчины поступали в казну (XVII, 38-40). Вернувшийся из-за рубежа изменник при домиловании его государем терял право на получение конфискованных у него поместий, так как они после осуждения изменника поступали в раздачу челобитчикам, а вопрос о получении им вотчин решался по усмотрению государя (II, 11).

Частичная конфискация определялась за ряд воинских преступлений, в частности за дезертирство и за побег с поля боя (VII, 8, 19).

В изучаемую эпоху был известен и такой вид имущественного наказания, как **уменьшение поместных и денежных окладов** лиц, совершивших ряд должностных и воинских преступлений.

К числу имущественных наказаний относился тогда и денежный штраф — **“продажа”**. “Продажа” поступала в пользу государя или лиц, осуществлявших правосудие. Размер ее обычно устанавливался судом. Чаще всего “продажа” как дополнительное наказание применялась в сочетании с торговой или смертной казнью. Но “продажа” могла быть и самостоятельным видом наказания, например за злостную невыплату долга и за оскорбление словом или действием. Продажа неоднократно упоминалась в Судебниках.

Судебник 1550 г. ввел денежные штрафы под названием **“пени”**, которые взыскивались с должностных лиц за ряд совершенных ими преступлений. Так, например, за лихоимство размер пени был равен тройной цене взятого имущества; за нанесение бесчестия служилым людям “пеня” определялась их кормлением или государевым жалованьем; дьякам — палатным или дворцовым государевым указом; большим гостям — в 50 рублей; торговым, посадским, средним и лучшим боярским людям — в 5 рублей; тиуну боярскому, доводчику и праведчику — против окладного дохода; крестьянину, младшему боярскому и городскому черному человеку — в 1 рубль. А за бесчестье жен вышеназванных лиц пеня была вдвое больше. За увечье “пеня” назначалась, смотря по увечью и по состоянию того, кто получил увечье (ст.ст. 8-11, 25, 26, 35, 71). Пеня, поступавшая в государеву казну, также являлась дополнительным наказанием.

Одновременно с выплатой “продажи” и “пени” виновный уплачивал **денежное вознаграждение в пользу потерпевшего**. Если по Судебникам это вознаграждение полагалось истцу за все преступления, то Уложение сохранило его лишь за убытки и ущербы, нанесенные имуществу, здоровью и чести потерпевшего. Так, за отсечение руки, ноги, уха, носа и других частей тела с виновного следовало денежное вознаграждение в размере 50 рублей (XXII, 10). Еще взыскивали с него бесчестье, которое по закону могло быть простое, двойное и трой-

ное. Если же виновный не имел средств, чтобы выплатить требуемое истцом вознаграждение, он либо выдавался истцу “головою до искупу”, то есть в холопство до отработки долга, либо подвергался правежу (X, 133).

Особо был отрегулирован вопрос об удовлетворении истцов по разбойным и татебным делам. Так, в четвертом разделе Уставной Книги Разбойного приказа было записано, что, если разбойник с пытки повинился, что он и его товарищи ограбили истца и взяли его имение, которое к тому же и растратили, то истцу отдавать только половину того, что он покажет. Так следовало по закону царя Ивана IV, а при Федоре Ивановиче полагалось брать у разбойника только то, в чем сам повинился с пытки. Если разбойник и его товарищи с пытки повинятся, что грабили, а сколько награбили, не помнят, то истцу выдавать только четверть того, что он покажет. А если разбойник с пытки скажет, сколько он взял именно, а остальное не помнит, то в чем разбойник винится, то брать истцу сполна, а за остальное брать только четверть [21]. По Уложению 1649 г. причиненные во время татбы и разбоя убытки истца удовлетворялись также из имущества преступников. Сумма иска при этом определялась в размере, указанном разбойниками во время пытки, а в случае, когда разбойники, сознавшись в разбое, не могли указать сумму награбленного, то истцу выплачивалась четверть предъявленного иска (XXI, 23-25). Это объяснялось постоянным завышением в то время исков в челобитных.

Список литературы и примечания

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д., 1995 С. 353.
2. Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов) / Отв. ред. Н.М. Рогожин. М., 1991. С. 76.
3. М.Ф. Владимирский-Буданов наказания XVI-XVII вв. делит на имущественные и личные, причисляя к первым продажу, пеню и конфискацию, а ко вторым - ссылку, тюремное заключение, болезненные и членовредительные телесные наказания, смертную казнь.
4. Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 225.
5. Загоскин Н.П. Очерки истории смертной казни в России. Казань, 1892. С. 55-58.

6. Евреинов Н. История телесных наказаний в России. Белгород, 1994. С. 27.
7. Полное собрание законов Российской империи (первое). Т. 1. СПб., 1830. N 203.
8. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 229.
9. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 3-е изд. СПб., 1884. С. 110.
10. См.: Евреинов Н. Указ. работа. С. 32.
11. Там же. С. 41.
12. См.: Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. М., 1986. С. 194.
13. См.: Евреинов Н. Указ. работа. С. 35.
14. Котошихин Г. Указ. соч. С. 112.
15. См.: Евреинов Н. Указ. работа. С. 37-38.
16. Олеарий А. Указ. соч. С. 301-302.
17. Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII в. СПб., 1887. С. 165.
18. См.: Российское законодательство X-XX вв.: В 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2. М., 1985. С. 146.
19. Флетчер Дж. Указ. соч. С. 74-75.
20. См.: Российское законодательство X-XX вв. Т. 2. С. 132.
21. См.: Беляев И.Д. История русского законодательства. СПб., 1999. С. 478.

В.А. Бабкин*

ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ – ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ИДЕИ И ОПЫТА РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА НАЧАЛА XX ВЕКА

Настоящая статья посвящена Всероссийскому Учредительному собранию, которое было последним значительным событием в развитии идеи и опыта российского парламентаризма. Хронологически эта тема относится к началу XX столетия. Данный отрезок времени представляет очень большой интерес прежде всего в общеисторическом смысле. Это был переломный этап в истории России, отличавшийся высоким динамизмом общественного развития, когда в движение приводи-

* © В.А. Бабкин, 2001.

лись огромные массы людей. Это было время великих социальных потрясений, трех российских революций.

В историко-правовом смысле это время чрезвычайно интересно прежде всего и главным образом тем, что в России появился и начал функционировать парламент в лице Государственной думы. Дума, пусть и в очень “усеченном виде”, была, тем не менее, органом народного представительства и являлась высшим законодательным учреждением страны. А в 1917 г., как совершенно справедливо отметила С.Н. Артамонова, имело место событие “непреодоляющего” значения – была принята попытка созвать Учредительное собрание, уполномоченное оформить новый государственный строй [1, с. 140].

Думается, что проблема российского парламентаризма вообще и Учредительного собрания в частности достаточно актуальна как в научно-теоретическом, так и в практическом смысле, поскольку в России после длительного перерыва вновь возрождается парламентаризм. И для сегодняшних российских парламентариев опыт их далеких предшественников был бы весьма интересным и поучительным.

Один из самых известных американских социологов русского происхождения Питирим Сорокин дал этому органу народного представительства следующее определение: “Учредительное собрание – это собрание народных представителей, избранных на основе всеобщего, равного, тайного и прямого голосования всем народом, для установления основных начал или законов социально-политического устройства государства. Со времени открытия Учредительного собрания вся полнота власти сосредоточивается в нем” [30, с. 290].

Вообще же проблема Учредительного собрания в широком смысле – это проблема буржуазной демократии, которая рождается в результате революции. Идеино-теоретические истоки данной проблемы восходят еще к учению французских просветителей XVIII в. “о народном суверенитете” и “общественном договоре”. Идея и лозунг Учредительного собрания, использованные буржуазными революционерами в борьбе с самодержавием, имели большое прогрессивное значение. По

словам В.И. Ленина, Учредительное собрание представляло высшую форму демократизма в буржуазной республике [24, с. 162].

История трех русских революций начала XX в. также оказалась связанной с проблемой Учредительного собрания. Большевики включили требование Учредительного собрания в свою программу-минимум, принятую на II съезде РСДРП в 1903 г. В.И. Ленин, впрочем, полагал, что Советы гораздо выше всяких буржуазных парламентских учреждений, в том числе и Учредительного собрания: “Выставляя требование созыва Учредительного собрания, революционная социал-демократия с самого начала ... неоднократно подчеркивала, что республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с Учредительным собранием” [22, с. 274].

В эсеровской программе 1904 г. также выставлялось требование Учредительного собрания [14, с. 158]. В период революции эсеры связывали его созыв со “всенародным восстанием”, которое они понимали как стихийный взрыв. Нужно сказать, что одна часть эсеров отрицала возможность использования парламентских учреждений, другая часть, напротив, была готова чуть ли не поклоняться идее Учредительного собрания.

Народные социалисты (энесы) в марте 1905 г. объявили о приверженности Учредительному собранию, но путь к нему они, в отличие от большевиков и эсеров, не связывали с насильственным уничтожением монархии. Выступая за Учредительное собрание, эта народническая партия связывала его созыв не с временным революционным правительством, а с существующим, которое должно пойти на такой шаг под давлением “снизу” [11, с. 186].

Буржуазно-либеральные деятели, стремившиеся к сохранению монархии и боявшиеся революционных потрясений, относились к идее Учредительного собрания настороженно. Правда, партия кадетов в октябре 1905 г. говорила о необходимости созыва Учредительного собрания “для составления основного закона”, однако вскоре фактически отказалась от использования этого лозунга [14, с. 121].

В исторической литературе можно встретить достаточно восторженные взгляды на идею Учредительного собрания. Например, известный публицист Ю. Гаврилов пишет, что созыв Учредительного собрания – “самая заветная, самая желанная, самая естественная цель освободительного движения России. Идея Учредительного собрания имела глубокие национальные и исторические корни и проистекала, несомненно, из векового опыта всесловных Земских соборов, с XVI в. решавших на Руси важнейшие вопросы государственной жизни. Земские соборы выносили постановления о войне и мире, Земский собор утвердил воссоединение Украины с Россией, Земский собор избрал на царство династию Романовых... Принцип соборности справедлив и демократичен, он привлек и декабристов, мечтавших о Великом соборе, и народолюбцев, которые собирались передать после крушения самодержавия власть Земскому собору с правами Учредительного собрания” [8, с. 21].

И.Н. Ксенофонов отмечает, что “лозунг Учредительного собрания был старым требованием российской демократии. За него шли в тюрьмы и на каторгу лучшие сыны и дочери России” [18, с. 87].

Об отношении простого народа к идее Учредительного собрания можно судить, например, по тексту обращения рабочих г. Костромы в марте 1907 г. в адрес II Государственной думы. Рабочие настаивали “на созыве всенародного Учредительного собрания, единственно способного навсегда поставить крест издыхающему самодержавно-бюрократическому порядку и тем самым открыть широкий путь новому, свободному политическому и социальному строительству” [17, с. 304-305].

Наконец, необходимо отметить и то обстоятельство, что именно к Учредительному собранию апеллировал великий князь Михаил Александрович Романов, в пользу которого Николай II отрекся от престола. В отречении самого Михаила Александровича говорилось, в частности, следующее: “Принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием своим через представителей ... в Учредительном собрании установить

образ правления и новые основные законы государства российского” [27, с. 419-420].

После победы Февральской буржуазно-демократической революции идея Учредительного собрания из сферы отвлеченных и спорных вопросов была перенесена на твердую почву реальности. Большевики сразу же выдвинули задачу создать Временное революционное правительство, которое должно принять меры по немедленному прекращению войны, а также взять на себя созыв Учредительного собрания. Однако под этим правительством большевики понимали только Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, которому и должна принадлежать вся полнота власти до созыва Учредительного собрания.

В первой программе РСДРП, как известно, было записано требование демократической республики. В “Апрельских тезисах” В.И. Ленин сформулировал несколько иное положение: “Не парламентарная республика, - возвращение к ней было бы шагом назад, - а республика Советов ... по всей стране, снизу доверху” [21, с. 115].

Выступая 10 апреля 1917 г. перед солдатами Измайловского полка, В.И. Ленин разъяснил вопрос о государственном устройстве России: “Вся власть в государстве ... должна принадлежать Советам... Центральной государственной властью должно быть объединяющее эти ... Советы Учредительное собрание, или Народное собрание, или Совет советов, - дело не в названии” [23, с. 187].

Большевики начали избирательную кампанию заблаговременно, еще задолго до опубликования избирательного закона об Учредительном собрании. Несмотря на нехватку денежных средств, бумаги, типографий, велась большая агитационная работа среди рабочих, солдат, крестьян. По этому поводу Л.М. Каганович писал в своих воспоминаниях: “Избирательная кампания в Учредительное собрание имела большое значение для роста нашего влияния на массы, для углубления наших связей с массами, особенно с крестьянами, и завоевания масс на сторону нашей партии и молодой Советской власти. Необходимо отметить, что мы старались охватить как можно больше предприятий, воинских частей, сельских районов и волостей, маленьких городов и деревень. Ко-

нечно, не всюду мы проникали и не захватили все, что нам хотелось, однако наши агитаторы добирались в такие закоулки, куда раньше не добирались не только большевики, но и вообще городские люди. Крестьяне были очень довольны нашими агитаторами... Не было ни одного факта, где бы, провоцируемые эсерами, крестьяне допустили бы по отношению к нашим людям какие-либо эксцессы. Наши агитаторы, среди которых было много солдат, самоотверженно, дни и ночи разъезжали и делали свое большое большевистское агитационное и организационное дело" [15, с. 163].

Главная буржуазная партия – кадеты – заявляла, что превыше всего ставит свободное волеизъявление народа в Учредительном собрании. Кадеты считали, что никаких серьезных реформ в стране до Учредительного собрания проводиться не должно. К примеру, VIII съезд кадетской партии в мае 1917 г. решительно высказался против решения аграрного вопроса до Учредительного собрания.

Также до Учредительного собрания, по мнению кадетов, следовало отложить национальный вопрос. Кадеты крайне резко осудили Центральную Раду за ее требование автономии для Украины. Такую же позицию они занимали в отношении Финляндии, Польши и других окраин бывшей Российской империи.

По отношению к войне позиция кадетов заключалась в том, чтобы вести ее до успешного конца. Война, считали они, есть всенародное дело не только потому, что ее ведет весь народ, но и потому, что то или иное окончание войны тесно связано с судьбами всего народа на долгие годы вперед. Поэтому принимать ответственное решение, влияющее на исход войны и на условия будущего мира, надлежит лишь самому народу в лице Учредительного собрания.

Эсеры были самой многочисленной и влиятельной партией мелкой буржуазии. Они стремились, опираясь на крестьянство, прийти к власти парламентским путем. Эсеровская партия объявила себя самой последовательной сторонницей решения всех важных проблем Учредительным собранием. Эсеровская газета "Дело народа" писала в мае 1917 г.: "Учредительное собрание

есть высшее торжество народной воли, верховный орган народа. С созывом Учредительного собрания начинается новая, правовая эра в жизни народа. Если революция является фактически исходным пунктом нового порядка и новых отношений, то от Учредительного собрания формально ведет начало и получает свою жизнь новое право и новая государственность... Учредительное собрание – это светоч, высший закон и пророк, все остальное – эпизоды преходящие, условные... втростепенные” [29, с. 57].

Когда-то эсеры были партией политического авантюризма, признававшей только непарламентские формы борьбы. После Февральской революции они стали признавать только легальные формы борьбы, заявляя, что после получения большинства в Учредительном собрании они проведут коренные реформы в интересах трудящихся. Поэтому они проповедовали в массах пассивное ожидание Учредительного собрания. Подготовка к нему стала главной сферой приложения их сил.

Что касается левых эсеров, то их отношение к идее Учредительного собрания было сложным, противоречивым, неоднозначным. В этом вопросе они колебались то в сторону большевиков, то в сторону правых эсеров. Например, в земельном вопросе сходство позиций левых эсеров и большевиков заключалось в требовании немедленного фактического перехода всех помещичьих земель в пользование крестьян. Однако в то время как большевики предлагали немедленно конфисковать помещичьи земли, левые эсеры все же не решались до Учредительного собрания официально провозгласить эту меру, предпочитая оставить помещичью земельную собственность хотя бы номинально.

Левые эсеры, не отвергая идеи Учредительного собрания, предлагали отказаться от тактики пассивного его ожидания. Например, глава харьковских левых эсеров В.М. Качинский писал в газете “Земля и воля” в июле 1917 г.: “Если бы революция не решала многих существенных вопросов уже теперь, - чего бы она стоила? Нельзя же на революционный период смотреть как на простую подготовку к Учредительному собранию” [29, с. 61].

Народные социалисты (энесы), слившиеся в июне 1917 г. с трудовиками в одну партию, довольно скептически относились к возможностям будущего Учредительного собрания. Энесы считали, что, по крайней мере, в деревне оставить все по-старому до Учредительного собрания нельзя, поэтому выступали за принятие временных законов, которые регулировали бы отношения крестьян и помещиков, спасая последних от “резких проявлений крестьянского нетерпения” [12, с. 96].

Меньшевики придавали Учредительному собранию достаточно большое значение. Выступая против решения рабочего и земельного вопросов “захватным” способом, они возлагали большие надежды на Учредительное собрание, которое должно, по их мнению, выработать конституцию, установить форму правления в виде парламентарной демократической республики, решить рабочий, земельный, национальный вопросы, вопрос о войне и мире, создать новое правительство.

После Февральской революции весьма интересные мысли по поводу будущего Учредительного собрания высказывал в одной из своих статей П. Сорокин. Он писал, что приходится устанавливать новый порядок политического устройства на новых началах. И никто, кроме самого народа, решить этот вопрос не может. Ни Временное правительство, ни Советы не могут этого сделать: они не являются выразителями воли всего народа.

Будет ли в России монархия, неограниченная или ограниченная, или же республика – это будет зависеть исключительно от Учредительного собрания. Самая совершенная форма, по мнению П. Сорокина, – это республика как выражение “прямого народоправства”. Место наследственного монарха должен занять избираемый на срок президент.

Учредительное собрание, продолжал П. Сорокин, должно будет решить много вопросов: о форме правления, о двух- или однопалатной системе представительства, о способе выборов в парламент, о централизованном или федеративном устройстве России, о правах и “вольностях” граждан, рабочий, земельный вопросы и т.д. Постановления Учредительного собрания будут

важными и решающими для судеб России, они глубоко и серьезно затронут интересы всего общества. Поэтому каждый должен быть заинтересован в том, чтобы состав Учредительного собрания был преданным трудовому народу, знал его нужды, хотел и умел защищать его интересы [30, с. 290-291].

Власть, созданная Февральской революцией, рассматривалась как временная, задачей которой было обеспечить условия для созыва Учредительного собрания. Во всех программных декларациях Временного правительства (от 3 марта, 6 мая, 8 июля, 26 сентября 1917 г.) говорилось о намерении созвать Учредительное собрание. Однако о подлинных настроениях министров позднее писал управляющий делами Временного правительства член ЦК кадетской партии В.Д. Набоков. По его словам, в созыве Учредительного собрания был “самый огромный риск. Наивные люди могли теоретически представлять себе это собрание и роль его в таком виде: собралось бы оно, выработало бы основной закон, разрешило вопрос о форме правления, назначило бы правительство ... а затем разошлось бы... Это можно себе представить, но кто поверит ... что именно так могло случиться? Если бы до Учредительного собрания продержалась какая-нибудь власть, то созыв его был бы, несомненно, началом анархии” [29, с. 87].

В числе вопросов, разрешение которых Временное правительство откладывало до Учредительного собрания, был аграрный. 12 апреля 1917 г. министр земледелия кадет А.И. Шингарев разослал на места телеграмму, в которой, в частности, говорилось: “Самостоятельное разрешение земельного вопроса недопустимо без общегосударственного закона. Самоуправство поведет к государственной беде и подвергнет опасности дело свободы, вызвав распри. Решение земельного вопроса по закону – дело Учредительного собрания... Во имя общего порядка прошу руководствоваться постановлениями Временного правительства и не устанавливать самовольно подобие законов” [29, с. 90-91].

До Учредительного собрания откладывался также рабочий вопрос. Предпринимательские организации, с одной стороны, предлагали рабочим не спешить с вве-

дением 8-часового рабочего дня, а дожидаться решения вопроса в законодательном порядке, так как иной способ был бы “посягательством на право народного представительства – Учредительного собрания” [7, с. 46]. С другой стороны, они предостерегали Временное правительство от разрешения этого вопроса до Учредительного собрания.

В национальном вопросе Временное правительство неизменно руководствовалось принципом “единой и неделимой России”. Когда весной 1917 г. украинские буржуазные организации стали требовать автономии Украины, то Временное правительство заявило, что этот вопрос всецело подлежит компетенции Учредительного собрания.

Произошел конфликт с финляндским сеймом, который тоже выступал за автономию Финляндии. Конфликт сводился к вопросу о том, кому перешли права свергнутого императора в отношении Финляндии: финскому народу или Временному правительству. Финская сторона стояла за первое решение вопроса, Временное правительство – за второе. Последнее слово должно было принадлежать Учредительному собранию.

1 сентября 1917 г. Временное правительство объявило Россию республикой. Однако данная акция вызвала не только одобрение, но и протесты, поскольку Временное правительство вторглось в компетенцию Учредительного собрания. Например, известный монархист В.В. Шульгин заявил: “Мы не можем допустить ни республики, ни современного республиканского правительства... И мы вовсе не уверены, что нам хочется, чтобы Россия была республикой” [29, с. 105]. Данную инициативу Временного правительства осудила состоявшаяся в сентябре 1917 г. Конференция казачьих войск. В резолюции Конференции говорилось, что это “захват Временным правительством власти Учредительного собрания” [29, с. 105].

Временное правительство приступило к организационно-правовой подготовке Учредительного собрания. Вопрос о конкретных сроках выборов и созыва решался достаточно трудно в процессе переговоров Временного правительства и Исполкома Петроградского Со-

вета. Исполком настаивал на скорейшем созыве Учредительного собрания, Временное правительство назвало предположительно предельный срок – середину лета.

Однако многие политические партии, в частности кадеты, эсеры, меньшевики, энесы, стали предостерегать правительство против поспешности с выборами.

14 июля 1917 г. Временное правительство издало постановление о сроке выборов в Учредительное собрание. Выборы назначались на 17 сентября, а созыв – на 30 сентября 1917 г. Составление избирательных списков возлагалось на органы местного самоуправления.

Между тем кадеты стали усиливать нажим на правительство, побуждая его к переносу срока выборов и созыва Учредительного собрания. Позицию кадетов поддерживал ЦИК Советов.

9 августа 1917 г. Временное правительство издало новое постановление. День выборов в Учредительное собрание был назначен на 12 ноября, а срок созыва – на 28 ноября 1917 г.

25 ноября 1917 г. Временное правительство издало постановление об образовании особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание [34, с. 10]. На это Совещание ложилась главная работа по подготовке будущего Учредительного собрания. Ведущая роль в Особом совещании отводилась специалистам, среди которых были известные деятели России, обладавшие высоким профессионализмом, принципиальной гражданской позицией, приверженностью прогрессивным демократическим принципам, определенной политической гибкостью. Это, например, Ф.Ф. Кокошкин – государствовед, профессор, преподававший в Московском коммерческом институте; В.Д. Набоков – секретарь Петербургского юридического общества, редактор журналов “Право” и “Вестник права”; В.М. Гессен – “первоклассный ученый и превосходный лектор” [1, с. 141]; Н.И. Лазаревский – чиновник при Министерстве финансов, по отзывам о нем “представлял собой настоящий клад знаний русского государственного права” [1, с. 141]; А.С. Лаппо-Данилевский – академик, видный историк права; В.А. Маклаков – известный адво-

кат; С.А. Котляревский, который разрабатывал идею правового государства.

Деятельность Особого совещания была организована таким образом: предварительное обсуждение вопросов в комиссиях по направлениям работы; далее шло обсуждение докладов комиссий на общем пленарном заседании, где проходила выработка глав и статей будущего закона; затем шла корректировка проектов в редакционной комиссии с последующим утверждением Временным правительством.

Состав и достаточно высокая организация работы Особого совещания обусловили надлежащее качество выработанного проекта избирательного закона. К примеру, состав избирательного корпуса был многочисленнее, чем в других странах, за счет предоставления избирательного права военнослужащим, женщинам, отказа от разного рода цензов.

Особое внимание было обращено на механизм определения состава будущего Учредительного собрания. В процессе его создания была проведена серьезная предварительная работа по изучению законодательства других стран, чтобы, используя уже имеющийся мировой опыт, выработать наиболее приемлемый для сложных российских условий способ формирования состава Учредительного собрания.

Большую роль в подготовке данного материала сыграл Л.И. Лазаревский. Он остановил свое внимание на принципе пропорциональности. В то время почти во всех странах выборы строились на принципе большинства (мажоритарная система), однако это вело к тому, что значительная часть избирателей оказывалась вообще не представленной. В результате удельный вес партий в парламенте не соответствовал их положению в обществе. Поэтому целесообразнее было избрать такую избирательную систему, при которой партии, оказавшиеся на выборах в меньшинстве, получили бы все-таки какое-то представительство.

Пропорциональная система имеет два основных варианта: свободные списки и связанные списки. При системе связанных списков избирателю предоставляется выбор только между списками. При системе свободных

списков избиратель вправе, кроме выбора списка, выразить свое отношение также к порядку размещения кандидатов в этом списке.

В конечном счете Особое совещание приняло пропорциональную систему как общее правило, допускающее исключения в зависимости от местных условий, и высказалось за связанные списки.

Совещание проявило определенную гибкость при обсуждении вопроса об участии в голосовании российских окраин и военнослужащих. Оно учло специфику статуса соответствующих категорий избирателей, введя как исключение для малонаселенных районов мажоритарную систему, а для армии и флота были предусмотрены специальные избирательные округа и участки.

На последнем, 34-м, заседании Особого совещания председатель этого форума Ф.Ф. Кокошкин обратился к своим коллегам со следующими словами: “Дружная и плодотворная работа Совещания, в которой преданность великому делу организации всенародной воли объединяла и сплачивала представителей самых разнообразных групп и течений, преодолевая и сглаживая партийные разногласия, останется навсегда одним из лучших воспоминаний моей жизни и является в моих глазах залогом и предвестником будущей всенародной работы по утверждению свободного демократического строя на незыблемых основах права” [1, с. 147].

Положением о выборах в Учредительное собрание предусматривалось создание при Временном правительстве Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание, на которую возлагались: общее наблюдение за ходом выборов; выработка утверждаемых Временным правительством общих инструкций в дополнение и развитие Положения о выборах; составление списка избранных в Учредительное собрание лиц; разработка статистических и иных данных по выборам. В состав комиссии должны были входить председатель по назначению Временного правительства и 15 членов, назначаемых также Временным правительством по представлению Особого совещания.

1 августа 1917 г. Временное правительство назначило членов Особого совещания М.В. Вишняка, В.М. Гес-

сена, В.А. Маклакова, В.Д. Набокова, Б.Э. Нольде и других (всего 15 человек) членами Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание. Председателем был назначен чиновник Министерства внутренних дел кадет Н.Н. Авинов.

Комиссия посылала своих представителей в командировки на места для лучшего осведомления о ходе подготовки к выборам, а затем на своих заседаниях заслушивала их доклады.

Комиссия издавала "Известия", задачей которых было осведомлять местные избирательные комиссии и избирателей по различным вопросам, связанным с выборами. На страницах "Известий" Комиссия давала ответы и разъяснения на те вопросы с мест, которые могли представлять общий интерес. Например, поступали запросы относительно возможности реквизиции помещений, типографий и бумаги для учреждений по делам о выборах в Учредительное собрание. Комиссия постановила 29 сентября 1917 г.: ходатайствам о реквизиции помещений движения не давать, поскольку это не вызывается настоятельной необходимостью. Реквизицию бумаги и типографий проводить при посредстве министра внутренних дел, которому представлено такое право постановлением Временного правительства, но за вознаграждение по рыночным ценам.

Все выборы, как полагает О.Н. Знаменский, в значительной мере работали "фактически вслепую". К октябрю 1917 г. выяснилось, что в ряде округов по разным причинам подготовка к выборам срывается. Когда Комиссия затребовала от округов сведения о состоянии дел на местах на 1 октября 1917 г., то более половины окружных комиссий даже не откликнулись на этот запрос [12, с. 181].

Временное правительство 26 июля 1917 г. возложило подготовительную работу, связанную с открытием Учредительного собрания, на Юридическое совещание. Оно приступило к разработке мероприятий организационного характера.

В проекте Организационного статуса Учредительного собрания было сказано, что первое заседание собирается по приглашению председателя Всероссийской по

делам о выборах в Учредительное собрание комиссии по прибытии в Петроград не менее 1/3 от общего числа избранных депутатов. После избрания сроком на один год председателя, секретаря и их товарищей по числу фракций (президиум Учредительного собрания) и после проверки полномочий депутатов Общее собрание создает 18 отделов (политический, социальный, юридический, бюджетный, экономический, военный и т.д.), при которых будут образованы комиссии. Совещание в составе президиума и лидеров фракций определит общие направления деятельности Учредительного собрания.

По вопросу о сложении Временным правительством своих полномочий и о последствиях этого акта позиция Юридического совещания сводилась к таким моментам. Учредительное собрание обладает всей полнотой власти с того момента, как оно само признает себя существующим. Прекращая существование в качестве верховной власти, Временное правительство должно оставаться на своем посту в качестве органа текущего управления, подчиненного Учредительному собранию и ответственного перед ним, до того момента, когда Учредительное собрание постановит организовать при себе какую-либо другую временную исполнительную власть.

Юридическое совещание полагало, что Учредительное собрание должно вручить высшую исполнительную власть единоличному органу, избранному на определенный срок, а само ограничиться контролем над исполнительной властью на началах парламентского режима. Этот единоличный орган должен управлять при содействии правительства, пользующегося доверием большинства Учредительного собрания и сменяющегося при потере такого доверия.

Юридическое совещание стояло на позиции разделения законодательной и исполнительной властей. При этом исполнительная власть должна быть наделена достаточно широкими полномочиями. Председатель Совещания Н.И. Лазаревский считал недопустимым отвлекать Учредительное собрание на мелкие дела.

В октябре 1917 г. Юридическое совещание выработало проект о временной организации исполнительной власти при Учредительном собрании, а также проект

формы издания законов при Учредительном собрании [34, с. 30-32]. Эта временная власть возлагалась на временного президента, который должен осуществлять свои полномочия под надзором Учредительного собрания и при содействии Совета министров. Президент избирается Учредительным собранием и сохраняет свои полномочия не более года.

Законы, принятые Учредительным собранием, сообщают президенту, который немедленно препровождает их для обнародования. Президент издает указы об устройстве, составе, порядке деятельности правительственных учреждений (кроме судебных), испрашивает необходимые средства у Учредительного собрания. Он руководит внешними сношениями. По вопросам объявления войны, заключения мира, международных договоров он входит с представлениями в Учредительное собрание. Президент назначает и увольняет председателя Совета министров, министров и других высших должностных лиц гражданского и военного профиля. Президент – верховный начальник вооруженных сил.

Временный президент председательствует в заседаниях правительства. Председательствовать может и председатель Совета министров. Указы и распоряжения временного президента скрепляются председателем Совета министров или одним из министров. Без этого они недействительны.

Совет министров коллективно ответствен перед Учредительным собранием. Запросы депутатов Учредительного собрания обращаются к председателю Совета министров либо к конкретному министру.

Юридическое совещание образовало Особую комиссию для выработки проекта Конституции или Основных законов. В эту комиссию вошло 30 человек. Председателем ее стал председатель Юридического совещания Н.И. Лазаревский. Задачу Особой комиссии он видел в том, чтобы не вырабатывать текст отдельных законопроектов, а создать материал, который помог бы Учредительному собранию разобратся в отдельных государственно-правовых вопросах, имея в виду, что разрешать эти вопросы придется не вполне подготовленным депутатам Учредительного собрания.

Особая комиссия приступила к работе 11 октября 1917 г. На первом заседании Комиссии [34, с. 32-35] было решено, что проектируемая Конституция должна содержать примерно 200 статей, распределенных примерно по 20 главам. Разумеется, сделать много в смысле разработки проекта Основных законов Особая комиссия по причине октябрьских событий не успела, но кое-что было все же сделано.

Комиссия выработала Предварительный проект статей по вопросу об автономии (федерации) [34, с. 44]. Проект исходил из того, что российское государство едино и нераздельно. В его составе Финляндия пользуется самостоятельностью на основаниях и в пределах, установленных законом о взаимных отношениях России и Финляндии. Принять такой закон должно Учредительное собрание.

Вводилась областная автономия. Устройство областных учреждений и пределы их “ведомства” в делах местного законодательства должны определяться законами, издаваемыми центральной законодательной властью. Областные законы не имеют обязательной силы, если противоречат Основным законам и вообще законам центральной власти.

Оживленная дискуссия развернулась в Особой комиссии вокруг вопроса о структуре органа народного представительства. Кадеты выработали Тезисы по вопросу о верхней палате [34, с. 50-52]. Большинство Комиссии высказывалось за двухпалатный парламент.

После Октябрьской революции вопрос об Учредительном собрании приобрел большую остроту. Его сторонниками стали все политические силы, даже и те, которые раньше выступали против. Сейчас они видели в Учредительном собрании возможное средство, с помощью которого можно будет удалить от власти большевиков.

Впрочем, многие политические партии ожидали, что Советская власть отменит выборы и созыв Учредительного собрания. Но ожидания эти не оправдались. Советское правительство и его глава В.И. Ленин исходили из того, что Учредительное собрание должно быть созвано. Само правительство было образовано 26 октября 1917 г. “для управления страной... до созыва Учредительного собрания” [10, с. 20].

Но не следовало ли, однако, большевикам и в самом деле пересмотреть вопрос о созыве Учредительного собрания? Тем более, что они, разумеется, учитывали вероятность отказа большинства депутатов Учредительного собрания сотрудничать с Советской властью.

Впрочем, к моменту прихода большевиков к власти механизм подготовки к выборам был уже давно запущен, в достаточной степени раскручен, и большевикам едва ли удалось бы его остановить. К тому же они из всех сил старались соответствовать взятой на себя роли выразителей интересов трудящихся масс, и любая проволочка с выборами была бы, конечно, массам непонятной. Более того, все советские законы и учреждения объявлялись временными до созыва Учредительного собрания. С началом его работы теряли силу все декреты Советской власти. Даже свержение Временного правительства иногда объяснялось тем, что оно специально затягивало созыв Учредительного собрания. В одном из публичных выступлений нарком по военно-морским делам Н. Крыленко говорил: “Да, мы свергли Временное правительство. Но свергли потому, что оно не хотело созывать ... Учредительное собрание ... Мы хотим, чтобы Советы правили бы страной до того дня, когда раздастся властный голос последнего” [31].

Были, конечно, и другие мотивы, побуждавшие большевиков не отказываться от Учредительного собрания. На основе итогов выборов можно было получить хорошую информацию о расстановке политических сил в стране. Большевики не были лишены надежды, что по мере установления и упрочения Советской власти в центре и на местах возможность успеха на выборах будет возрастать, а угроза конфликта с Учредительным собранием уменьшаться. Успех на выборах и поддержка Учредительным собранием — это было ясно всем — значительно укрепили бы положение Советской власти и обеспечили бы ей более широкую и активную поддержку со стороны демократической общественности стран с давними парламентскими традициями.

Но может, все-таки, целесообразно было бы повременить с выборами и созывом Учредительного собрания? Такие настроения среди большевиков имелись. К

примеру, Н.Л. Рубинштейн писал по этому поводу: “Вопрос об отсрочке Учредительного собрания поднимался в рядах самой партии большевиков. Судя по некоторым известиям, на такой отсрочке с целью выиграть время ... настаивал Ленин. По некоторым сведениям, особенно энергично возражал против отсрочки Свердлов, связанный с провинцией. Противники отсрочки считали, что откладывать созыв Учредительного собрания – значит ослабить позиции партии и Советской власти на местах. Было решено не отступать от назначенного срока” [28, с. 63].

Примерно то же самое писал по данному поводу Л.Д. Троцкий: “В первые же дни, если не часы, после переворота Ленин поставил вопрос об Учредительном собрании: “Надо отсрочить, - предложил он, - надо отсрочить выборы. Надо расширить избирательные права, дав их восемнадцатилетним. Надо дать возможность обновить избирательные списки. Наши собственные списки никуда не годятся: множество случайной интеллигенции, а нам нужны рабочие и крестьяне. Корниловцев, кадетов надо объявить вне закона” ... Ленин со своей позиции оказался одиноким” [33, с. 206].

По Положению о выборах голосование должно было длиться три дня. Первый день голосования был назначен на 12 ноября 1917 г. Однако уже в Положении о выборах предусматривались исключения для действующей армии. В округах Северного, Западного, Юго-Западного и Румынского фронтов голосование полагалось начать на четыре дня раньше общеустановленного срока и производить в течение семи дней, а в округе Кавказского фронта – на одиннадцать дней раньше и производить в течение четырнадцати дней. Для голосования в Балтийском и Черноморском флотских округах отводилось четырнадцать дней.

Еще в сентябре-октябре выявилась невозможность своевременного проведения выборов в ряде отдаленных гражданских округов. В результате график проведения выборов оказался нарушенным, а централизованный контроль за соблюдением сроков в значительной мере утрачен. По сведениям, которыми располагали Всевыборы на 15 ноября 1917 г., выборы начались вов-

ремя в 46 округах из 81. Однако завершение голосования в некоторых из этих округов откладывались на 1-2 и более недель. Еще в 20 округах выборы предполагалось начать 15-26 ноября. В 12 округах голосование намечалось на декабрь 1917 – январь 1918 г. А о положении в 3 округах – Таврическом, Уральском, Русских войск во Франции и на Балканах – Всевыборы вообще не имели сведений [12, с. 258].

Каков был дальнейший ход выборов и во всех ли округах они состоялись – таких сводок Всевыборы больше не составляли. Постановлением СНК от 29 ноября 1917 г. антисоветски настроенные члены Всевыборов были смещены [34, с. 59], а в управление всеми делами Комиссии вступил “неистовый Моисей Урицкий” [31].

Конечно, населению было весьма сложно ориентироваться в большом числе избирательных списков. По официальным данным Всевыборов было заявлено кандидатских списков по некоторым округам: Бессарабскому – 18, Волынскому – 30, Вятскому – 27, Киевскому – 22, Новгородскому – 16, Самарскому – 95, Уфимскому – 18, Харьковскому – 22 [29, с. 179].

На выборах наблюдался достаточно высокий абсентеизм. По данным Е.Н. Городецкого, из 90 млн избирателей по 67 округам голосовало немногим более 44 млн [9, с. 437]. Следовательно, примерно половина избирателей не участвовала в голосовании.

По итогам голосования основная масса голосов в целом по стране распределилась таким образом: за эсеров – 40,0 %; за большевиков – 23,9 %; за кадетов – 4,7 %; за меньшевиков – 2,3 % [12, с. 273].

По армии и флоту голоса распределились так: за эсеров – 43,0 %; за большевиков – 38,0 %; за кадетов – 1,0 % [16, карта N 1].

По Петрограду: за большевиков – 45,3 %; за кадетов – 26,3 %; за эсеров – 16,7 %. По Москве: за большевиков – 50,1 %; за кадетов – 35,9 %; за эсеров – 8,5 %. По Красноярску: за большевиков – 58,2 %; за эсеров – 24,6 %; за кадетов – 12,7 %. По Красноярскому гарнизону: за большевиков – 77,5 %; за эсеров – 15,2 %; за кадетов – 3,1 % [4, с. 626].

Каково же было число избранных депутатов Учредительного собрания? По одним данным, всего было

избрано 715 депутатов; среди них 412 эсеров, 183 большевика, 17 меньшевиков, 16 кадетов, 2 энеса [4, с. 625]. По другим данным, общий список избранных депутатов включал 707 человек; среди них 410 эсеров, 175 большевиков, 16 меньшевиков, 17 кадетов, 2 энеса [29, с. 182-183].

В.П. Булдаков отмечает, подводя общие итоги выборов, что ожидания большевиков на более весомый успех на выборах не оправдались. Причину этого он усматривает, в частности, в том, что в выборах участвовало слишком много партий (около 50) и фигурировало слишком много кандидатских списков (около 220), что указывало на “разобщенность массового сознания” [3, с. 44].

По образному выражению известного английского историка Джеффри Хоскинга, “даже несмотря на то, что они проиграли на выборах, большевики позволили Собранию состояться” [35, с. 54]. 26 ноября 1917 г. Советское правительство издало постановление об условиях открытия Учредительного собрания: первое заседание собирается по приглашению комиссара над Всероссийской комиссией по делам о выборах в Учредительное собрание по прибытии в Петроград более 400 депутатов; первое заседание открывается лицом, уполномоченным на то Советом Народных Комиссаров, при наличии в зале заседания не менее 400 депутатов Учредительного собрания [10, с. 159].

Правые эсеры пытались самочинно открыть Учредительное собрание 28 ноября. Но на этот день было зарегистрировано в канцелярии Таврического дворца только 172 депутата [28, с. 95]. На улицах Петрограда эсеры провели манифестацию под лозунгом “Вся власть – Учредительному собранию!”

В качестве ответной меры Советское правительство издало в тот же день Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции, согласно которому подлежали аресту и преданию суду революционных трибуналов члены руководящих учреждений партии кадетов как партии “врагов народа”. На местные Советы возлагалась обязанность особого надзора за партией кадетов [10, с. 171]. На основании этого акта были арестованы некоторые депутаты Учредительного собрания от

партии кадетов – А.И. Шингарев, Ф.Ф. Кокошкин, С.В. Панина.

20 декабря 1917 г. СНК издал постановление о сроке открытия Учредительного собрания. Открытие было назначено на 5 января 1918 г. при наличии установленного кворума из 400 депутатов [10, с. 266].

Эсеры, победившие на выборах, были настроены весьма решительно и энергично. На заседании ЦК партии эсеров 26-27 декабря 1917 г. было постановлено: развернуть самую широкую, устную и письменную, агитацию в защиту Учредительного собрания накануне его открытия; обязать местные парторганизации 5 января 1918 г. повсюду устраивать митинги и демонстрации; приступить к созданию на местах “крестьянского ополчения”, разработать устав “крестьянских боевых дружин” [29, с. 194-195].

В.П. Булдаков отмечает, что хотя в адрес Учредительного собрания шла масса приветственных телеграмм, однако это свидетельствовало только о том, что в нем видели скорее гаранта осуществления того, что было сделано народом в результате предыдущих захватных действий, лишь стимулированных большевистским переворотом. Низы исповедовали антипарламентаризм, который всегда ищет образ врага и способен моментально сменить свою направленность. Что вскоре и произошло. Характерный пример – редакционная статья газеты “Питер” от 17 декабря 1917 г., выступившей как орган “всероссийского обывателя”: “Вы ждете спасения от Учредительного собрания? Напрасно. Туда выбраны болтуны вроде Керенского, способные губить святых ... Что может сделать Учредительное собрание? Изрыгнуть море хороших слов? Довольно! Слышали. Собрание ослов не делается умнее от того, что его назовут Учредительным ... Их не придется разгонять даже Смольному. Этот пустяк выполняют четверо подростков из-за Невской заставы по собственному “анархистскому почину” [2, с. 106].

На 5 января 1918 г. эсерами была запланирована в Петрограде демонстрация под лозунгом “Вся власть – Учредительному собранию!” Незадолго до этого большевики сочли за благо ввести в городе военное положение

ние. Позже один из организаторов мероприятия эсер Паевский говорил: “Состав шествия был следующий: немногочисленное количество партийных, дружина, очень много учащихся – барышень, гимназистов, в особенности студентов, много чиновников всех ведомств, организации кадетов ... при полном отсутствии рабочих и солдат” [5, с. 20].

Несмотря на то, что демонстрация носила мирный характер, но, как писал В. Степанов, была встречена “пулеметным огнем”, а число жертв, по разным источникам, колебалось от 8 до 21 человека. “5 января 1918 г., - продолжал В. Степанов, - безоружная петербургская демократия ... мирно манифестировала в честь Учредительного собрания. Лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного собрания ... В борьбе за эту идею в тюрьмах, в ссылке и на каторге, на виселицах и под пулеметами погибли тысячи солдат и интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян. На жертвенник этой священной идеи пролиты реки крови – и вот “народные комиссары” приказали расстрелять демократию, которая манифестировала в честь этой идеи” [32, с. 66-67].

Учредительное собрание открылось 5 января 1918 г. в 16 часов в Белом зале Таврического дворца. Всего на этот момент в книге регистраций значилось 463 фамилии избранных депутатов [12, с. 338]. Не намеревались участвовать в заседаниях кадеты – никто из их депутатов на регистрацию не явился.

Собрание открыл Я.М. Свердлов в качестве председателя ВЦИК. Он огласил Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа и предложил избрать председателя Учредительного собрания.

Правые эсеры выдвинули кандидатуру В.М. Чернова, большевики и левые эсеры – М.А. Спиридоновой. За Чернова было подано 244 голоса, против - 151; за Спиридонову – 153, против - 244 [29, с. 199]. Взойдя на трибуну, Чернов произнес длинную речь.

Программа работы Учредительного собрания в речи Чернова была обозначена так: о мире; о государственном строе России; о земле; о безработице; о подготовке к демобилизации.

Представитель фракции большевиков Ф.Ф. Раскольников предложил обсудить в качестве неотложного вопрос о принятии Декларации, оглашенной Я.М. Свердловым. Предложение было поставлено на голосование и отвергнуто 237 голосами против 136 [32, с. 68].

По требованию большевиков и левых эсеров заседание было прервано для совещаний по фракциям. Тактику большевистской фракции по отношению к Учредительному собранию обсуждал ЦК большевиков в ночь с 5 на 6 января. Было решено принять написанную В.И. Лениным Декларацию об отношении к Учредительному собранию и передать ее для оглашения в заседании Собрания. В Декларации, в частности, говорилось: "Громадное большинство трудовой России — рабочие, крестьяне, солдаты — предъявили Учредительному собранию требование признать завоевания Великой Октябрьской революции, советские декреты о земле, мире, рабочем контроле и прежде всего признать власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов ... Большинство Учредительного собрания, однако, в соответствии с притязаниями буржуазии, отвергло это предложение, бросив вызов всей трудящейся России... Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы ... покидаем Учредительное собрание с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания" [19, с. 228].

Далее Учредительное собрание, уже без фракций большевиков и левых эсеров, приняло без обсуждения Закон о земле, проект которого внесли эсеры. Его основные положения: право собственности на землю отменялось "отныне и навсегда"; все земли объявлялись народным достоянием; распоряжение землей могло принадлежать центральным органам и органам местного самоуправления; право лиц и учреждений на землю, недра, леса и воды могли осуществляться только в форме пользования; отчуждение в народное достояние земель, недр, лесов и вод, находящихся у кого-либо на праве собственности или ином вещном праве, должно производиться без выкупа [34, с. 158].

Учредительное собрание приняло также декларацию в пользу всеобщего мира и постановление о государственном устройстве России: “Именем народов, государство российское составляющих, Всероссийское Учредительное собрание постановляет: государство российское провозглашается Российской демократической федеративной республикой, объединяющей в неразрывном союзе народы и области в установленных федеральной конституцией пределах, суверенные” [34, с. 159-160].

В 4.40 утра 6 января легендарный матрос произнес свою знаменитую фразу про караул: “Я получил инструкцию, чтобы довести до вашего сведения, чтобы все присутствующие покинули зал заседания, потому что караул устал” [34, с. 158].

Следующее заседание Учредительного собрания было намечено на 5 часов вечера 6 января. Однако в Таврический дворец депутаты уже не попали. В этот же день вечером ВЦИК издал декрет о роспуске Учредительного собрания [10, с. 335]. Разгон большевиками Учредительного собрания явился, безусловно, грубой и циничной акцией. Это признавал даже Л.Д. Троцкий, когда писал, что открытый, явный, грубый разгон Учредительного собрания нанес формальной демократии удар, от которого ей “уже не подняться никогда”. Троцкий иронизировал над эсеровскими депутатами: “Зато они тщательно разработали ритуал первого заседания. Они принесли с собой свечи на случай, если большевики потушат электричество, и большое количество бутербродов на случай, если их лишат пищи. Так демократия явилась на бой с диктатурой – во всеоружии бутербродов и свечей” [33, с. 208-209].

Выдающийся социолог XX в. Людвиг фон Мизес писал: “Ленин силой оружия разогнал Учредительное собрание. Краткосрочная “либеральная” интерлюдия закончилась. Из рук неспособных Романовых Россия перешла под власть настоящих авторитаристов” [26, с. 125].

Ю. Игрицкий отмечает, что “разгон Учредительного собрания был грубой и циничной мерой, свидетельствовавшей о том, что традиционных норм и законов большевики не признают, а руководствуются лишь соображениями революционной целесообразности” [13, с. 45].

Ю. Гаврилов упрекает депутатов Учредительного собрания в том, что в связи с разгоном они не приняли никакого манифеста. Далее он напоминает, что в ночь с 6 на 7 января 1918 г. в Мариинской больнице Петрограда пьяными матросами и красногвардейцами были зверски убиты в постелях больные А.И. Шингарев и Ф.Ф. Кокошкин – заключенные под стражу депутаты Учредительного собрания. Самосуды произошли и в других городах. В целом, по мнению Ю. Гаврилова, реакция населения на разгон Учредительного собрания была вялой. А вот Горький, иронизирует Ю. Гаврилов, выступил очень “ярко”. Горького потрясло то, что среди жертв были солдаты и рабочие. Хотя, разумеется, он не считал, что интеллигентов и служащих, составлявших большинство мирного шествия, убивать можно. С разгоном Учредительного собрания, заключает Ю. Гаврилов, “дверь, ведущая к демократии, была крепко захлопнута, а потом и наглухо заколочена шестидюймовыми гвоздями” [8, с. 24].

Думается, однако, что мы, очевидцы и свидетели современного российского политического процесса, современного российского парламентаризма, едва ли имеем нравственное право слишком строго судить большевиков и Советскую власть за разгон Учредительного собрания в том далеком от нас 1918 г. Безусловно, власть предержащие поступили тогда далеко не лучшим образом. Но они, по крайней мере, из танков парламент не расстреливали, как это случилось в Москве в октябре 1993 г.: “Торжество грубой силы в ходе танкового обстрела и штурма здания Дома Советов на Краснопресненской набережной Москвы .., ужасные подробности кровавой бани, демонстрируемые западными телекомпаниями на весь мир, заявления высших чинов МВД о том, что власти, “откровенно говоря, и не ожидали такого ажиотажа вокруг трупов. Если бы предполагали его, специально считали бы их потом” – все это создало ту психологическую атмосферу в обществе, когда предпосылки реализации политического процесса в цивилизованных формах оказались надолго нарушенными. Грубая сила, диктат, кровь становились все более предпочтительными методами” [6, с. 353].

Таким образом, идея Учредительного собрания, столь длительное время существовавшая в российском обществе, на практике воплотилась не совсем удачно. Тем не менее в литературе Учредительное собрание иногда называют даже “вершиной российского парламентаризма”. Думается, что столь высокая оценка этого парламентского учреждения, просуществовавшего менее суток, в значительной мере вполне справедлива. В частности, потому, что Учредительное собрание являлось достаточно представительным органом, так как было сформировано на основе очень прогрессивного даже по сегодняшним меркам избирательного закона. Выборы в него, в отличие от выборов в тогдашнюю Государственную думу, были всеобщими, прямыми, равными, при тайном голосовании. Состав Учредительного собрания, как представляется, с достаточно высокой достоверностью отражал волю избирателей.

С роспуском Учредительного собрания история российского парламентаризма начала XX в. практически закончилась.

Список литературы

1. Артамонова С.Н. Из опыта работы Особого совещания для подготовки Положения о выборах в Учредительное собрание // Государство и право. 1993. N 11.
2. Булдаков В.П. 1917 год: почему не состоялся парламентаризм // Народный депутат. 1992. N 15.
3. Булдаков В.П. На повороте. 1917 год: революции, партии, власть // История Отечества: люди, идеи, решения: Очерки истории Советского государства. М.: Политиздат, 1991.
4. Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1977.
5. Великий Октябрь, рабочий класс и современная буржуазная историография. М.: Наука, 1977.
6. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М.: РОССПЭН, 1995.
7. Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М.: Наука, 1962.
8. Гаврилов Ю. Воля народа? Почему не состоялось Учредительное собрание // Огонек. 1990. N 11.
9. Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства. М.: Наука, 1987.
10. Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957.
11. Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в первой русской революции. М.: Мысль, 1979.

12. Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л.: Наука, 1976.
13. Игрицкий Ю. Октябрь 17-го: взгляд из XXI века // Перспективы. 1991. N 1.
14. История политических партий России / Под ред. А.И. Савельева. М.: Высш. шк., 1994.
15. Каганович Л.М. Памятные записки. М.: Вагриус, 1996.
16. Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 1. 1917-1918. М.: Политиздат, 1990.
17. Калинычев Ф.И. Государственная Дума в России: Сб. документов и материалов. М.: Госюриздат, 1957.
18. Ксенофонтов И.Н. Мир, которого хотели и который ненавидели. М.: Политиздат, 1991.
19. Ленин В.И. Декларация фракции РСДРП (большевиков), оглашенная на заседании Учредительного собрания 5 (18) января 1918 г. // Полн. собр. соч. Т. 35. М.: Политиздат, 1962.
20. Ленин В.И. Заключительное слово по докладу о текущем моменте на Петроградской городской конференции РСДРП (б) 14-22 апреля 1917 г. // Полн. собр. соч. Т. 31. М.: Политиздат, 1981.
21. Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции // Там же.
22. Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Полн. собр. соч. Т. 37. М.: Политиздат, 1969.
23. Ленин В.И. Речь к солдатам на митинге в Измайловском полку 10 (23) апреля 1917 г. // Полн. собр. соч. Т. 31. М.: Политиздат, 1981.
24. Ленин В.И. Тезисы об Учредительном собрании // Полн. собр. соч. Т. 35. М.: Политиздат, 1962.
25. Матрос Железняк // Советская Россия. 1989. 30 июля.
26. Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: Дело, 1993.
27. Революционное движение в России после свержения самодержавия: Документы и материалы / Под ред. Л.С. Гапоненко. М.: Госполитиздат, 1957.
28. Рубинштейн Н.Л. К истории Учредительного собрания. М.-Л.: Госсоекоиздат, 1931.
29. Скрипилев Е.А. Всероссийское Учредительное собрание: Историко-правовое исследование. М.: Наука, 1982.
30. Сорокин П.А. Политическая программа Временного правительства // Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994.
31. Сосков В. Во всеоружии бутербродов и свечей. К 75-летию со дня рождения и смерти Учредительного собрания // Поиск. 1993. 15-21 янв.
32. Степанов В. Красный террор (1918-1923) // Радуга (Таллин). 1991. N 1.
33. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990.
34. Учредительное собрание. Россия. 1918: Стенограмма и другие материалы. М.: Недра, 1991.
35. Хоскинг Д. История Советского Союза. 1917-1991. М.: Вагриус, 1994.

ЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА АВТОНОМНОЙ СИБИРИ И МЕХАНИЗМ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ (август 1917 – октябрь 1918 гг.)

Осенью 1917 г. в России только слепой или не желающий смотреть не видел, как падает авторитет Временного правительства, как рвутся вертикальные управленческие связи его с регионами, как сами регионы начинают отдаляться от центра, нередко заявляя о необходимости для них самой широкой автономии.

Вместе с этим в регионах стали активно разрабатываться проекты решения важнейших вопросов, среди которых наиболее актуальным был земельный вопрос.

Одним из первых в данном направлении стали действовать сибирские областники.

8 октября в зале библиотеки Томского университета в торжественной обстановке открылся 1-й Сибирский областной съезд. На эстраде позади стола президиума красовалось бело-зеленое знамя областников с надписью “Да здравствует автономная Сибирь!”. 17 октября съезд принял постановление “Областное устройство Сибири”. В нем, в частности, говорилось: “Сибирь, в качестве автономной единицы, должна обладать всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной властей ... за исключением того, что всецело предоставлено будет власти центрального парламента Российской республики и что прямо запрещено будет как не подлежащее ведению народного представительства Сибири, во всех остальных случаях вся полнота законодательной власти в пределах Сибири должна принадлежать Сибирской думе...” [1].

Думской компетенции, помимо всего прочего, подлежало и “распоряжение народным достоянием – землею, недрами, лесами и водами на основаниях, которые будут установлены Учредительным собранием” [2]. Вполне естественно поэтому, что земельный вопрос

* © О.Ф. Гордеев, 2001.

оказался в центре внимания съезда: ему было отведено четыре секционных заседания и целый день пленарных слушаний. На последних от имени секции с изложением имевших место среди делегатов различных точек зрения на аграрные проблемы Сибири выступил Н.Н. Козьмин. “Известный старый девиз русской революционной демократии: “Земля и Воля” – является выражением той политической мысли, что вне перехода в руки трудового населения земли – не может быть осуществлена политическая свобода и недостижима полная демократизация власти. Народ, не получивший в свое распоряжение всех земель, не может стать верховным распорядителем своих политических и социальных судеб, - сказал он, - ... великая вторая русская революция явилась тем стихийным вихрем, который сметает кажущиеся несокрушимыми постройки хитроумных зодчих. Этим революционным вихрем вырвало власть из рук дворянства. И теперь нужно, чтобы власть эта была закреплена за трудовым народом, стала волей народа. Как дворянство было политической силой, владея землей, так и крестьянство свою волю может опереть лишь на землю. Для этого нужно, чтобы впредь земля не могла стать опорой ничьей частной собственности... Надо, чтобы земля навеки осталась общенародным достоянием... Это будет тогда, когда земля будет совершенно изъята из товарного обращения. Земля должна быть общим, без всякого исключения, достоянием и ничьей собственностью. Это и есть социализация земли” [3].

Для Сибири, по мнению Козьмина, такая реформа не представляла затруднений, потому что здесь вся земля принадлежала государству, все “частновладельческие земли совершенно терялись в море государственных и общинных земель” – на десятки миллионов десятин – это только десятки тысяч [4]. Насаждение в Сибири частной земельной собственности, считал он, “могло быть катастрофическим”. “Частная собственность на землю и в будущем в Сибири не должна существовать”, - заключал этот раздел своего выступления Н.Н. Козьмин [4].

Он докладывал съезду, что не менее определенно сложилось отношение большинства членов земельной

секции к вопросу о правах отдельных национальных групп на закрепленные за ними земли. "Осуждая насильственную политику правительства старого режима, в результате которой у сибирских народов и племен были изъяты для переселения, вне учета действительной потребности их в земле, огромные земельные площади, представители отдельных групп населения были единодушны в отрицании прав этих групп на закрепление за ними земельного фонда в неограниченном размере и на вечные времена", - заметил Н.Н. Козьмин [5]. Они признавали, что земельные излишки должны быть обращены для наделения землей безземельных представителей других групп.

Большое место Н.Н. Козьмин в своем докладе отвел землеустроительным работам, проблемам повышения производительности труда в сельском хозяйстве, связав их со справедливым решением вопроса об определении размеров земельного обеспечения, исходя из двух оснований: "Во-первых, хозяйство должно быть обеспечено таким количеством земли, которое бы позволяло использовать по возможности полностью рабочую силу членов семьи, но не могло служить средством для эксплуатации постороннего, наемного труда, т.е. не превышало бы рабочей силы данной хозяйственной единицы, будь то семья или другое соединение, например, артель, производительный кооператив и т.д., - это так называемая трудовая норма; во-вторых, это количество земли не должно быть ниже того, какое необходимо, чтобы обеспечить удовлетворения потребностей членов трудовой хозяйственной единицы. Это будет потребительская норма" [6].

При этом Козьмин вполне резонно заметил, что ни та ни другая концепция не может "иметь повсеместного и безусловного значения - все должно зависеть от конкретных обстоятельств, резонно было бы использовать комбинированную норму, которая "не может быть выражена какой-либо абсолютной цифрой, обязательной для всех местностей и всяких культур, она должна варьироваться, иметь идеальное руководящее значение и исчисляться применительно к местным естественно-историческим и хозяйственно-культурным условиям"

[7]. В связи с этим можно говорить “об уравнительном” подходе к решению проблемы землепользования вообще в Сибири: “Все должны иметь равное право на то количество земельного обеспечения, которое соответствует рабочим силам данной хозяйственной единицы и необходимо для удовлетворения потребностей и обеспечения благосостояния ее членов” [8]. Это право, по мысли делегатов съезда, должно было быть обеспечено соответствующими органами “на общих основаниях основного закона о земле” и утверждено Сибирской областной думой [9].

В тесной зависимости от вопросов о норме земельного обеспечения стоял на съезде вопрос о роли и допустимости наемного труда “в пределах трудового хозяйства”. В большинстве своем делегаты высказывались за то, что “наемный труд не может быть в настоящих условиях сибирского хозяйства устранен”, особенно “1) когда несчастный случай, болезнь, смерть или временное отсутствие, например общественная служба, лишает семью работника, 2) когда требуется разработка новых площадей в пределах указанной нормы, 3) когда климатические условия требуют быстрой уборки хлеба и 4) в других подобных случаях” [10], а также тогда, когда он используется в земских предприятиях.

Перейдя к тому, в чем заведование и распоряжении должен быть земельный фонд, не пришедший в непосредственное хозяйственное распоряжение – национальных групп или органов земского или общинного самоуправления, которые “мыслятся как ближайшие распорядители земли”, - Н.Н. Козьмин высказался за то, что земельный фонд в таких случаях “должен состоять в заведовании Сибирской областной думы и ответственной перед нею исполнительной власти автономной Сибири” [11].

В прочной связи с этой проблемой он рассматривал вопрос о переселенческой и колонизационной политике в Сибири, заявив, что “колонизация Сибири должна осуществляться согласно целесообразно и подробно разработанного плана, она должна быть организована в интересах Сибири и быть в руках сибирской областной думы и органов местного самоуправления, воспо-

соблюдаемых в этой деятельности на общегосударственных (федеральных) средств или за счет заинтересованных в переселении частей русской республики” [12].

После прений по докладу съезд принял постановление, и по сути, и по стилю повторившее текст Н.Н. Козьмина, прочитанный им в зале Томской университетской библиотеки и отразивший программные установки партии эсеров, членом которой он продолжал состоять, как и многие делегаты съезда, объединенные к тому же областничеством.

После того как было вынесено постановление по земельному вопросу, представлялось логичным установить и механизм его реализации на практике. В частности, необходимо было определить структуру будущих органов, которые бы заведовали земельными делами.

Для координации деятельности органов, причастных к земельным делам в Сибири, и для разработки грядущей земельной реформы съездом предполагалось создать особый объединяющий и информационный орган – Областной сибирский земельный комитет “с широко поставленной информационной деятельностью и информационным бюро, а также с периодическим печатным органом, в коем должны печататься стекающиеся с мест доклады и труды местных деятелей и подробно освещаться работа на местах” [13].

Но и этого не было. Наступившие события отеснили на некоторое время исполнение намеченных планов. Грянула Октябрьская социалистическая революция. Потребовался в декабре 1917 г. созыв Чрезвычайного сибирского областного съезда представителей областных организаций, чтобы определиться со стратегией и тактикой, по крайней мере, в вопросах власти в изменившихся условиях. В “Положении о временных органах управления Сибири”, принятом съездом, было сказано, что “Сибирь является составной частью Российской республики” [14]. Будущее Сибирское учредительное собрание определит “в согласии со Всероссийским Учредительным Собранием порядок управления Сибири”. До этого высшей в Сибири властью должна стать Временная сибирская областная дума и избранный ею Сибирский областной совет, которые будут действо-

вать “до решения вопроса о форме внутреннего управления Сибирским учредительным собранием” [15].

Для органов временного управления Сибири, подчеркивалось в положении, “обязательны все не отмененные особыми постановлениями узаконения Российской республики, изданные до 24 октября 1917 года включительно, а также все документы, которые примет будущее Всероссийское Учредительное Собрание”, в том числе и имеющий быть “закон о безвыкупном переходе всех помещичьих земель, а также всех частновладельческих, казенных, удельных и других с водами, лесами и недрами в общенародное достояние, устанавливающий незыблемое право всякого трудящегося на землю” [16]. На основании указанного закона Сибирское учредительное собрание издаст свой закон о земле, “учитывающий климатические, этнографические, естественно-исторические и культурно-хозяйственные условия” Сибири [17]. До этого вопросы организации и регулирования землепользования в широком смысле “разрешаются главным сибирским земельным комитетом и подчиненными ему местными комитетами в порядке, имеющем быть определенным незамедлительно особо установленным законом”.

Съезд уточнил и расширил компетенцию Сибирского комитета, определенную 1-м Сибирским областным съездом. Отныне он и его органы на местах обязаны были заняться наделением землей малоземельного и вовсе безземельного крестьянства Сибири [18]. Подробнее его функции предполагалось прописать на заседаниях Сибирской областной думы.

Открытие ее намечалось на 7 января 1918 г., но к этому дню в Томск прибыла лишь малая часть членов думы. Срок перенесли на 2 февраля, но в ночь на 26 января по приказанию Томского Совета рабочих и солдатских депутатов некоторые члены областной думы оказались под арестом, а дела и имущество думы были конфискованы, изъяты были также отпечатанные экземпляры положений о выборах во Всесибирское учредительное собрание и другие печатные материалы.

В это же время избежавшие ареста депутаты собрались в помещении губернского комитета партии эсеров,

где и устроили частное совещание, на котором высказались таким образом: “Настало время, когда каждый сибиряк и патриот должны ... отдать все свои силы на служение стране” [19].

С утра 27 января на разных квартирах начались заседания думских фракций, а вечером 28 января в помещении Уездной продовольственной управы состоялось официальное открытие думы при наличии сорока чело-век. Дума сформировала Временное правительство автономной Сибири. Пост министра - председателя занял П.Я. Дербер, по совместительству ставший министром земледелия и колонизации. К тому времени уже было известно, что в Петрограде 5 января 1918 г., когда Таврический дворец покинули большевики и левые эсеры, оставшиеся депутаты Всероссийского Учредительного Собрания в первый и последний день своей работы приняли “Основной закон о земле”.

Вот что в нем говорилось: “1) Право собственности на землю в пределах Российской республики ныне и навсегда отменяется. 2) Все находящиеся в пределах Российской республики земли с их недрами, лесами и водами составляют народное достояние. 3) Распоряжение всей землей и ее лесами, недрами и водами принадлежит Республике в лице центральных федеративно-областных органов и органов местного самоуправления на основаниях, установленных настоящим законом. 4) Самоуправляющиеся на государственно-правовых началах области Российской республики осуществляют свои земельные права на основаниях сего закона и в согласии с федеративной конституцией. 5) Задачи государственной власти в области распоряжения землей, недрами, лесами и водами составляют: а) создание условий, благоприятствующих для наилучшего использования естественных богатств страны и для наивысшего развития производительных сил; б) справедливое распределение всех естественных благ среди населения. 6) Право лиц и учреждений на землю, недра, леса и воды осуществляется только в форме пользования. 7) Пользователями землей, недрами, лесами и водами могут быть все граждане Российской республики, без различия национальности и вероисповедания, и их со-

юзы, а равно государственные и общественные учреждения. 8) Земельные права пользователей приобретаются, осуществляются и прекращаются на началах, установленных настоящим основным законом. 9) Принадлежащие ныне отдельным лицам, союзам, учреждениям земельные права, поскольку они противоречат сему закону, отменяются. 10) Отчуждение в народное достояние земель, недр, лесов и вод, находящихся ныне у лиц, союза и учреждений по праву собственности или ином вещном праве, производится без выкупа" [20].

Естественно, попавший в Томск документ питерских единомышленников не мог не найти поддержки у томских думцев, и это отразилось в уже упомянутой декларации, в аграрной ее части. "В области земельных отношений, - говорилось в ней, - провести в жизнь принятый Всероссийским Учредительным Собранием закон о безвыкупном переходе помещичьих земель, а также всех частновладельческих, казенных, удельных и других с водами, лесами и недрами в общенародное достояние, устанавливающий незыблемое право всякого трудящегося на землю" [21].

Однако созданное в Томске правительство оказалось пока не в состоянии реализовать это, более того, большая часть правительства вскоре отбыла на восток, где большевистская власть, по их мнению, еще не укрепилась; оставшиеся же в феврале 1918 г. образовали Западно-Сибирский комиссариат в количестве четырех-пяти человек для поддержания связи с военными и прочими противобольшевистскими организациями "с целью подготовки свержения Советской власти", которая сама в немалой степени способствовала этому, провозгласив углубление пролетарской революции [22].

В том же феврале, выступая перед агитаторами, направляемыми в провинцию, В.И. Ленин говорил: "Разъясните деревне, что кулаков и мироедов необходимо урезать... Война внешняя кончилась или кончается... Теперь начало внутренней войны. Буржуазия, запятая награбленное в сундуки, спокойно думает: "Ничего, - мы отсидимся"... Вы должны это провести на местах. Не дать им прятаться... Прав был старик-большевик, объявивший казаку, в чем большевизм. На воп-

рос казака, а правда ли, что вы, большевики, грабите-ли, старик ответил: да, мы грабим награбленное” [23].

Действие породило противодействие. В результате во многих регионах России Советы пали. В конце весны - начале лета 1918 г. под ударами внутренних сил и мятежа чешских легионеров такая участь постигла советские органы Сибири. Следствием стала легализация Западно-Сибирского комиссариата, который сначала практически заявил о себе в Новониколаевске, затем переехал в Омск. Себя члены комиссариата называли уполномоченными Временного Сибирского правительства. Это – члены Всероссийского Учредительного Собрания Павел Михайлов, Борис Марков, Михаил Линдберг и председатель Томской уездной земской управы Василий Сидоров.

Свои ближайшие планы они обнародовали в декларации: восстановление губернских, городских и уездных комиссариатов и органов местного самоуправления, действовавших до большевистского переворота, организация вооруженных сил, “достаточных для утверждения народовластия и охраны жизни и достояний граждан от всех покушений врагов демократического строя как извне, так и изнутри”, координация работы государственных учреждений, организация продовольственного дела и т.п. [24].

Для решения проблем, возникших в сфере земельных отношений, в частности, при комиссариате 14 июня был учрежден отдел земледелия и колонизации [25].

Для “обсуждения и объединения правительственных мероприятий по продовольственному делу и для согласования деятельности учреждений, ведающих продовольствием населения”, 16 июня было образовано продовольственное бюро Западной Сибири и Степного края [26].

28 июня Западно-Сибирским комиссариатом было утверждено управление “в части заведования национальными лесами” [27].

Воссоздаваемые органы по мере возможности включались в практическую деятельность. В разгар полевых работ по представлению некоторых из них 21 июня 1918 г. Западно-Сибирский комиссариат принял поста-

новление "О снабжении земледельческого населения Сибири сельскохозяйственными машинами, орудиями и шпагатом". Правда, в основном оно было ориентировано на недавно прибывших из-за Урала крестьян, то есть переселенцев, и это не случайно. В первой половине года наблюдалось резкое повышение переселенческого движения. К маю по разным направлениям Сибири прошло свыше 30 0000 переселенцев. По контингенту переселенческая волна представляла собой преимущественно беженцев из голодных, гиблых губерний, безработных. Можно было наблюдать целые артели кустарей и ремесленников, пробиравшихся в Сибирь со своим нехитрым скарбом.

На переселенческих пунктах скапливалось нередко до семиста человек. Но долго они там не задерживались, а старались поскорее попасть в хлебобродные сибирские деревни [28].

Вместе с тем, естественно, постановление не оставило в стороне коренных сибирских земледельцев. "В целях планомерного и своевременного снабжения земледельческого населения Сибири, - говорилось в нем, - Западно-Сибирский комиссариат постановил: 1) распределение земледельческих машин, орудий и шпата, приобретенных на казенные средства, предоставляется кооперации и органам переселенческого управления; 2) распределяются исключительно те, находящиеся на складах и могущие прибыть в сезон 1918 г. машины, которые приобретены этими складами на специальные капиталы, выделенные государством; 3) ближайшее определение порядка по распределению прибывающих машин, орудий и шпата между указанным и ... организациями, а также порядок выдачи той или другой из этих организаций машин, находящихся уже на складах переселенческого управления, железнодорожных станциях и паромных пристанях Сибири, определяется инспекцией заведующих отделами продовольствия, земледелия, колонизации" [29].

Это было последнее решение Западно-Сибирского комиссариата, касающееся сибирских аграрных проблем в прагматическом смысле. Просуществовав от-

крыто месяц, комиссариат передал власть в руки Временного Сибирского правительства.

1 июля 1918 г. в числе других высших государственных учреждений Сибири этим правительством было образовано Министерство земледелия и колонизации с учреждением должности управляющего, названного министерством, причем тогда же на эту должность назначили доцента Омского политехнического института, преподавателя Омского сельскохозяйственного училища Николая Иннокентьевича Петрова [30].

Внутренняя структура этого центрального земельного учреждения представляла следующую картину.

Согласно требованиям жизни, обусловленным природными и экономическими причинами, в рамках министерства помимо общего отдела (канцелярия министерства) было образовано пять отделов (департаментов): лесной, земельный, колонизационный, земледелия и мелиоративный. Каждый из перечисленных отделов работал самостоятельно.

Общим объединяющим органом Министерства земледелия и колонизации являлась канцелярия министра. Здесь проводились организационные работы ведомства, сосредотачивались его финансовые вопросы и велась бухгалтерия. В то же время канцелярия должна была оформлять организацию центральных установлений путем издания приказов о назначениях и перемещениях должностных лиц. Согласно составленному в канцелярии министра наказу для канцелярии и отделов министерства земледелия и колонизации, к ведению канцелярии относились особо важные дела, в том числе переписка министра с высшими государственными учреждениями и функционерами. В канцелярии составлялись законопроекты и доклады общего характера по ведомству, не имевшие особого отношения к одному какому-нибудь отделу, ею сносились в правительство все законопроекты, готовившиеся в министерстве. Из-за отсутствия особой юрисконсультской части в канцелярии проходила экспертиза поступавших материалов и давались заключения по общим юридическим вопросам [31].

Что же касается разрешения земельных вопросов на местах, то после Февральской революции сложились

предпосылки к тому, чтобы значительная часть проблем, касающихся земли, находящейся в фактическом пользовании местного населения, должна была решаться органами земского самоуправления. Резонно вставал вопрос о разграничении полномочий земств и государственных органов. Именно с этой целью 25 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство утвердило представленное министром земледелия и колонизации временное положение “Об учреждениях, ведающих земельными делами в Сибири”.

Положение это разграничивало сферу деятельности правительственных учреждений и органов местного самоуправления. “Земли, на которые к моменту издания настоящего положения не распространялось фактическое обладание местного населения, а также земли, подлежащие, согласно закону (казенные лесные дачи, колонизационный фонд, оброчные статьи и проч.), ведению правительственных органов, подчиняются прежним узаконениям с теми, однако, изменениями, которые вытекают из сего положения”, - указывалось в документе [32].

Таким образом, за правительственными органами — центральными и местными — оставалось право распоряжения и использования в государственных целях казенных земель и лесов.

Все же земли сельскохозяйственного назначения, как отведенные в установленном порядке в пользование местного населения, так и находящиеся согласно действующим узаконениям в его фактическом обладании, а также земли частновладельческие передавались в ведения органов земского самоуправления.

Тем же положением учреждался земельный отдел в составе Министерства земледелия и колонизации “для подготовки земельной реформы и разрешения земельных вопросов, впредь до окончательного установления новых земельных отношений Всероссийским Учредительным Собранием” [33].

В его задачи, согласно положению, входило общее руководство сбором и анализом необходимых для земельной реформы сведений и “подготовительными к ней действиями, а равно учет через подлежащие органы всего земельного фонда, в целях установления общих

оснований использования последнего, для устройства на нем местного и пришлого населения” [34].

Помимо того земельный отдел должен был предварительно рассматривать поступающие из заинтересованных государственных учреждений, общественных организаций и объединений законопроекты по урегулированию земельных правоотношений “в связи с осуществлением земельной реформы составлять окончательный вариант проекта земельной реформы” [35].

В компетенцию земельного отдела включалось также рассмотрение вопросов, связанных с отводом земель для подготовки их в качестве колонизационного фонда и объединением деятельности местных земельных органов.

С целью более основательной проработки вопросов к грядущей реформе и в помощь земельному отделу при министерстве земледелия и колонизации был образован в соответствии с положением земельный совет, в который должны были входить: по одному представителю от губернских (областных) земских собраний, заведующий земельным отделом министерства и его помощники, заведующие других отделов министерства по указанию лично министра, по рекомендации совета в его работе могли участвовать представители национальных групп населения, имеющие “своеобразные формы землепользования”, по одному представителю от каждой; по одному представителю от министерства юстиции и министерства финансов и государственного контроля; представители от высших сельскохозяйственных учебных заведений и от крупных научных экономических и сельскохозяйственных обществ (по приглашению самого министра), в числе не более четырех, “сведущие лица, приглашаемые председателем совета в каждом отдельном случае в качестве экспертов с совещательным голосом”.

Немалое место отводилось в положении проблемам управления землями. Так, земли, на которых к моменту появления анализируемого документа “не распространялось фактическое обладание местного населения”, а также лесные дачи и колонизационный фонд – все это передавалось в ведение государственных органов. Все

земли сельскохозяйственного назначения, как отведенные в установленном порядке в пользование местного населения, так и находящиеся, согласно действующих законов, в его фактическом обладании, а также земли частновладельческие, “передавались в ведение органов местного самоуправления” [36].

В то же время в случаях крайней необходимости для государственных нужд могли изыматься земли изпод ведения земств и наоборот - туда же передаваться опять при острой необходимости, правда, на особых условиях.

В положении особое внимание было уделено роли губернских (областных) земств. Им предписывалось заниматься собиранием необходимых для земельной реформы сведений, составлением соображений и заключений по относящимся к ней вопросам, а также выполнением необходимых для этого подготовительных мер; учетом земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в ведении земских самоуправлений; охраной сельскохозяйственных имений от обесценения их владельцами и арендаторами, согласно даваемым министерством земледелия и колонизации инструкциям и указаниям; “возбуждением перед министром земледелия и колонизации вопросов об изъятии таких имуществ из распоряжения их владельцев и арендаторов, при наличности действий хозяина, которые повлекли за собой обесценение имения”. Действиями, обесценивающими имущества, признавались такие распоряжения владельца или арендатора, благодаря которым сельскохозяйственное имение утрачивало необходимые для ведения его принадлежности (леса, воды, покосы, инвентарь и прочее, либо составные части имения - угодья) теряли свою хозяйственную ценность.

Губернские (областные) земства обязаны были подымать вопросы об обращении малоценных лесных дач для использования их в сельскохозяйственных целях и заниматься установлением “общего порядка распределения между населением угодий, передаваемых государством для использования в сельскохозяйственных целях, и приведением в исполнение постановлений центральной власти по земельным делам” [37].

Для решения этих задач при губернских (областных) и уездных земских управах должны были быть созданы земельные отделы во главе “с одним из членов управы” или лицом, “избранным для этого губернским или уездным земским собранием”.

Расходы на содержание земельных отделов при земских управах относились на государственный счет и должны были производиться по сметам, составляемым согласно особой инструкции, вырабатываемой и утверждаемой министерством земледелия и колонизации по соглашению с министерством финансов и Государственным контролем.

Для координации деятельности всех находящихся в губернии земельных учреждений, как правительственных, так и земских, учреждались губернские (областные) по земельным делам советы. В них входили председатель губернской земской управы, заведующий земельным отделом управы, представитель городского самоуправления губернского (областного) города по рекомендации городской думы, начальник управления земледелия и государственных имуществ, заведующий переселенческим районом, представитель окружного суда, а также при рассмотрении и утверждении смет и планов работ – по одному представителю от министерства финансов и Государственного контроля. Разрешалось привлекать в качестве экспертов специалистов – ученых и практиков.

Председательствование в совете поручали председателю губернской земской управы, а в его отсутствие – начальнику управления земледелия и государственных имуществ.

В состав уездных советов должны были входить, согласно положения, председатель уездной земской управы, заведующий земельным отделом управы, мировой судья по назначению окружного суда, представитель управления земледелия и государственных имуществ по назначению начальника этого управления, представитель переселенческого района по назначению заведующего районом.

Председательствование возлагалось на председателя уездной земской управы, а в его отсутствие – на мирового судью.

Дела в губернских (областных) и уездных по земельным делам советах решались простым большинством голосов. В случае равенства считалось принятым мнение, с которым согласен председатель.

На эти же учреждения возлагалось делопроизводство по соответствующим делам.

Общее делопроизводство советов поручалось губернской и уездным земским управам по принадлежности.

На губернские (областные) по земельным делам советы возлагалось: рассмотрение и решение земельных и колонизационных дел, подведомственных ранее губернским (областным) крестьянским присутствиям; предварительное рассмотрение смет, планов, работ и предложений, представляемых в министерство земледелия и колонизации земельными и лесными органами, а также распределение наличных технических сил в соответствии с утвержденными планами работ; заключение по вопросам об обращениях казенных земель в колонизационный фонд; выполнение постановлений и распоряжений центральной власти по земельным делам.

На уездные по земельным делам советы возлагалось: "...рассмотрение дел; подведомственных бывшим временным по образованию переселенческих участков комиссиям, а равно и поземельно – устроительным комиссиям; разрешение дел по земельным спорам, разрешение коих возлагалось на крестьянских начальников и уездные съезды; рассмотрение дел по выдаче ссуд на домообзаводство" [38].

В значительной мере на содержании положения, которое, кстати, в литературе называют законом, отразились взгляды Н.И. Петрова и большинства членов правительства, куда он входил. О них министр рассказал делегатам закончившегося незадолго до опубликования положения областного крестьянского съезда в Омске. "По условиям сибирской жизни, где частное землевладение настолько редкое явление, что о нем не приходится и говорить, и где казенные земли всегда свободно предоставлялись всем желающим работать на них, население искони привыкло смотреть на землю как на вольное достояние, - заявил он. - Считаясь с этим обстоятельством, Сибирское правительство, лишь только

оно получило возможность работать, немедленно же приняло основные положения о земле, выработанные Всероссийским Учредительным Собранием, о социализации земли до пункта порядка передачи земли в руки трудящегося населения” [39]. В отношении же этого вопроса, как считал Н.И. Петров, “сообразно местным сибирским условиям на помощь государству должно придти земство”. Поэтому, как только Учредительное Собрание еще раз скажет свое веское слово о земле, всю дальнейшую работу по претворению земельного закона возмут на себя земства как “органы управления, обнимающие собой все местные нужды. Здесь, правда, надо иметь в виду одно весьма важное обстоятельство: в Сибири, кроме районов уже заселенных и имеющих земские самоуправления, было немало территорий, еще не подготовленных к заселению и вследствие этого не имеющих земств. Поэтому подготовить их для колонизации и водворить сюда переселенцев – дело уже государства, для чего должны быть созданы особые органы переселения или колонизации. “Временно, до полного устройства жизни новыми переселенцами, - сообщил собравшимся Петров, - государство берет на себя в таких районах обслуживание и всех остальных нужд населения – медицинской помощи, народного образования и т.п. Но как только население этих районов способно будет сконструировать у себя земские органы, в них переходят и все функции органов колонизации” [40].

По вопросу о наделении землей беженцев министр заявил, что “в данное время земля им может предоставляться лишь во временное пользование”, когда же “выяснятся наличные остатки по каждому переселенческому участку, беженцы могут быть наделены уже на общих основаниях” [41].

В заключение Н.И. Петров особо подчеркнул, что правительство намерено опираться на земства, минуя земельные комитеты. О том, так ли это, стало видно уже из следующего нормативного акта.

Спустя несколько недель после опубликования временного положения “Об учреждениях, ведающих земельными делами в Сибири” министр земледелия и колонизации Н.И. Петров утвердил инструкцию к нему.

В первом разделе документа, посвященного предметам ведения уездных земских учреждений, велась речь о том, что названные органы должны обеспечивать “руководство деятельностью уездных земельных отделов в пределах правительственных узаконений и распоряжений”; заботиться о разрешении местных вопросов, возникающих при производстве работ по подготовке земельной реформы; поднимать вопросы “об обращении малоценных лесных дач к сельскохозяйственному использованию”; в случае необходимости возбуждать вопрос об изъятии частновладельческих имений из распоряжения владельцев”; осуществлять контроль над культурными частновладельческими имениями.

Во втором разделе “Предметы ведения губернских земских учреждений (собраний и управ) по земельным делам” подчеркивалось, что названные структуры должны разрешать важнейшие вопросы, появляющиеся при производстве работ по подготовке земельной реформы, кроме того, определять общий порядок распределения между населением угодий, временно передаваемых государством для сельскохозяйственного использования [42].

В третьем разделе, о предметах ведения уездных по земельным делам советов, наиболее тщательно прописана их компетенция: утверждение проектов поземельного устройства старожилого населения “в порядке законов о поземельном устройстве”; утверждение проектов переселенческих, запасных и прочих участков, отводимых землеотводными и поземельно-устроительными партиями; утверждение проектов казенно-лесных дач, казенно-оброчных статей и прочих участков; возбуждение вопросов о постановке межевых или съемочных работ в уезде и составление заключений по планам работ уездных земельных отделов, поземельно-устроительных, землеотводных и лесоустроительных партий; разрешение на выдачу ссуд для строительства дома и т.п.; разрешение земельных споров в пределах ведения крестьянских начальников и уездных съездов крестьянских начальников; разрешение жалоб на постановления сельских обществ, должностных лиц сельского и волостного управлений по земельным делам; вынесение зак-

лючений по делам о самовольном пользовании переселенческими участками, казенно-оброчными статьями и прочими, находящимися в ведении переселенческих учреждений и управлений государственных имуществ; заключение по вопросам о признании отдельных казенных лесных дач малоценными и об обращении их к сельскохозяйственному использованию [43].

Четвертый раздел отведен определению предметов ведения губернских (областных) по земельным делам советов. Они разрешали дела на постановления уездных по земельным делам советов по вопросам поземельного устройства старожилого населения, образования переселенческих, запасных и прочих специального назначения участков, образования казенных лесных дач и казенно-оброчных статей [44].

Губернские (областные) по земельным делам советы рассматривали сметы и планы работ губернских земельных отделов, переселенческих районов и управлений государственных имуществ.

Значительное место в инструкции отведено порядку действий губернских и уездных по земельным делам советов. "Земельные советы решают дела на основании докладов, вносимых заведующими земельными отделами и представителями переселенческих районов и управлениями государственных имуществ по принадлежности". Член совета, желающий внести доклад, заявляет об этом председателю совета для включения в повестку дня очередного заседания. Сами заседания назначаются по мере накопления дел, но "во всяком случае заявленный доклад должен быть заслушан в совете не позднее как через семь дней со дня заявления". В случае большого количества дел на заседании "очередь рассмотрения определяется самим советом". Далее в этом разделе ведется речь о технической стороне оповещения заинтересованных лиц или учреждений, о готовившемся разбирательстве дел, о возможности для докладчика приглашать на совет "своих ближайших сотрудников для объяснений по докладу", приглашаемые лица участвуют в совете без права решающего голоса [45].

Здесь же расписан порядок обжалования принятых решений в случаях необходимости: "В отношении по-

рядка и срока обжалования постановлений совета соблюдаются правила, соответственно установленные для поземельно-устроительных и временных комиссий, уездных съездов крестьянских начальников и общих присутствий губернских управлений. Если уездный по земельным делам совет не усмотрел ничего противозаконного в обжалуемых постановлениях волостных и сельских управлений и распоряжениях должностных лиц, то совет утверждает эти постановления и распоряжения и оставляет жалобы без последствий. Если уездный по земельным делам совет признает обжалуемое постановление или распоряжение незаконным, то в таком случае совет или окончательно отменяет обжалуемое постановление или распоряжение, или, отменив таковое, возвращает его для нового рассмотрения" [46].

В случае признания советом обжалованного постановления или решения, распоряжения не только незаконным, но и содержащим признаки преступного деяния, дело направляют в суд для привлечения виновных к судебной ответственности, а лица, пострадавшие от этого, вправе искать возмещения убытков в судебном порядке. Постановления совета по подобного рода делам доводятся до сторон. Сами же дела рассмотрению в совете больше не подлежат [47].

Значительное место упоминаемый раздел инструкции отвел принципам арендных отношений на землю. "Сдаче во временное пользование на праве аренды через посредство земских учреждений..., - говорится в нем, - подлежат: а) казенно-оброчные статьи, свободные от аренды, б) переселенческие, запасные и прочие участки, находящиеся в ведении переселенческих районов и не подлежащие немедленному заселению, в) части казенных лесных дач, свободные от лесных насаждений и назначенные к сдаче в аренду" [48].

Списки участков, подлежащих аренде "через посредство земских учреждений, соответственно составляют управлениями государственных имуществ и переселенческими районами". В эти списки должны быть внесены сведения о сроках аренды, предполагаемой арендной плате и способах использования земли арендаторами. Списки участков и "предположения относительно

но условий аренды” должны утверждаться губернскими по земельным делам советами. После этого “участки поступают в распоряжение земских учреждений для распределения между населением, на основаниях, установленных губернским земством”.

Заключение арендных договоров, взыскание арендной платы и надзор за соблюдением условий аренды возлагается “на лесничих и надзирателей управлений государственных имуществ” [49].

В заключение раздела авторы инструкции остановились еще на одной проблеме - возбуждении вопросов о признании отдельных казенных лесных дач малоценными и об обращении их к сельскохозяйственному использованию. Инструкция рекомендовала сноситься за решением вопроса как в земельные отделы, так и в переселенческие районы и управления государственных имуществ. Помимо этого, подобные дела могли разбираться в уездных по земельным делам советах. Уездные советы выносили по ним заключения и представляли их в соответствующий губернский отдел. Губернские по земельным делам советы разрешали эти дела, и решения их не подлежали обжалованию, за исключением тех случаев, если с ними не согласен представитель управления государственных имуществ. В таких ситуациях материалы должны были поступать на утверждение в министерство земледелия и колонизации.

Губернские (областные) по земельным делам советы разбирали заявления отдельных граждан, обществ и т.п. о приобретении на правах собственности земельных имуществ “с точки зрения соответствия требованиям постановления Всероссийского Временного правительства от 12 июля 1917 г. (отсутствие спекуляции, фиктивного характера сделки и пр.) для представления на разрешение министра земледелия и колонизации” [50].

Содержанию труда земельных отделов посвящен VI раздел инструкции. На отдел возлагалось ведение подготовительных работ по составлению аграрных реформ, учет земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в ведении земств, а также общее делопроизводство земельных советов и земских управ по земельным делам, надзор и руководство внутринадельным раз-

межеванием “в пределах прав и обязанностей, лежавших прежде на крестьянских начальниках и уездных съездах их”, заведование переселенческими участками, переданными земству, и осуществление надзора за правильным использованием отведенных населению “в порядке поземельного устройства лесных наделов” [51].

В VII разделе инструкции речь велась о порядке действия земельных отделов. В нем указывалось, что заведующий отделом является докладчиком в совете по вопросам, решение которых раньше было компетенцией крестьянских начальников или их съездов, сельских обществ, сельских и волостных управлений по земельным делам, а также по проблемам, связанным с новым наделением земель мало или недостаточно ею обеспеченных крестьян и по переселенческим вопросам [52].

Земельные отделы обязаны были рассматривать только те заявления и жалобы, которые поступали на имя земельных советов. Все остальные жалобы и заявления передавались представителям соответствующих переселенческих районов и управлений государственных имуществ.

Если в поступивших заявлениях и жалобах не хватало материала для составления мотивированного доклада, то в таком случае заведующий земельным отделом обязан был принять меры “к всестороннему выяснению вопроса и к получению всех необходимых для доклада сведений”. По крайней важности допускались командировки служащих земельных отделов, а равно работников управления государственных имуществ и переселенческих районов для выяснения вопроса на месте.

Когда по обстоятельствам дела требовалось производство землемерных работ, заведующий земельным отделом поручал заниматься этим землемерному составу.

Если имевшихся наличных технических сил было недостаточно для выполнения неотложных работ, то в таком случае заведующий земельным отделом “входил в земельный совет с докладом по вопросам откомандирования землемеров из других правительственных учреждений (переселенческих и поземельно-устроитель-

ных партий)”. Откомандирование землемеров в распоряжение земельного отдела допускалось, если это не являлось препятствием к выполнению задач, возложенных на названные учреждения.

На последней странице инструкции говорится о том, что в ведении земельных отделов могли находиться “все переселенческие участки, в которых “свободных долей осталось не более пяти процентов общего количества долей, на которые отведен участок”. В примечании сказано: свободные доли исчисляются по количеству водворенных, а не зачисленных долей. Все остальные переселенческие участки, в которых свободных долей оказывалось более пяти процентов, должны были находиться в распоряжении переселенческих управлений до полного заселения. Указанные же выше свободные доли допускалось земельным отделом передавать земствам, при этом принятие новых переселенцев на свободные земли в течение трех лет со времени передачи участка земству предоставлялось самому сельскому обществу.

“Если последнее в течение указанного срока не воспользуется предоставленным ему правом, - писали в самом конце инструкции ее авторы, - то в таком случае водворение переселенцев на свободные доли производится земельным отделом” [53].

Таким образом, разрешением земельных вопросов на местах фактически занимались государственные учреждения. Несомненно, подчинение органов земского самоуправления административной системе означало возвращение к дореволюционным порядкам, отказ от демократических принципов. Но в условиях гражданской войны такая система позволяла государству более оперативно осуществлять свои решения на практике и целенаправленно проводить земельную политику.

Что же касается самой земельной политики, то органы власти автономной Сибири в период с августа 1917 по октябрь 1918 гг. придерживались в целом тех основных принципов, которые легли в основу Закона “О земле”, принятого Учредительным собранием 5 января 1918 г. Но, как оказалось впоследствии, эта политика не удовлетворяла ни земледельцев, которые ждали от вла-

сти радикальных революционных решений, ни саму контрреволюцию, которая требовала усиления реакции и возвращения к прежним частнособственническим порядкам.

Список литературы

1. Сибирские записки. 1917. N 6. С. 115.
2. Там же. С. 116.
3. Сибирские записки. 1917. N 6. С. 118.
4. Там же.
5. Там же. С. 120.
6. Там же.
7. Там же. С. 122-123.
8. Там же. С. 123.
9. Сибирские записки. 1917. N 6. С. 123.
10. Там же. С. 124.
11. Там же. С. 125.
12. Там же. С. 125-126.
13. Там же. С. 126.
14. Первый сибирский областной съезд: Постановления съезда. Томск, 1917. С. 11.
15. Как возникла Временная областная сибирская дума и Временное правительство Автономной Сибири. Томск, 1918. С. 6.
16. Там же.
17. Как возникла Временная областная сибирская дума и Временное правительство Автономной Сибири. Томск, 1918. С. 10.
18. Там же.
19. Там же.
20. ГАРФ, ф. 586, оп. 1, д. 21, лл. 23-24.
21. Воля Сибири. 1918. 17 июля.
22. ГАРФ, ф. 586, оп. 1, д. 21, л. 28.
23. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 326-327.
24. См.: Рязановский В.А. Обзор законодательной деятельности государственной власти в Сибири // Правительственный вестн. 1919. N 180. С. 2.
25. См.: Максаков В., Турунов А. Хроника гражданской войны в Сибири (1917-1918). М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. С. 170-171.
26. Рязановский В.А. Обзор законодательной деятельности государственной власти в Сибири // Правительственный вестн. 1919. N 180. С. 2.
27. Там же.
28. Там же.
29. Свободная Сибирь. 1918. 10 июля.
30. Воля Сибири. 1918. 4 июля.
31. См.: Акерблом С. Деятельность министерства земледелия в Сибири и его учреждения с 1 июля до 3 ноября 1918 г. // Известия министерства земледелия. 1919. N 1. С. 5.
32. См.: Там же.
33. Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. N 4. С. 16.

34. См.: Акерблом С. Деятельность министерства земледелия в Сибири и его учреждения с 1 июля до 3 ноября 1918 г. // Известия министерства земледелия. 1919. № 1. С. 6.
35. Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. № 4. С. 16.
36. Там же.
37. Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. № 4. С. 16-17.
38. Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. № 4. С. 17-18.
39. Там же. С. 18-19.
40. Воля Сибири. 1918. 28 июля.
41. Там же.
42. Там же.
43. ГАРФ, ф. 159, оп. 1, д. 23, л. 15.
44. ГАРФ, ф. 159, оп. 1, д. 23, л. 15 об.
45. Там же. Лл. 15 об. – 16.
46. См.: Там же. Лл. 16-16 об.
47. ГАРФ, ф. 159, оп. 1, д. 23, л. 16 об.
48. Там же.
49. Там же. Л. 17.
50. См.: Там же.
51. ГАРФ, ф. 159, оп. 1, д. 23, л. 17.
52. См.: Там же. Лл. 17 об. – 18.
53. ГАРФ, ф. 159, оп. 1, д. 23, л. 17.
54. См.: ГАРФ, ф. 159, оп. 1, д. 23, лл. 18 - 18 об..

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Дробышевский С. А. О содержании теоретических моделей наилучшего государства и планов их реализации	6
Ардашкин В. Д. Сравнительное правоведение: понятие, проблемы типологии правовых систем, тенденции развития	26
Мишина И. Д. К обоснованию аксиологоэтического подхода к изучению права	32
Митин С. С. К вопросу о разделении властей	51
Будилина Т. В., Запятой Ю. Б. Либерализм как идейное течение и политическая сила	64
Бердникова С. А. К проблеме эволюции римского права в Византии (сравнительно-правовая характеристика)	120
Подосенов О. П. Уголовное право России XVI-XVII вв. Понятие и виды преступлений	153
Подосенов О. П. Наказание по русскому уголовному праву XVI-XVII вв.	204
Бабкин В. А. Всероссийское учредительное собрание — последний этап развития идеи и опыта русского парламентаризма начала XX в.	222
Гордеев О. Ф. Земельная политика автономной Сибири и механизм ее реализации (август 1917 — октябрь 1918 гг.)	250

**ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

Сборник научных статей

Редактор *И. А. Вейсиг*
Корректор *Т. Е. Бастрыгина*
Верстка *Н. В. Черепанова*

Отпечатано

Обществом «**КЛАРЕТИАНУМ**».

Полиграфическая лицензия ПЛД № 48-65 от 22.02.99.

Издательская лицензия ИД № 03335 от 20.11.00.

660049, г. Красноярск, ул. Парижской Коммуны, 33, оф. 800.

Телефоны: (3912) 27-94-00, 27-88-48

e-mail: claret@krsn.ru